Земля говорит — могу!

906491

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЗ КИ

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

ЗЕМЛЯ ГОВОРИТ — МОГУ!

ОЧЕРКИ
И СТАТЬИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК 1979

Викулов С.

В43 Земля говорит — могу!: Очерки и статьи.— Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979.— 136 с., портр.

Совхозы и колхозы Центра России уже четвертый год практически осуществляют начертанную партией комплексную программу дальнейшего подъема их производства, их экономики и культуры. Творчество поэта, лауреата Государственной премии РСФСР им. М. Горького, ныне главного редактора журнала «Наш современник» Сергея Викулова всегда было тесно связано с северно-русской деревней, с делами и чаяниями его земляков — вологжан, которым он посвятил многие свои поэмы и сборники стихов.

В настоящей книге Сергей Викулов выступает как очеркист. Очерки и статьи его отличаются гражданской страстностью, глубиной проникновения в самые животрепещущие проблемы нечерноземной деревни, знанием быта и культуры селян, их психологии.

Без объявления 333

© СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1979 г.

НАСТАЛ ЧЕРЕД

От Москвы до Вологды медленным поездом восемь часов езды. Отходит он близко к полуночи, и я, укладываясь на нижней полке, никак не отделаюсь от волнения, рожденного ожиданием скорого свидания с родиной...

Начинается оно, это свидание, задолго до того, как последний раз лязгнут буфера и поезд остановится у приземистого, старинного вокзала. Конечно, я жду этого волнующего момента. Но пока дорога... Вагон мотает из стороны в сторону, а справа в окна ослепительно бьет уже поднимающееся из-за леса солнце, недолгая июньская ночь бесследно и быстро растворилась, как капля чернил в реке, и земля вдруг открылась глазам во всей своей красоте начала лета.

Я люблю этот первый миг свидания с родиной, когда весь вагон еще спит, а ты, забывшись, прильнул к окну и глядишь на леса да речки, поля да деревни, глядишь — и не наглядишься, возвращаясь памятью то в детство, то в юность, которые прошли здесь, среди вот таких же, как эти, полей...

Они небольшие, поля моей родины, сжаты со всех сторон то лесами, то мокрыми лядинами, то болотами. Впрочем как и луга... Правда, луга чаще на низинах, на берегах рек, утыканы стожарами, закиданы лохматыми шапками кустов. Зеленое и желтое бьет в глаза: вовсю цветут лютики и запоздавшие в этом году купавы.

А вот речка. Она прихотливо извивается среди лугов, еще полноводная, но уже вошедшая в берега. Тихо смотрится в речку какая-то деревушка, одна из

тысяч, еще дымящих по утрам двумя — тремя трубами... Неперспективная... Есть у нашего времени такое слово. Избы поредевших ее посадов разбродны, кривобоки, серы — редко которой не за полвека, каждая почти помнит революцию и совсем хорошо — коллективизацию...

Чуть на отшибе, но тоже на берегу,— то ли коровник, то ли телятник, по нынешним меркам, маленький, так и не дождавшийся механизации; не случайно нет к нему и малой тропинки, глазницы окон пусты, а вместо крыши — не упавшие еще стропила.

Не устояла деревушка (интересно, как ее имя?), не сдюжила даже тут, у железной дороги... Что уж говорить о тех, в глубине лесов, за тридцатью тремя волоками. Все меньше и меньше остается их, некогда шумных и многолюдных. «В праздники было не протолкаться»,— обязательно вспомнят в такой деревне.

И диво — всем хватало дела: и взрослым, и ребятишкам... А ребятишек было в каждой избе — хоть в две шеренги выстраивай. И это вполне понятно: земля, которой кормились деревушки, требовала рук да рук, и мужики не тужили, если в избе день за днем скрипел очеп, раскачивая зыбку. Помощники росли. Ну и само собой разумеется — наследники!

Было все это. И на всю жизнь осталось в твоей памяти.

Сколько таких, как ты, едут, плывут, летят из далекого далека к своим деревушкам, в разных чинах и званиях, но с одинаковым грузом дорогих воспоминаний о своей малой родине, рубленой избе, о тропинках и полевых дорожках, сбегающихся у ее крыльца. Приезжают — и не узнают свою деревню: совсем крохотной стала и почти безлюдной. Помнят, что в тридцатых годах в деревне был колхоз, и не такой уж маленький... Теперь же в нескольких ее избушках доживают свой век старики, и больше никого...

Где те люди — пахари, пахарей сыновья? Разъехались? Да. Но одним этим случившееся не объяснишь. Уехали молодые, те, что выросли уже после войны. На Череповецком металлургическом гиганте, взметнувшем трубы в вологодское небо в послевоенные годы, куда ни пойди, встретишь выходца из такой вот деревушки. А где отцы этих парней, их старшие братья? Погибли. В моем родном сельсовете, например, объединявшем в

войну всего 6—7 маленьких деревушек, убитых — 112 человек. Учительница А. И. Столярова со своими учениками составила точный список погибших и сейчас хлопочет о памятнике героям землякам, пилит с ребятами дрова, откладывает понемножку на памятник.

Трех деревушек в нашем сельсовете уже нет, оставшиеся сильно поредели. Впрочем как и в соседних сельсоветах. Не диво, что далекие гости вздыхают, видя такое. Они понимают, что старой деревне пришел конец, что само время, так сказать, подвело черту под ее многовековой историей, но сердцем никак не могут примириться. Болит сердце, грызут сомнения: а ладно ли все это? Не преждевременно ли? Что будет с землей, когда этих деревушек не станет, дотянутся ли до нее руки из тех, перспективных сел, центров современных крупных колхозов? А если дотянутся, то скоро ли? Ведь лес — извечный противник северного крестьянина —не дремлет. Чуть отвернись — он уже по пашне шагает, а по лугам бегом бежит... И далее: сколь многолюдны будут они, перспективные села, смогут ли собрать под свои крыши всех, кто им сейчас до зарезу нужен. В Вологодской области сейчас насчитывается 10,5 тысячи деревень, а должно остаться тысячи полторы. А вдруг люди снимутся с места и прямым ходом, минуя центр колхоза, в котором пока еще не построено ни одного современного дома, отправятся на поиски счастья в другую область?

А животноводство? Коров тоже, выходит, надо собирать в кучу. Вместо десятков помещений на 50—100 голов (и это считалось достижением), разбросанных по нынешним деревням, должны появиться современные механизированные комплексы на 400—1200 голов. Но ведь их еще надо построить... И при этом не допустить снижения надоев.

Честно говоря, обо всем не без тревоги думал я, глядя через окно вагона на мелькавшие передо мною поля, луга, леса и деревни родного края. Еще я думал: как хорошо, что партия и правительство приняли это, взволновавшее моих земляков постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». За предстоящие 10—15 лет обширный край извечно нелегкого землепашества, край тысяч деревушек и хуторов, отрезанных друг от

друга бездорожьем, должен в корне преобразиться. Шире должны стать поля (и, конечно, плодороднее!), проезжими — дороги, а мелкие деревушки — наследие исчерпавшего себя единоличного и не механизированного поначалу колхозного землевладения — должны исчезнуть, чтобы возродиться в виде крупных сел, в которых было бы все для нормальной жизни человека, для удовлетворения его материальных и культурных потребностей.

Области Нечерноземья — это, как всем известно, самая сердцевинная часть Росии, да и не только России — всей нашей Родины. Так уж исторически сложилось, что именно эти области наиболее густо застроены большими городами с бурно развивающейся в них промышленностью. А заводы и фабрики — это не только станки, это — люди. Их надо кормить. Одно дело — везти в Ленинград или Череповец продукты сельского хозяйства из Крыма, например, или с Северного Кавказа, и совсем другое — из примыкающих к этим городам колхозов и совхозов. Кто-то скажет: «Хорошо бы так-то... Но что вырастет под Ленинградом и Череповцом? Что ни говори, а это все-таки не Крым и не Кавказ».

Что ж, сомнения вполне резонные. Речь идет, по сути, о возможностях земель Нечерноземья. Каковы они? Этим вопросом в первую очередь задался и я, приехав снова на родину.

I. ЗЕМЛЯ ГОВОРИТ — МОГУ!

Итак, земля, ее возможности.

Да, нечерноземная, да, нелегкая: поля, как я уже говорил, мелкоконтурные, неровные, сплошь да рядом — каменистые...

Нелегкая земля. Но в смысле плодородия не безнадежная. И это не просто слова, это реальность многократно подтвержденная, доказанная самой же землей. Именно на этой доказанности и основано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Наша земля более трудоемкая, чем земли Кубани, например, или Украины, трудоемкая временно, потому что по мере освоения этой земли, окультуривания ее (о чем

речь пойдет ниже), трудоемкость ее будет постепенно выравниваться, приближаться к средней по стране.

Об этом говорит опыт передового на Вологодчине колхоза «Родина», которым вот уже многие годы руководит Герой Социалистического Труда М. Г. Лобытов. Поля колхоза вплотную примыкают к Вологде, центр его расположен всего в 12 километрах от города и связан с ним асфальтовой дорогой. Ничего необычного, сверхъестественного в этом колхозе не делается, он просто побольше, чем другие колхозы, получает помощи от областных организаций не сверх всякой меры, а приблизительно столько, сколько должны бы получать (и наконец получат!) все колхозы. С этой точки зрения колхоз «Родина» — хозяйство, как говорят, не типичное для Вологодчины, и нет ничего удивительного, что председатели других колхозов, когда им ставились в пример достижения «Родины», не особенно смущались: «Дайте нам столько же техники, удобрений, кредитов — и мы не хуже сработаем».

Лично меня такие ответы не только не огорчали, а, наоборот, радовали. Они еще и еще раз подтверждали, что земля наша таит в себе огромные потенциальные возможности и намеченная партией гигантская комплексная программа ее обновления даст — обязательно даст! — свои результаты. Наглядное подтверждение этому — поля колхоза «Родина». Урожай зерновых достиг 38,3 центнера с гектара! Те, кто хоть немного смыслит в сельском хозяйстве, знают, что это хорошо даже для Кубани. Вот вам и Нечерноземье, да еще не в самой благоприятной для него точке — на Вологодчине!

За счет чего колхоз достиг такого неслыханного в наших местах урожая? Ведь еще в пятидесятых годах большинство колхозов, и «Родина» в том числе, собирали по 5—7 центнеров с гектара.

В первую очередь, за счет мелиорации земель — основного звена намеченной программы ускоренного развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны, как подчеркивается в постановлении. На землях этого колхоза раньше, чем на других, сразу после майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС были начаты мелиоративные работы. И уже в 1969 году в «Родине» к севообороту приплюсовалось 535 гектаров ранее пустовавших земель. К концу 1973 года эта

площадь увеличилась уже до 1119 гектаров, из них 893 гектара были осушены закрытым дренажем и 226 — открытым.

Если до мелиорации эти гектары давали в общей сложности 8980 рублей дохода (использовались под пастбища), то после мелиораций, в 1973 году, они дали уже 263000 рублей, то есть почти в 30 раз больше. Затраты, сделанные на мелиорацию, окупились через 4 года.

Известно, что аппетит приходит во время еды. Колхоз присмотрел еще ряд площадей, пригодных для мелиорации, а это ни мало, ни много — 900 гектаров, и, таким образом, в скором времени в «Родине» будет 2000 гектаров мелиорированных, то есть приплюсованных к имевшейся пашне новых земель, что составит 33 процента всех сельскохозяйственных угодий колхоза.

И вот что интересно: мелиорированные земли, оказывается,— это не только прибавка к посевной площади и к урожаю, но и... Впрочем по порядку. Все знают, какая была в прошлом году весна. Дожди, заморозки и даже снег — чуть не до конца мая. А на Вологодчине все это вылилось в сущее бедствие. Кончались самые оптимальные сроки сева, а на поля нельзя было не то что заехать с сеялкой, даже ступить ногой. И это на старые поля, традиционно расположенные на холмах. А на мелиорированных, как это ни удивительно, можно было сеять! Мелиорация показала себя с самой лучшей стороны даже в таких тяжелейших условиях.

М. Г. Лобытов пригласил меня посмотреть на мелиорированные поля, благо, до них подать рукой: нужно лишь спуститься от центральной усадьбы (она на холме) вниз к железной дороге Москва — Вологда, и там, за переездом, они сразу и начинались. Я помнил эту низину, вечно неприглядную, покрытую кочкарником, кустами, мелколесьем, зажатую между железной дорогой и торфяным болотом, на котором вот уже десятки лет город добывает торф на топливо. Самое бóльшее, что там можно было увидеть еще 6—7 лет назад,— стадо коров и телят, скучно передвигавшихся по набитым между кочками торфянистым тропкам. Зато теперь...

Мы вылезли из машины. Справа и слева — высоченная, густая, вот-вот готовая зацвесть — тихо шелестела рожь.

— 536 гектаров! И все — вот такая!— с гордостью, как счастливый родитель о любимом чаде, сказал председатель.— Ну, конечно, минеральными подкормили... Пока только минеральными, навоза этому полю еще ни грамма не давали. И вот — любуйтесь!

Он поглядел с хитроватым прищуром на меня и спросил:

— Сколько, вы думаете, даст эта ржица?

Я не очень умею на глаз определять урожайность и, помедлив, неуверенно ответил:

— Центнеров двадцать пять, пожалуй...

— Не продадим!— решительно бросил Михаил Григорьевич.— Тридцать пять возьмем — не меньше! Приезжайте осенью — увидите.

— Да, тридцать пять будет,— согласился секретарь парткома Трифонов, он тоже был с нами.

Следующее поле — ячмень «отра». Раннеспелый. Михаил Григорьевич поясняет:

— Сеяли седьмого мая, когда ни на одном поле сеять было нельзя,— и многозначительно добавляет:— Понимаете? Только здесь!— и поворачивается к полю.

— А это — ячмень сорта «приекульский», тоже раннеспелый. Посмотрим, который лучше себя покажет, тот и получит прописку.— И опять: — Сколько дадите?

— Центнеров тридцать пять,— говорю я.

Михаил Григорьевич снова торжествующе отвечает:

— Не продадим! Сорок пять возьмем! Со всех 64 гектаров!

«Фантастика!» — думаю я про себя. И это на нашей земле! А Михаил Григорьевич, кажется, привык уже к таким цифрам, хотя, вижу, доволен и до ликования влюблен в это поле — ровное, широкое, по-молодому сильное...

—Вы посмотрите, какой простор! А ведь два года назад лес тут был. Коричневая торфяная жижа хлюпала под ногами.

За полем ячменя посевы многолетних трав — клевер с тимофеевкой. Затем — лен. Ровные, хотя и робкие еще строчки всходов, но и по ним председатель определяет далеко не рядовой урожай тресты и льносемян.

— 250 гектаров льна у нас в этом году. Но мы

теперь не дрожим за него, как раньше. Теперь основные доходы не от него, как было (лен мы даже могли бы теперь не сеять), а от животноводства. Один миллион восемьсот тысяч рублей получили в 1973 году. Это результат того, что привели в порядок землю. Одними из первых в области, если не первыми, оборудовали долголетние культурные пастбища, частично орошаемые, стали выращивать капустно-брюквенный гибрид, а он дает нам в среднем 460 центнеров с гектара сочного корма. Что это значит, вы поймете, если я скажу, что средний урожай картофеля, и то не везде, 150—200 центнеров с гектара. Почти в три раза уступает картофель капустно-брюквенному гибриду!

Сейчас мы держим около 1000 коров. В следующей пятилетке можем увеличить стадо до 1600 голов. Можем, если решим проблему пастбища. На такое стадо нужно иметь не менее 800 гектаров культурного пастбища из расчета 50 соток на корову. И вообще, если у нас — я имею в виду все колхозы — не будет заранее подготовленных культурных пастбищ, крупные животноводческие комплексы могут принести нам не радость, а слезы. Но где взять столько земли? Именно вокруг центральных поселков, на которых будет сосредоточен молочный скот? Выход один — мелиорация и ввод в строй новых земель! И плюс орошение культурных пастбищ.

В колхозе «Родина» этот «козырь», как я понял, уже брошен на стол... А в других хозяйствах?

На следующий день я побывал в совхозе «Красная Звезда». Здесь мелиорировано 2200 гектаров. Получено по 26,7 центнера зерна с гектара, почти в два раза больше, чем в среднем по области. Кроме минеральных удорбений, совхоз вывез на мелиорированные поля по 20 тонн торфа на гектар. Как и в «Родине», здесь тоже большое стадо коров айширской породы, вывезенных из Финляндии. Жирность молока у айширов достигает 6 процентов против 3,5 процента у местных, черно-пестрой породы, коров. Как обстоят дела с пастбищами здесь?

— Поедемте посмотрим,— ответил директор совхоза.

И вот что мы увидели. Коровы паслись в одной из «клеток» культурного пастбища. На полевой до-

роге, у открытого прохода в «клетку», стояли две цистерны с автопоилками. Коровы, когда им вздумается, одна по одной подходили к автопоилкам, неторопливо пили и сами, без понуканий пастуха, возвращались на траву. А трава в «клетке» росла отменная. Пастбище это, оказывается, не простое — поливное. В первый раз видел я подобное на Вологодчине и, естественно, попросил директора совхоза рассказать об этом подробнее.

— Пастбище, как видите, разгорожено на «клетки». Коров в «клетку» запускаем на три дня. Потом траву подкашиваем, вернее, выравниваем, так как коровы ее выедают неравномерно. Тут же эту площадь подкармливаем минеральными удобрениями и поливаем. Вот трубы для полива. Они очень легкие, быстро собираются и разбираются, так что их нетрудно перебросить с одного участка на другой. А воду берем из ручья. Он небольшой, и чтобы создать запас воды, соорудили земляную плотину. Вот и вся премудрость. Однако за счет нее вместо трех стравливаний за пастбищный период мы делаем пять. А это на полторы—две тысячи кормовых единиц больше, чем на обыкновенных культурных пастбищах.

Позже я выяснил, что в области есть и еще ряд хозяйств, имеющих значительные площади мелиорированных земель. Так, в колхозе «Заря» Шекснинского района только закрытым дренажем осушено 900 гектаров. Именно мелиорированные поля дали и здесь самые высокие урожаи — 24 центнера с гектара. «Заря», убедившись в силе мелиорации, составила проекты на осушение еще 1500 гектаров. Кроме того, путем раскорчевки кустарников и мелколесья с одновременным выравниванием кочек она введет в оборот еще 3500 гектаров. С прибавлением этих площадей колхоз рассчитывает увеличить производство молока в 5 раз.

Вот что такое мелиорация для вологодских колхозов, вот какие резервы таит она в себе!

Однако, отдавая должное мелиорации, я не могу не сказать в связи с ней и несколько горьких слов. Как и всякое новое дело, мелиорация требует к себе и

внимания, и заботы. Она сама по себе еще ничего не решает, она лишь создает благоприятный фон для использования всех факторов повышения урожайности. И тот, кто считает, что улучшенный, мелиорированный гектар ни в чем больше не нуждается, что он будет родить и так, глубоко ошибается. Ему, как и другим площадям, нужны удобрения! И, может быть, даже в первую очередь, потому что отдача здесь будет более полная.

И самое главное: нужен уход за осушительной системой — и открытой, и закрытой. Там, где это поняли, мелиорированные гектары «работают» с полной отдачей и, наоборот, «бастуют», где об их «внутренней» системе забыли, едва засыпали ее землей. И вот результат: в ряде районов Вологодчины с осушенных площадей урожай зерновых получают ниже среднеобластного... Это очень тревожный факт. Ведь мелиорацию мы считаем основным звеном намеченной программы улучшения земель Нечерноземья, и если это звено не сработает, что же тогда получится?

Таким образом, хлопоча о мелиорации все новых и новых площадей, руководители хозяйств прежде должны научиться ухаживать за осушительными системами, должны подготовить для этой цели специальные звенья. Иначе огромные затраты, которые производит государство, осушая земли Нечерноземья, не принесут нам ожидаемых результатов.

Чтобы дать представление о размахе работ по мелиорации, приведу некоторые цифры. За весь 1973 год в Вологодской области было введено в оборот 10 тысяч осушенных гектаров. За десятую пятилетку предстоит мелиорировать 120 тысяч гектаров. Каждый год приходится осушать 24 тысячи. Это немало, если учесть, что мощность мелиоративных отрядов, работающих сегодня на землях Вологодчины, пока невелика, в чем я убедился, побывав в одном из самых средних районов области — Белозерском.

Из общей площади сельскохозяйственных угодий в этом районе две трети занимают луга и пастбища. Но, поскольку до 1966 года мелиоративные работы, можно сказать, не проводились (у колхозов не было ни мелиоративной техники, ни средств для оплаты работ), то более половины сенокосов, например, из-

быточно увлажнены и заросли лесом и кустраником. Заросли лесом и значительные, не поддающиеся учету площади пастбищ, в том числе бывшие пашни вокруг исчезнувших или исчезающих (неперспективных) деревень. Пашни эти, как правило, мелкоконтурные и потому неудобные для обработки современной техникой. К тому же к ним, в большинстве случаев, нет дорог: гусеничный трактор, может быть, еще как-то и проберется, а машина — нет... Комбайн — тем более...

В общем, можно было бы и не сокрушаться по поводу зарастания мелких полей вокруг бывших отдаленных деревень, если бы... другие поля были не такими. А между тем бесстрастная статистика говорит вот о чем: средний контур пашни до 1966 года составлял 2,3 гектара при значительной засоренности камнями. За 8 лет после майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС в районе было мелиорировано закрытым дренажем только 473 гектара, а на старых полях проведены кое-какие культуртехнические работы. Однако эти, очень незначительные по своим масштабам работы не существенно изменили качественное состояние сельскохозяйственных угодий. По состоянию на 1 ноября 1973 года размер контурности увеличился лишь до 3 гектаров. За этой средней цифрой кроется следующее: 2240 контуров пашни имеют площадь до 1 гектара, 3311 контуров — от 1 до 5; 483 контура — от 6 до 10; 189 контуров — от 11 до 25 и только 47 контуров — от 26 до 50 гектаров.

Хочу обратить внимание читателей на первые две цифры: 2240 и 3311. В общей сложности 5551 поле размером от полугектара до пяти. Можно ли при такой контурности полей говорить об эффективном применении техники? Нельзя. Вывод напрашивается сам собой: нужно провести срочные работы по увеличению размеров контурности. Мелкие поля здесь, как правило, разделены то ли сырой, залесенной лядиной, то ли болотистой луговиной, то ли межой, на которую крестьяне испокон складывали камни. Топором или лопатой тут ничего не сделаешь. Зато бульдозеру, канавокопателю, камнеуборочной машине тут можно поработать. Но если бы они были! То есть они вообще-то есть, наша промышленность эти

машины выпускает, но в белозерских колхозах их пока очень мало, а объем предстоящих работ огромен: на 14,5 тысячи гектаров сельхозугодий нужно провести осушение, на 18 тысячах — корчевку и уборку набравшего уже силу леса и кустарника, на 12 тысячах — уборку камня и на 6 тысячах гектаров — увеличение контурности полей.

Если не будет резко увеличено количество мелиоративной техники, то осушение земель в районе завершится лишь через 50—70 лет, а культуртехнические работы — через 25—28 лет. Добавлю, что одновременно с этим придется выделить немало техники на известкование кислых почв и особенно на заготовку и вывозку на поля торфа или торфонавозных компостов.

А между тем в связи с сселением многие поля как бы отдаляются. И, чтобы попадать на них с торфом ли, с сеялкой ли, с комбайном, нужны внутриколхозные дороги, хотя бы грейдерные, хотя бы по главным направлениям. Колхоз имени Ленина, убедившись в этом, уже строит их, уже построил 16,5 километра, вложив в каждый километр по 30 тысяч рублей.

Обо всем этом мне удалось переговорить с работниками руководящих и планирующих организаций области. Меня порадовало, что они вполне представляют себе трудности, которые встают сейчас перед хозяйствами области в связи с программой мелиорации. В расчете на дополнительно поставленную технику область планирует создать 6 мощных опорных баз для мелиоративных передвижных механизированных колонн (ПМК). Но уже название этих колонн — передвижные — ставит еще одну, не менее острую проблему — организацию быта механизаторов. Находясь в отрыве от семьи, мелиораторы нередко не обеспечены ни достаточно удобным жильем, ни нормальным питанием. В результате — огромная текучесть кадров. Ее надо избежать. Над этим сейчас думают и областные организации, и районные.

Думают в Вологде и о технической оснащенности ПМК. Планируется увеличение мощностей Вологодского завода по ремонту мелиоративной техники и Сокольского завода по производству керамических

трубок, без которых невозможен закрытый дренаж полей.

В общем, мелиорация, как основное звено, заставляет думать и думать и не только деревню, но и город. И это вполне закономерно: только общими усилиями всего народа, всей страны можно решить эту нелегкую, но давно назревшую задачу облагораживания земель Центра России.

II. НА ЗЕМЛЕ ИЛИ НАД ЗЕМЛЕЙ

Итак, на повестке дня деревень Нечерноземья (в первую очередь северной его части) — сселение и, как следствие, строительство новых современных по всем параметрам сел. Надеюсь, сегодня все понимают, что эта историческая по своему значению перестройка деревни — не самоцель. Крестьяне этих областей России веками жили в своих рубленых избах и, если бы понадобилось, пожили бы, наверное, и еще... Но в том-то и дело, что такой образ жизни, такой уклад ее пришел в непримиримое противоречие с уровнем механизации сельского хозяйства, с духовными и культурными потребностями самих людей и сдерживает дальнейший рост сельскохозяйственного производства.

Таким образом, сселение диктуется в первую очередь интересами производства, которое сейчас поднялось на качественно новую ступень, ранее деревне недоступную.

Сселяться или не сселяться? — таким вопросом сейчас даже никто не задается: ответ очевиден...

Поэтому и я свой разговор с одним из областных работников, ведающих строительством на селе, начал вот с таких слов:

— Какой была деревня — я знаю. Какой она будет — хочу знать. — Мой собеседник вскинул брови, округлил глаза:

— А что тут, собственно, знать?!. Будут не деревни, а села — одно-два на колхоз или совхоз... Квартиры со всеми удобствами.

— В каких домах?

— В новых, разумеется...

— Вот о новых домах в новых селах мне и хотелось бы кое-что узнать: какими они будут — кир-

пичными, панельными, деревянными? Одноэтажными или двух-, пятиэтажными? Кто будет их строить: каждая семья свой дом или колхоз (совхоз) для каждой семьи? Будет ли житель новой деревни держать корову, заниматься огородничеством, как испокон, или захочет в квартире со всеми удобствами жить по-городскому? А если все-таки будет, то где вы думаете поставить сарайку для его скота, выделить участок для сада-огорода? Наконец, жителя деревни невозможно представить без запасов впрок. Где он будет хранить картошку, бочки с капустой, огурцами, грибами, банки с соленьем и вареньем? И еще — простите за дотошность, — где он будет сушить одежду и обувь, вернувшись с поля в ненастье.

К сожалению, ведающий строительством товарищ обо всем этом достаточно ясного представления не имел, и я решил попытать на сей счет саму жизнь. Но и жизнь — скажу заранее — однозначных ответов на мои вопросы не дала, она лишь предложила варианты их, предоставляя выбирать лучший.

Начну свой рассказ опять-таки с колхоза «Родина», что под Вологдой. Здесь, в центре колхоза, в деревне Огарково, за последние полтора—два десятка лет вырос многоэтажный поселок городского типа. Есть, правда, в нем улочка деревянных домов — с них поселок начинался, — но в основном тут двухэтажные (по 12—16 квартир) дома, есть один пятиэтажный (на 70 квартир) и один четырехэтажный (на 53 квартиры). В ближайшем будущем начнется строительство еще пяти многоквартирных домов.

Кроме жилых домов, в поселке уже построено большое здание, в котором разместились и клуб с библиотекой, и правление колхоза. Рядом с ним — школа, детский комбинат, магазин, столовая, спортивный комплекс, котельная.

Квартиры во всех домах, кроме деревянных, со всеми удобствами.

Колхозники, по словам председателя М. Г. Лобытова, вполне довольны таким жильем, хотя, оговорился он, не отказались бы и от индивидуальных домов, если бы в них были все те удобства, какими располагают многоквартирные дома.

Скот в новом поселке держат в основном пожилые люди (привычка!), молодые же о коровах не хо-

тят и слышать. Однако свиней и овец держат многие, но, откормив, продают государству (закупочные цены почти равны рыночным), мясо же для себя покупают в магазине: выгодно!..

Зато от земли не отказывается никто: каждая семья за чертой поселка имеет 3 сотки — это садовый, или, как здесь уже можно услышать, дачный участок. На нем ягодники (клубника, смородина, малина, крыжовник), яблони и, по примеру горожан, домик, в котором можно не только сложить садовый инвентарь, но и переночевать, если захочется.

Картофель, капуста — на общем для всех участке, который пашется трактором для экономии времени.

М. Г. Лобытов уверяет, что в многоэтажные дома просятся даже те, кто живет пока в избах, порой не очень старых. «И мы хотим пожить по-человечески»,— говорят заявители.

Таким образом, этажность, как мы видим, здесь колхозников не пугает. Не пугает и возникающее в связи с нею неудобство в ухаживании за скотом, потому что все накрепко уверовали в магазинное молоко.

Что касается хранения картофеля и овощей, приспосабливаются кто как может. Некоторые роют погребки на дачных участках, другие — ямы в сарайках, третьи пользуются подвалами... Неудобно. Но зато не возиться с дровами. Но зато — горячая и холодная вода, теплая уборная.

Примерно такой же поселок — центр совхоза «Дубки» — показали мне под Ярославлем. Правда, здесь, в отличие от вологодской «Родины», строительство началось не с деревянных домов, а с кирпичных двухквартирных, но кончилось теми же 8—16 квартирными домами — их в поселке большинство,— а сейчас готовятся к заселению уже два 80-квартирных дома.

Сарайки здесь построены между домами или сзади них. Выделенная для каждой семьи «клетушка» под общей крышей явно мала: если в нее поставить корову или поросенка, то некуда девать картошку, капусту, огурцы. Большинство в этих клетушках, как и в «Родине», роют ямы, бетонируют их и таким образом получают нечто вроде погреба. Для

скота же пристраивают рядом закутки из самых разных, добытых где попало материалов, и сейчас первоначальные сарайки совсем пропали среди нагромождений закутков для скота, загородок для кур.

Садовые (дачные) участки, и тоже с домиками на них, как и в «Родине»,— за чертой поселка.

Но вот мы вышли на улицу, с которой начинался поселок. Справа — посад одноэтажных кирпичных домов. Перед каждым домом палисадник, в нем две калитки к двум крылечкам. Крылечко — три ступеньки. С нижней нога ступает прямо в сад. Я не оговорился: именно в сад, потому что здесь все, как в саду,— и плодовые деревья, и ягодники, и цветы, и даже ульи. В глубине сада, уже за его границей,— деревянный сарай, как и дом, на две семьи, значительно более просторный, чем те, из кирпича. А главное, его не видно, он скрыт зеленью сада. В сарае есть место и для скота, и для всякого скарба, которого в крестьянском обиходе скапливается невесть сколько. Погреб здесь не проблема: дом одноэтажный, под полом — земля. Устраивай что хочешь.

Еще раз оглядываюсь кругом. Замечательно! Как приятно, наверное, возвратясь с работы, посидеть вот на той скамеечке, в тени деревьев, поостыть, выкурить сигарету, потом босиком пройтись между грядками, порадоваться прущей из земли зелени, потом взять вон тот шланг, присоединенный к торчащему из стены крану (удобно, не надо ведрами таскать), и полить огурцы, помидоры, цветы. После пройти с дымарем к пчелам, достать тяжелую рамку и отведать свежего меду...

«Тут, как говорится, живешь в свое удовольствие,— сказал мне хозяин садика в ответ на мой вопрос, переехал бы он в новый, 80-квартирный дом, если бы ему предложили? И продолжил: — Не только я, никто не поедет! А из тех, многоквартирных, только свистни — любой!»

И, однако же, как я уже говорил, в новых селах, особенно пригородных, дома строятся преимущественно многоэтажные — пока не выше пяти этажей... Такими домами застраиваются центральные усадьбы расположенных под Вологдой совхозов «Красная Звезда», «Плодопитомнический», колхоза «Передовой», двух птицефабрик.

К сожалению, ничего сельского в облике этих поселков нет: те же стандартные городские дома-коробки, только поставленные среди полей и лугов. Ни издали, ни вблизи они не радуют глаз, не смотрятся: как будто взяли современный городской квартал и перенесли целиком в поле. Невольно недоумеваешь: зачем?

Видимо, это недоумение посетило не только меня. И в самом деле, ведь эти городские кварталы в полях не на десять и не на двадцать лет, и будущие землеробы (а они не переведутся, пока люди едят хлеб!) едва ли будут удовлетворены ими. Селянин захочет — и будет прав! — воспользоваться преимуществом, которое дает ему это звание — жить на земле, а не над землей.

С этим соглашаются все. Но тут же добавляют: дорого и долго.

Веский аргумент, и не считаться с ним нельзя: квартиры в пятиэтажном доме, конечно, значительно дешевле коттеджей и даже двухквартирных домов. И во времени тоже выигрыш — кто станет спорить! А строить надо быстро, потому как, если есть квартиры, то, значит, есть и люди в колхозе. Это уже доказано самой жизнью.

Спрашивается, где же выход? Может быть, в некоем компромиссе? Что ж, возможно. А это означает: надо искать, экспериментировать, создавать проекты жилых домов специально для села, и не только домов — целых архитектурных ансамблей.

В Вологде — да и не только в Вологде, как я слышал,— так и поступили. Для эксперимента был выбран колхоз «Заря» Грязовецкого района, расположенный «на асфальте», то есть на дороге (в данном случае Вологда—Ярославль). Дорога — первое условие подобного строительства: слишком много строительных материалов надо завезти!

Стройка близится к завершению. И я ее видел. Со стороны экспериментальное село смотрится неплохо. Дома двух-, трехэтажные, с лоджиями, два в виде башенок — четырехэтажные. Образованные ими улочки удачно расположены по отношению к школе, клубу, Дому быта, административному зданию и образуют в центре села просторную и красивую площадь.

Пытались проектировщики решить и другие, связанные со спецификой сельской жизни проблемы: для личных коров, например, они предложили общий двор с отделением для приготовления кормов. Насколько это приемлемо, покажет жизнь. Для хранения картофеля и овощей предусмотрели более глубокие и благоустроенные подвалы в жилых домах, хотя и неизвестно, будет ли в них нужный температурный режим.

Рядом с экспериментальным селом, в 1,5—2 километрах, стоят две еще довольно многолюдные деревни: подгородние — они все такие. Председатель «Зари» не намерен сносить их — наоборот, думает расширять, потому что в кирпичных домах квартир для всех не хватит. А кроме того хочет еще посмотреть, как оно и что.

Знакомясь с поселками городского типа, отдавая им должное, я ни на минуту не забывал, что их существование в известной мере объясняется близостью к городу, что строили их мощные подрядчики из Вологды и Ярославля, каких ни в одном глубинном районе (Вологодская область с запада на восток раскинулась на 700 километров) нет еще и, наверное, в ближайшее время и не будет.

Надо было поехать в «глубинку», и я поехал, выбрав средний по всем показателям Белозерский район.

Строительство здесь, как и в других районах, ведет «Межколхозстрой». Его мощность — 2 миллиона рублей в год. Много это или мало? Сметная стоимость одного животноводческого комплекса — 3 миллиона рублей, а таких комплексов уже теперь, безотлагательно, в районе должно быть построено два. Белозерскому «Межколхозстрою», если он ничего больше строить не будет (ни одного дома ни в одном колхозе!), этой работы хватит на 3 года, а может,и на 4, так как на сегодняшний день техникой он обеспечен на 80 процентов, а рабочей силой — на 50 процентов. Если бы не бригады «шабашников» из Закарпатья, Грузии и других южных краев, строительство жилья вообще было бы невозможно вести.

Для того, чтобы Белозерский «Межколхозстрой» мог справиться с задачами застройки сел в районе, он должен увеличить свою мощность минимум в

2—3 раза. Соответственно должно увеличиться и снабжение строительными материалами, особенно цементом и шифером, которых «Межколхозстрой» и по нынешним мизерным нормам из года в год недополучает.

А жизнь не ждет. Все острее необходимость переселения людей из мелких деревень в центры колхозов, где и дворы, и техника. А главное — школы! В обезлюдевших деревнях школы, даже начальные, уже закрылись или будут закрыты в ближайшие годы. В Белозерском районе, например, остались всего 33 начальные школы (на 6 деревень — одна), и в каждой в среднем по 14 учащихся, т. е. по 5 учеников в классе. Семьи, в которых есть дети школьного возраста, спешат переехать в село: неспокойно все-таки отправлять ребят за 3—5 километров по осеннему бездорожью или зимней поземке в школу. В самый раз отвезти их на лошадке или на мотоцикле. Но не в каждой деревне теперь есть лошадь, а мотоцикл (как и бензопилу) не купишь, промышленность, к сожалению, не учитывает нужды северных деревень. Одним словом, люди переезжают. И строятся на новом месте. Но как?

Покажу это на примере белозерского колхоза имени Ленина.

Не имея возможности обеспечить жильем всех переезжающих, колхоз, как может, поощряет индивидуальное строительство. Переезжающему выдается безвозвратно 450 рублей (подъемные!), выделяются трактор для перевозки дома — тоже бесплатно, кой-какой строительный материал (цемент, кирпич, шифер, вагонка, половая шпунтованная доска...) и люди — для помощи. Время, затраченное ими и самим переезжающим на строительство, засчитывается как работа в колхозе.

Воспользовавшись указанными льготами, за последние два года переехало на центральную усадьбу 12 хозяйств.

В это же время шло строительство жилья и за счет колхоза. Строились деревянные двухквартирные дома. Снаружи они более чем непривлекательны: это приземистые, барачного типа постройки; по торцам — маленькие верандочки, через них — вход в квартиры, состоящие из трех маленьких комнат. Дом, видимо,

проектировался для лесных поселков, в нем ни грана от архитектурной эстетики, от северорусского национального стиля, а главное, в нем не чувствуется основательности, капитальности, расчета на долговечность (а ведь обшитый тесом рубленый дом может простоять сто и даже более лет!).

За четыре года колхоз построил 6 домов. И хотя они похожи на времянки, все же на центральной усадьбе прибавилось еще 12 хозяйств, и на сегодняшний день их стало здесь 55. Остальные 370 хозяйств находятся пока на своих местах в 43 деревнях, раскиданных по всей территории колхоза.

Не все хозяйства, вероятно, будут переезжать в центр, потому что не в каждом из них есть трудоспособные (из 1147 человек, числящихся в колхозе, трудоспособных только 306, а пенсионеров 411), но большинство все же должны будут переехать.

По генеральному проекту центральный поселок колхоза имени Ленина будет иметь несколько домов и в кирпичном исполнении, правда, небольших: один 12-квартирный, один 8-квартирный и два 4-квартирных, в общей сложности на 28 квартир.

Такой дом (8-квартирный) мне довелось посмотреть в колхозе «Приволжье» Ярославской области. Построили его там несколько позже, чем улочку небольших щитовых домиков («завезли откуда-то из Архангельска»), но интересно, что, как и в «Дубках», никто в кирпичный дом не рвется. И, наоборот, любой, если бы предложили, переехал из 8-квартирного дома в отдельный, хотя, повторяю, что это всего лишь небольшой щитовой домик. Интересно, чем он привлекает селян? Видом? Но какой же у него вид?! Обшитый вагонкой «теремок» с двумя окнами по фасаду. Окна без привычных для деревни наличников, отчего дом кажется подслеповатым. Немножко веселит его небольшая веранда, рябина под окном... И все.

Но перед домом и сзади него — огород, или приусадебный участок размером 48 соток. Нашлось на этом участке место и для овощей, для ягодных кустов, и даже для клевера: хозяин держит корову.

Сарайка — сзади дома, за огородом. Она разгорожена пополам: в одной половине корова, поросенок, куры, в другой — кладовая, в которую свалено все, что в старом крестьянском доме хранилось на чердаке, в

чулане, на повети, в том числе обязательные для деревни березовые веники.

Дом, небольшой снаружи, кажется довольно просторным внутри: три комнаты и кухня. Это, видимо, потому, что русская печь, обязательная в старом деревенском доме, здесь заменена небольшой «столбяночкой» с плитой и духовкой. Отопление паровое. «Котельная», если можно так назвать небольшую железную печку с идущими от нее трубами, расположена на кухне, где, кстати, нашлось место и для холодильника.

— А где вы храните картофель и овощи?— спрашиваю хозяина С. Ф. Кантонистова.

— А вот...— Сергей Фомич чуть отступил в сторону (мы стояли в прихожей) и приподнял квадратный щиток.— Все там...— И добавил: — Нельзя пока что деревенскому жителю без погребка.

Нельзя. А по проекту домики эти должны были стоять на кирпичных столбиках, очень низко над землей. Погреба не планировались. Колхозники подивились такому проекту, посокрушались и решили сделать по-своему: поставить дома на фундаменты, да повыше, чтобы не на карачках под полом ползать...

— Ну, а где держат капусту и огурцы те, что в кирпичном доме живут?

— А кто где. На лестничных площадках, в сарайках.

Сергей Фомич явно невысокого мнения о восьмиквартирном доме и убежден, что его дом лучше. Единственно, что плохо,— это вынесенный на улицу туалет. «Для себя бы планировали,— упрекает он архитекторов,— наверное, придумали бы что-то. Сосед мой, видите, уже придумал, к веранде пристроил, и не скажу, что плохо».

Попрощавшись с С. Ф. Кантонистовым, идем с секретарем парткома колхоза А. М. Проничевой в восьмиквартирный дом. Интересно все же, как там. Зашли в квартиру на нижнем этаже. Первое, что бросилось в глаза,— это железная печка-времянка с толстой ржавой трубой под потолком. Оказывается, батареи зимой еле дышали. И во всех восьми квартирах обогревались с помощью вот таких блокадных «буржуек».

На кухне, и без того маленькой, сложена печка-плита. «Пойло корове готовим»,— пояснила хозяйка...

И так во всех квартирах.

Помещение для скота — кирпичный сарай под односкатной крышей — здесь почему-то оказалось почти напротив подъезда, в промежутке между домом и коллективным огородом. Навоз из-под коров кучами наброшан напротив каждой из восьми дверей сарая... Вот и еще одна проблема.

И я, в который раз, задаю себе вопрос: какой же дом лучше для селянина? И все больше склоняюсь к тому, что лучше все же одноэтажный (пусть даже двухквартирный!), с огородным (садовым) участком возле него. Это, на мой взгляд, два обязательных, основополагающих требования к жилью селянина.

Что касается отопления, водопровода, канализации— желательно! Но если их нет — тоже не беда. Центральное отопление вполне можно заменить индивидуальным (паровым, электрическим), водопровод — колодцем и элементарным электронасосом, ванну — общественной баней с парилкой и душем.

Хорошо бы, конечно, иметь канализацию. Но давайте на минуту представим себе, что все новые села в ближайшие 2—3 года начнут проводить канализацию и, тогда уж обязательно, и водопровод? Хватит ли у нас для такой огромной стройки оборудования? Ну хотя бы тех же труб?

Короче говоря, решая принципиальные вопросы сельского строительства, мы должны мыслить реально, не отрываться от земли как в прямом, так и в переносном значении этих слов. Поэтому мне особенно приятно было узнать, что проект одноэтажного на две квартиры дома уже существует — снимок этого дома я видел в Ярославле. Дом будет собираться из готовых блоков, производство которых должно быть освоено в ближайшие годы специальными домостроительными комбинатами.

Хорошо, что такие комбинаты планируются и будут построены. Но ни в Вологде, ни в Ярославле никто даже словом не обмолвился, что наряду с такими комбинатами будут пущены в дело деревообрабатывающие заводы, рассчитанные на производство домов из деревянного бруса. Не таких, какие я видел в колхозе имени Ленина, а более просторных, красивых внешне. Уверен, что спрос на добротные, вполне современные деревянные дома был бы практически неограничен-

ным. Да и кому, как не «лесным» Вологде и Ярославлю строить деревянные дома. Но, поскольку производство типовых деревянных домов пока не налажено, может быть, стоит предложить селянам несколько (на выбор!) проектов рубленого дома, в котором были бы учтены как традиционные особенности уклада сельской жизни, так и современные возможности (паровое отопление, электричество, газ, новые отделочные материалы и т. п.).

К сожалению, таких проектов нет. В кирпичном исполнении — пожалуйста... Но купить — огромный дефицит. В Белозерском районе даже Домов культуры кирпичных только два из девяти, а клубы — все 46 — деревянные, как впрочем и школы, детсады, больницы, магазины, столовые, Дома быта...

Говоря все это, я отнюдь не отвергаю блочные дома. Но попробуйте-ка завезите по бездорожью эти блоки в отдаленные районы! Деревянные брусья все-таки легче. А главное, завод, производящий их, скорей можно пустить в дело, да и стоить он будет дешевле, чем завод железобетонных блоков.

Найдутся, наверное, хозяйства, которые все же будут строить многоквартирные дома: дешевле и быстрее. Но разумно ли? Кстати, и зарубежный опыт тоже говорит в пользу индивидуальных домов (коттеджей). Да и у нас, в средней полосе России, колхозники строят себе, как правило, одноэтажные, теперь чаще кирпичные дома.

Смотришь, как они утопают в садах, и радуешься: хорошо! Так и должен жить селянин. В этом его преимущество перед горожанином. И пусть он на здоровье пользуется им!

«Многоэтажными домами,— сказал мне один ярославский журналист,— мы убьем в крестьянине крестьянина». Его опасение мне кажется не безосновательным. В самом деле, многоэтажные дома волей-неволей подталкивают селян к городскому типу жизни — не только с точки зрения культуры (что, несомненно, хорошо!), но и с точки зрения уклада, быта. Неудобно с пятого этажа таскаться к корове, к поросенку, к овцам, ну и ладно, и не станем заводить их. Будем покупать молоко в магазине, благо колхоз продает его по потребности. Хуже с мясом, но если не полениться, съездить в город, то...

В колхозе «Родина», в совхозах «Красная Звезда» Вологодской и «Дубки» Ярославской областей, как о чем-то решенном самой жизнью и не подлежащем обсуждению говорят о том, что «молодежь не хочет держать коров и не будет держать их...». Речь идет о той самой молодежи, которая живет уже в пятиэтажных домах.

Руководители этих хозяйств такое настроение молодых считают вполне нормальным. А нормально ли? Давайте посмотрим на него с разных точек зрения. С воспитательной, например. Скажите, разве человек (особенно подросток) не становится нравственно выше, совершенней, если он вырастит живое существо — теленка, например, или ягненка, поросенка?.. Человеку доставляет радость даже обыкновенный огурец, обыкновенный помидор, куст смородины, за которым он ухаживал с первого зеленого росточка, а тут — бычок с белой звездочкой во лбу, смешно взбрыкивающий на неокрепших еще ножонках...

Ну что это за крестьянин, если он не будет знать такой радости? Окружающая природа человеку открывается глубже при активном, деятельном, а не созерцательном, не потребительском к ней отношении. Преображая ее, умножая ее богатства, человек преображается и сам, становится богаче.

И, кроме того, ведь мы хотим, чтобы наши дети не были белоручками, чтобы, став взрослыми, они не боялись никакой работы. Правда, в этом благородном желании мы порой целиком полагаемся на школу, на ее уроки труда. Но что может быть лучше ежедневных уроков на своем дворе, огороде, садовом участке? Ведь эти уроки неоценимы еще и с воспитательной точки зрения. В. А. Грибанов, секретарь Вологодского обкома КПСС, Герой Социалистического Труда, сказал по этому поводу: «Подросток, вырастивший свое дерево, никогда не сломает выращенное другим. А если дерево не сломает, то и на человека руку не подымет». С этим нельзя не согласиться.

«Молодежь не хочет...» — повторяли мне, как факт, с которым, дескать, ничего уже не поделаешь. А, собственно, почему? Молодежь есть молодежь. Как ее воспитаешь, чему научишь — такой она и будет. Для страны, по крайней мере, сейчас было бы куда легче, если бы каждая сельская семья в отношении молока,

молочных продуктов и мяса рассчитывала не только на магазин. Можно себе представить, сколько потребуется построить в колхозах и совхозах дополнительно животноводческих комплексов, если все семьи пойдут за молоком и мясом в магазин. А они уже идут. И горожане это все больше ощущают.

Я обращаю внимание на этот факт потому, что он имеет прямое отношение к жилищному строительству на селе. Селянин, кем бы он ни был — механизатором, животноводом, агрономом, счетным работником, служащим — должен оставаться селянином, не отрываться от земли, выращивать не только картошку, но и фрукты (яблони прекрасно чувствуют себя и у нас, на Вологодчине!), держать корову (проблема сена должна быть, наконец, решена), или хотя бы овец, или поросенка (по крайней мере кухонные отходы не надо будет, как в городе, выбрасывать в помойку). А раз это так, то и жить ему нужно не в пятиэтажном доме, а в одноэтажном, с прилегающим приусадебным участком.

И еще об одной, очень важной проблеме в связи со строительством нового села — о дорогах.

Конечно, хорошо бы эти села (центры колхозов и совхозов) связать с районными городами асфальтовыми или хотя бы грейдерными дорогами. Когда-то, наверное, так и будет. Но сейчас даже сами города не имеют выходов на асфальт, ведущий к областному центру. И тем не менее машины ходят. И не только летом, когда грунтовые дороги подсыхают, но и весной, и осенью, когда непролазная грязь, и зимой, когда сугробы.

Сельские дороги навылет «простреливают» деревни и села. И кто ни разу не видел деревенскую улицу в пору бездорожья, ранней весной или глубокой осенью, тот при всей своей фантазии не сможет представить ее, как говорится, в натуре. Взрослому человеку, если он не в резиновых бродням, улицу не перейти, а детей и выпустить страшно — утонут.

Когда деревня ездила на телегах, колея от тележного колеса была не такой глубокой, как от скатов машины или колес и гусениц трактора. Теперь при мощной технике старой улицы явно не хватает. В поисках возможности проехать тракторы и машины лезут к самым избам, сворачивают углы, вминают в грязь палисады... Неприглядная картина, что и говорить.

Невольно напрашивается мысль: улицы новых сел надо асфальтировать или прокладывать дороги в объезд. Пока таких примеров я не знаю, но уверен, что жизнь заставит нас найти решение. Ну а пока следовало бы руководителям хозяйств ввести хоть какие-то ограничения в передвижение сельскохозяйственной техники по деревенским улицам. Сейчас об этом никто даже и не задумывается, тем более что ни в одну графу отчета затраты на благоустройство деревенской улицы не включены. Механизаторы, которые больше всех улицу корежат, на свой трактор смотрят порой как на личную лошадку: отработал в поле смену — и домой, под самое крылечко. Ну, а если захотелось выпить, а бутылки в запасе не оказалось, опять же гонят трактор, будь до магазина хоть десять километров.

И дело тут не только в несознательности трактористов, а еще и в том, что нет возле деревень гаражей или хотя бы элементарных навесов с хорошими подъездами к ним, с минимальными удобствами для ухода за техникой.

Вот и корежат деревенскую улицу тракторы и машины. А если бы они останавливались у околицы?! Совсем бы иначе выглядели улицы. На них, может быть, травка росла бы. Пройтись по ней — одно бы удовольствие. А справа и слева — за домами — сады бы зеленели, огороды...

Таким в перспективе и должно быть наше новое, социалистическое село.

Июнь 1974 г.

Вологда — Ярославль — Москва.

ПЕРВЫЕ ВЕРСТЫ

ОЧЕРК

Важно, чтобы все парторганизации и коммунисты села прежде всего сами глубоко осмыслили суть задач аграрной политики партии на современном этапе, пути их решения. Они призваны методами партийного убеждения и коммунистического воспитания вооружить пониманием этих задач миллионы людей, вдохновить их, сосредоточить усилия на воплощении в жизнь намеченной партией программы развития сельского хозяйства. Каждый коммунист должен показывать образец самоотверженного труда, быть умелым организатором, распространителем передового опыта, болеющим душой за общее дело, за создание атмосферы дружной, самоотверженной и творческой работы коллектива. Коммунист не может и не должен проходить мимо случаев нерадивого отношения к делу, он обязан быть нетерпимым к фактам бесхозяйственности, пьянства, прогулов и всех других поступков, порочащих честь и достоинство советского человека.

Из доклада тов. Л. И. БРЕЖНЕВА
на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС.

ОГЛЯНУТЬСЯ В ПУТИ...

Вологодчина...

Самое удивительное на этой земле не болота, не холмы, не многочисленные озера, не синие со спокойным течением реки, не леса, наконец, а камни... Камни — от огромных валунов величиной с трактор «Беларусь» до бесчисленной гальки размером с куриное яйцо, с кулак, с детскую голову, с хорошего поросенка. Ну а уж те, что поменьше,— не в счет. Они то там, то тут залегают мощными пластами и называются гравием — отличным и главным пока строительным

материалом для здешних дорог. Впрочем видел я и посевы по гравию: не лучшая земля, но другой нет...

Говорят, что камни на здешних полях ледникового происхождения. Я верю в это, как верю в то, что вселенная бесконечна. Но представить ни первое, ни второе не могу. В самом деле, ближайшие горы за тысячи километров от этих равнинных или слегка холмистых пространств... Я имею в виду Скандинавские горы.

Ледники, которые (когда-то, почему-то) скатились сюда и, растаяв, оставили о себе память, зародились, как утверждает наука, именно там, в Скандинавии. Они ползли на юг, на юго-восток, делая на земле «царапинки», ставшие потом ледниковыми озерами, теряя по пути валуны и размолотые, чуть ли не растертые в порошок горные породы, которые ложились иногда широкими «грядами». Кстати, «гряды», как издавна заметили местные жители, остались не только на суше, среди болот, но и в озерах, и в руслах рек. Доводилось мне видеть в Шекснинском районе такую реку. Будто великаны мостили валунами дорогу, а она провалилась и стала каменной рекой. Прыгает с камня на камень светлая, чистейшая вода, рушится бесчисленными водопадами, и, если бы не ольха, да не ива да не черемушник, нависающие над руслом, можно было бы подумать, что это не наш русский север, а Кавказ.

Итак, камни. Те, что в реках, в озерах, не в счет. А вот те, что на полях... Ох, сколько силушки крестьянской и в прошлые века и теперь истрачено на них! И это не просто слова, и не сентиментальный вздох заезжего интеллигента. Вещественные доказательства буквально на каждом шагу, в каждом поле.

Если это старое поле, на котором полоски отделялись друг от друга межами, то межи эти — можете убедиться — каменные. Пахали на лошадях два соседа свои полоски и, как выпахивали из нижнего пласта очередной камень, тащили его, надрывая пуп, на межу. Камни, что издавна покоятся на межах, далеко не исчерпали «запасов» поля. Когда «лешев подарок» был слишком велик, мужик копал возле него яму поглубже, чтобы не скоро «отрыгнул», и с помощью лошади да ваги сваливал камень в эту яму, то есть в полном смысле хоронил его в земле. Хоронил, да не навечно. «Лешев подарок» в земле не гнил. Промерзая за зиму,

она потихоньку да помаленьку вместе с «рогдой» выжимала его опять наружу. Ахал мужик и опускал в отчаянии руки, видя, что дочиста убранная недавно полоска вновь покрылась камнями, и волей-неволей начинал верить в старинную легенду: земля камни родит.

Убедившись в тщетности своих усилий, он все же не переставал искать выход из горестного положения и отчасти находил его. В колхозе «Мир» Белозерского района, чьи земли расположены за Андозером, за длинными километрами бездорожья, я недавно видел старые полоски, густо уставленные каменными глыбами, в сумерках похожими на фантастические изваяния. Не имея другой земли (кругом болота да лядины), мужики пахали эту, лавируя между камнями. И что удивительно, не особенно роптали, так как заметили, что на урожай каменные поля не скупы: камни, оказывается, прогревшись на солнышке, долго потом хранят в себе тепло и согревают землю в холодные ночи, а теплая, она быстрей гонит всходы, сокращая вегетационные сроки растений. «Видели бы вы, какая рожь росла у этих камней!» — вспоминали старушки, рассказывая мне о прежнем житье-бытье.

Теперь у камней ничего не растет, земля заброшена и не только в колхозе «Мир», а повсеместно в нашем краю. Лошаденки в иных деревнях совсем повывелись, а конного плуга поискать днем с огнем, не говоря уж об упряжи.

Вологодчина, как впрочем и соседствующие с нею области, славится мелкоконтурностью полей.

Расширять поля мешают переувлажненные низины и болота. Веками зарились крестьяне на эти земли, как правило, ровные, с мощным пластом торфа, но подступиться к ним с лопатой да с топором не могли, вынуждены были вновь и вновь кружиться с сохой или с плугом на увалах, глинистых в большинстве, а вдобавок еще и каменистых.

Правда, кое-где они отваживались занести над болотами лопату, но только при крайней необходимости, и еще при условии, если этот титанический труд окупался другими природными благами. Так было в знаменитом по Белозерью селе, носившем звонкое и непонятное имя Мегра. В этом селе мне

довелось жить и учиться в довоенные годы. Стоявшее на берегу Белого озера, а также на обоих берегах впадавшей в озеро реки с тем же названием, село Мегра не имело вокруг себя ни одного сколько-нибудь возвышавшегося над озером холмика — сплошь торфяные болота, поросшие мелким сосняком и переувлажненные, в ракитнике да осиннике лядины. Страшно, наверное, было селиться на такой земле ее первооткрывателям. Но зато рядом было озеро, широкое и рыбное, и река — голубая дорога в глубь лесов, к другим землям и селениям. Озером можно было жить; не случайно, видимо, еще в довоенную пору к его имени добавлялось — «золотое дно», ну а что касается земли, то с нее много спрашивать и не предполагалось: в огороде что-нибудь нарастет — и ладно.

Но село прибывало, все шире и шире по берегу разбегались его избы, а потом и вверх по реке, и без земли жить стало уже невозможно. А земля, как успели убедиться селяне, хорошо отзывалась на доброту — стоило ее только осушить. Неизвестно, в какие века были здесь прорыты первые канавы, но люди моего поколения застали в мегринских полях широко разветвленную сеть осушительных канав — полуторных (полтора аршина в ширину) между каждой полосой и более широких (магистральных) — между полями. Это была самая настоящая мелиоративная система, хотя она так и не называлась в ту пору.

Каждая весна для колхозников села Мегра начиналась с подчистки старых канав и рытья новых. Выходили все, кто мог держать лопату: ни экскаваторов, ни бульдозеров, ни канавокопателей тогда в колхозе не было... И какой же хлеб рос на этих полях! Рожь — выше человека! Густая — не продерешься. Не случайно Мегру еще в дореволюционное время называли в народе второй Украиной! В голодные годы, рассказывали старики, сюда валом валили нуждающиеся из других деревень и сел, чтобы выменять на какую-нибудь береженую вещичку пуд-другой хлеба.

Можно себе представить, что было бы в мегринских полях теперь, когда на помощь колхозам пришла, наконец, мелиоративная техника, способная не

только рыть осушительные канавы, но и делать закрытый дренаж. К сожалению, «вторая Украина» в нашем, Белозерском районе в связи со строительством Волго-Балта была затоплена. Старинное русское село — родина поэта Сергея Орлова — навеки перестало существовать. И мне, конечно, жаль, что Мегры нет, а односельчане жалеют еще и прекрасную, облагороженную усилиями многих поколений землю.

Несколько слов в связи с землей о других сельскохозяйственных угодьях, в частности о лугах и пастбищах. Нетрудно догадаться, что при таком дефиците пахотной земли под луга и пастбища отводились переувлажненные участки, «неудоби», заросшие кустарником, или дальние поймы рек да лесные поляны, до которых, кроме как зимой, по первопутку, и не добраться даже на лошади. Но выкашивались они дочиста. Мужики ревниво следили за тем, чтобы луг не убывал. Махая косами, они не ленились остановиться и подрубить под корешок любое деревце, которое косе уже не под силу. Не дать зарасти сенокосному лугу — это было заботой каждого. И надо сказать, луга не зарастали. Да оно и понятно: столько было народу, и на сенокос выходили и стар и мал. Траву выкашивали даже там, куда только с косой и можно было пробраться.

Но с годами ручной труд все больше стал вытесняться механизированным. Появились конные косилки, а потом и тракторные. Там, где раньше бабы с граблями рядами ходили по лугу, теперь работал один трактор. А трактору с косилкой продраться меж кустами или залезть в мочажину — несподручно. И все естественные сенокосы год от года стали ужиматься, лес интенсивно наступал на них и скоро торжествовал полную победу над вековечными лугами.

Впрочем, победа эта объясняется не только неприспособленностью машин к нашим низинным, переувлажненным сенокосам. Главную роль тут сыграло, на мой взгляд, послевоенное безлюдье в деревнях. Не вернулись с войны тысячи и тысячи косарей. Оставленные ими на поветях косы так и продолжали ржаветь — взять их в руки было некому. Вдовы солдатские да старики, до изнеможения устав в войну, работать с таким же напряжением и пятый год, и

шестой и десятый уже не могли. Не могли! Как не может работать, например, трактор с «полетевшими» поршнями. А страна пока не могла восполнить потерю рабочей силы в деревне хотя бы машинами: тысячи городов и сел, сотни заводов, в том числе и выпускавших сельскохозяйственную технику, лежали в развалинах.

Подраставшая молодежь тоже не оставалась в колхозах. Безрадостной виделась им (да и их матерям тоже) перспектива связать себя с землей, одичавшей за годы бед и страданий.

Короче, выкашивать травы, особенно на отдаленных лугах, стало некому. Павел Ефимович Блинов, ветеран Великой Отечественной войны, ныне рядовой рабочий откормочного совхоза «Белозерский», сказал мне, показывая через Андозеро, на берегу которого в деревне Устье он живет:

— Хороший сенокос там был. По семьдесят стогов накашивали. Уже после войны. А теперь туда никто даже и не заглядывает...

При таком положении с сенокосами могли ли быть хорошими пастбища? Правда, в цифрах положение с пастбищами выглядело вполне приличным: и заброшенная пашня, и заросшие лесом луга — все включалось теперь в площадь пастбищ. Но отдача от таких пастбищ, как может догадаться читатель, была невелика. Отдаленность от ферм, отсутствие механизированных доильных площадок — все это долго сдерживало рост надоев. Нужно было создавать культурные пастбища...

Да мало ли чего нужно было в ту пору Нечерноземью, его колхозам, его деревням и селам.

Почти четырнадцать тысяч деревень и сел было на Вологодчине еще в пятидесятые годы. И не потому, что вологжане не артельные люди и стремились жить наособинку. Сами природные условия, и, в первую очередь, клочковатость, отдаленность друг от друга удобных для землепашества земель и еще отсутствие дорог диктовали такое расселение. Для патриархального уклада жизни, на коем веками и стояла наша северорусская деревня, такое расселение было вполне нормальным.

Но вот жизнь сделала крутой поворот — страна взяла курс на индустриализацию и чуть позже — на коллективизацию сельского хозяйства. Для многочисленных строек требовались рабочие руки. И деревня, как главный резерв людских ресурсов, дала их, тем более что взамен начала получать тракторы и некоторые другие сельскохозяйственные машины (молотилки на конном приводе, ручные веялки и прочее). Значительная часть молодежи двинулась, кроме того, на учебу.

Затем — война. И новая потеря людей, вынужденная и самая большая, самая горестная!

Но отток людей из деревни, и особенно молодежи, не прекратился и в послевоенные годы, о чем я говорил уже выше.

Тут приспело укрупнение колхозов и совхозов. И те, кто еще жил в деревне, пока в ней было свое правление колхоза и, значит, школа, магазин, клуб,— теперь, лишившись всего этого, тоже снялись с мест и, несмотря на приглашение перевезти свои дома в новый центр колхоза, заколачивали их и уезжали то ли на великие стройки, то ли в город, занимая там вакантные должности дворников и носильщиков на вокзалах. «Уж переезжать — так сразу, без пересадки»,— рассуждали люди.

Не удивительно, что некоторые деревни после всего этого опустели: избы, поленницы возле дворов остались, а жителей — ни одного. Есть, правда, и такие селения, где еще теплятся по вечерам два—три окошка на всю улицу,— это остались доживать свой век на родной земле одинокие старушки. Нелегко им приходится: за хлебом, за керосином, за всякой прочей мелочью надо тащиться в центр колхоза, да что сделаешь — другого выхода нет, открывать магазин в такой деревне никто не станет, да и электричество проводить тоже.

В совхозе «Передовой» Вологодского района еще недавно было сто четыре деревни. Сегодня их осталось восемьдесят семь, а по генеральному плану должно сохраниться три. Не буду приводить других примеров, в каждом хозяйстве почти такое же положение. Ясно, что при существующей организационной структуре подобная разбросанность людей отрицательно сказывается на производстве.

Таким образом, можно сказать, что сама жизнь выдвинула проблему переселения оставшихся в малых деревнях людей в центры колхозов и совхозов, где теперь должны быть построены и новые жилые дома, и школы, и Дома культуры, и магазины, и животноводческие и другие хозяйственные помещения.

Стоит ли жалеть, что деревни, в первую очередь отдаленные от «больших» дорог и центров укрупненных колхозов и совхозов, пустеют, что избы сносятся, а место, где они стояли, распахивается и засевается? Непривычно как-то, странно это: была деревня — стало поле. Кое-где одичавшие яблони, рябинки да черемухи напоминают о том, что тут когда-то стояли дома; в домах справлялись свадьбы и поминки, плясали и пели на «беседах» парни и девки.

Что касается изб, то тут все ясно: они в подавляющем большинстве старые, построены еще до революции, и жалеть их было бы смешно. А вот неплохие еще, а кое-где даже новые животноводческие помещения, нерасчетливо построенные в деревнях, оказавшихся вскоре безлюдными, конечно, жаль. О таком случае рассказывал первый секретарь Череповецкого райкома А. И. Шляпкин. «Ошиблись»,— признался он. Но ошибиться тут мог любой на его месте: начали строить — деревня была, а значит, были и люди, на которых, собственно, руководство и рассчитывало; но пока строили — людей не стало, и скот пришлось перевести в центр, а двор бросить. Обидно, конечно. Но что сделаешь: жизнь нередко опережает наши планы и расчеты.

Но вернусь к деревням — и к тем, которых уже нет (из четырнадцати тысяч в пятидесятые годы сейчас в области осталось девять тысяч деревень), и к тем, которым предстоит разделить судьбу уже исчезнувших. Жалей не жалей, а время этих деревень прошло. Я бы даже сказал, что они слишком зажились на Вологодчине. На дворе давно другой век — век научно-технической революции, а они все еще стоят с покосившимися избушками, с замшелыми крышами дворов да телятников. Пусть исчезают. Давно пора!

Но вот память о них, мне думается, надо бы сохранить. Об этом мне говорили во многих колхозах. Ведь это же страница истории народа! Из многих

этих деревень вышли прославленные люди: военачальники, советские и партийные руководители, знаменитые доярки и пахари, заслуженные учителя и врачи, строители. Как сохранить память — нужно подумать. Но сделать это надо обязательно! У любой деревни, даже самой маленькой, есть заслуги перед Россией, перед Отечеством!

Мелкоконтурные, зажатые лесами и болотами и вдобавок засоренные камнями поля; переувлажненные и зарастающие лесом сенокосы; старые, почерневшие от дождей, обезлюдевшие деревни; довольно приличные, нередко сложенные из кирпича, хотя и не полностью механизированные, голов на сто—двести коровники; плохие, в основном гравийные и грунтовые, и потому в распутицу почти непроезжие дороги; острая нехватка рабочей силы, особенно доярок; недостаток техники и минеральных удобрений...

Такой в общих чертах подошла Вологодчина — типично нечерноземный, но издревле землепашеский и молочный край Центральной России — к десятой пятилетке.

Подошла, что греха таить, изрядно уставшая, заметно постаревшая, но не с пустыми руками. Даже и в тех нелегких условиях, о которых сказано выше, она не сидела за печкой, работала, увеличивала урожаи, производство продуктов животноводства, доказывая тем самым, что возможности ее, как и всего Нечерноземья, далеко не исчерпаны и сбрасывать сей факт со счетов, по меньшей мере, неразумно.

Колхоз «Родина» Вологодского района, получивший редкую возможность еще до постановления мелиорировать свои земли, заправить их торфонавозными компостами, стал собирать сорок пять—сорок семь центнеров зерновых с гектара. Сортоиспытательный участок в Тотемском районе (заведующая Гладкова А. А.) получил среднегодовой урожай за девятую пятилетку сорок центнеров с гектара.

«Позвольте,— скажет читатель,— да это же и для Кубани даже неплохо! Уж не ошиблись ли вы?»

Нет, не ошибся, уважаемый читатель. Но хочу сделать оговорку. В целом по области урожай, конечно, был значительно ниже: около пятнадцати центнеров с гектара в 1977 году. Но по сравнению с 1965 годом это больше на 6,4 центнера.

В животноводстве, особенно молочном, тоже был сделан к этому времени немалый шаг вперед — от 1980 килограммов на корову в 1965 году до 2585 килограммов в 1977 году.

И вот июнь 1978 года. Середина десятой пятилетки. Два с половиной года минуло из пятнадцати, отпущенных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР на осуществление программы по Нечерноземью. Очень хочется посмотреть, какие изменения произошли в родных краях за последнее время. Желание это с каждым днем все больше и больше овладевает мной, и наконец, бросив все дела, я начинаю собираться в дорогу.

Звоню в Вологду, сообщаю о своем намерении приехать, побывать хотя бы в некоторых колхозах и совхозах близлежащих районов, в том числе Белозерского,— моей родины. Вологда не возражает, но выдвигает встречное предложение — принять участие в двухдневном семинаре первых секретарей райкомов с выездом в колхозы и совхозы Череповецкого и Кадуйского районов. Секретарь Белозерского райкома КПСС Юрий Александрович Прилежаев, в свою очередь, сообщил, что он тоже будет на семинаре и волей-неволей знакомство с делами района придется отложить на следующую неделю.

Меня такое предложение вполне устраивало, и я согласился. Едва ли представится более удобный случай повстречаться сразу со всеми руководителями районов.

В Вологду я приехал на три дня раньше и до начала семинара успел побывать в пяти колхозах и совхозах Вологодского, Грязовецкого и Кирилловского районов.

Затем — семинар. Вместе с райкомовцами в двухдневную поездку отправились секретарь обкома КПСС по сельскому хозяйству С. А. Осминин (он руководил семинаром), заведующий сельхозотделом обкома КПСС М. Ф. Сычев, редактор областной газеты «Красный Север» Н. М. Цветков. Передовой опыт, который предстояло изучить секретарям райкомов, предполагалось довести потом через печать до сведе-

ния всех работников сельского хозяйства области. Забегая вперед, скажу, что так это и было.

Специальный автобус с микрофоном и усилителями (что в такой поездке весьма важно) привез участников семинара сначала в колхоз «Делегат» Череповецкого района, затем в совхозы «Мяксинский» и «Политотделец», откуда на межхозяйственный по откорму крупного рогатого скота комплекс «Кадуйский» и в завершение всего — на Череповецкую птицефабрику, одну из трех, входящих в Череповецкое объединение.

На следующей неделе, 19 июня, такой же, по сути дела, семинар, но уже с руководителями колхозов и специалистами — агрономами и зоотехниками — состоялся в Белозерском районе. Присоединился я и к этому семинару, начав вторую, довольно объемистую записную книжку.

Перелистывая потом страницы этих книжек, испещренные бесконечным количеством цифр, беглыми заметками об увиденном, почти стенографическими записями диалогов, реплик, рассказов об опыте, я долго размышлял, как же все-таки изложить это на бумаге. Может быть, в том же порядке, как это было, с протокольной точностью. Но тогда неизбежны повторы, придется снова и снова возвращаться к проблеме, о которой речь уже шла... Не годится. Надо, решил я, выделить главные проблемы и говорить о каждой в отдельности, привлекая для наглядности примеры из практики всех хозяйств, в которых довелось побывать мне за эти дни.

ЗЕМЛЯ

Первый и самый главный (и самый радостный) вывод из увиденного можно, пожалуй, выразить вот этой короткой фразой: нечерноземная земля преображается! На фоне бугорков, похожих на плешинки в окружении лесов, обязательно с грудами камней на былых межах, новые поля, разработанные мелиораторами с посильной долей участия самих колхозов, кажутся сказкой, захватывающей фантастикой. Хорошо сказал, выражая эти чувства, Г. Н. Пономарев — председатель «Зари» Грязовецкого района:

— Если бы поднялись сейчас деды и прадеды и глянули на наши поля — не поверили бы. Сказали — не те места, мы тут не жили.

Герман Николаевич говорил мне это, показывая уже засеянные поля по сто и более гектаров, а поле, которое устраивается в этом году, раскинется на триста гектаров.

Я вполне разделял восторг Г. Н. Пономарева и не меньше его восхищался сам. Но оказалось, такие площади отнюдь не предел для Вологодчины. На следующий день в колхозе «Коминтерн» Кирилловского района я видел засеянное, с прекрасными всходами поле площадью восемьсот гектаров. А всего в этом колхозе тысяча пятьсот гектаров новых полей, на которых заложен закрытый дренаж и произведено окультуривание почв. Последнее, кстати, для наших земель столь же необходимо, как и регулирование водно-воздушного режима. С помощью мощных бульдозеров буквально стираются с земли кустарник и мелколесье, росшие на низинных местах и на клочки разрывавшие поля. Правда, при этом приходится временно жертвовать верхним, гумусным, слоем на данных участках пашни, но при полном комплексе созданных для этой цели машин за четыре-пять лет плодородный слой окультуренного поля можно восстановить. Выручает торф, вековые залежи которого имеются в большей части вологодских колхозов.

Непростое, очень трудоемкое это дело — вывозка торфа на поля. Нужны экскаваторы, чтобы прорыть канавы и осушить хотя бы верхний пласт торфа, нужны мощные бульдозеры, чтобы сгрудить его в валки, нужны погрузчики, самосвалы или тракторы с прицепными тележками и, наконец, торфоразбрасыватели. Ни одной из этих операций не выполнить вручную, с помощью лопат, будь хоть сколько народу в колхозах, а при нынешнем безлюдье — и тем более.

Правда, во многих передовых хозяйствах в эту длинную производственную цепь включено еще одно звено: торф, прежде чем попасть на поле, перемешивается с навозом и минеральными удобрениями. Иногда, в сухом виде, он используется в качестве подстилки на дворах и уже потом, обогащенным, вывозится на поля.

В совхозе «Политотделец» Череповецкого района и эта работа (назовем ее работой по производству торфонавозных компостов) творчеством механизаторов и сообразительностью чуткого ко всему новому, прогрессивному директора совхоза А. Д. Полежаева механизирована. Для этой цели возле молочного комплекса на 1000 коров забетонирована нужных размеров площадка, и на ней сооружены тридцатитонные весы. Для компостирования торфа здесь используется не столько навоз, сколько куриный помет, который совхоз вывозит с птицефабрики, расположенной неподалеку.

— Ежедневно смешиваем семьдесят тонн куриного помета, сто тонн торфа и плюс минеральные удобрения,— рассказывал секретарям райкомов А. Д. Полежаев.

— Сколько стоит ваша площадка? — спросил кто-то из секретарей.

— Сто тридцать семь тысяч рублей. Но она уже окупилась многократно. Такая площадка теперь нужна всем. Очень рекомендую.

В том, что площадка окупилась, участники семинара смогли убедиться тут же, едва отъехали от комплекса. Автобус остановился посреди огромного поля — двести гектаров озимой пшеницы и ячменя. До мелиорации тут были сырые торфяники и непролазный кустарник.

Сейчас поле просматривалось насквозь и было похоже на огромную изумрудно-зеленую тарелку. Если бы не закрытый дренаж, не могло быть и речи о том, чтобы землю эту распахать: середина «тарелки» собирала влагу со всех двухсот гектаров и всегда оставалась недоступной не только для трактора, но даже и для лошади с плугом.

Всходы (дождя не было с 23 апреля по 10 июня) были прекрасными.

— Пятьдесят центнеров даст, не меньше! — сказал директор «Политотдельца», показывая на пшеницу. Но кто-то из секретарей, с определенной долей зависти, поправил его:

— Даст все шестьдесят!

Цифры, прямо скажем, непривычные для наших мест.

Хорошо развивались и всходы ячменя. Ячмень, как дружно решили все, обещал сорок центнеров с гектара.

— Вот что такое мелиорация и химизация! — уже в который раз подчеркивал Станислав Александрович Осминин.

Но и в этом не все блага мелиорации. Директор совхоза имени 50-летия Октября Вологодского района Л. Н. Бурцев рассказал мне:

— Десятого мая грянул невиданный в такую пору снегопад. Двадцать сантиметров навалило снегу. Растаял — кругом грязища, лужи, а на мелиорированном поле сразу же можно было сеять, влага быстро ушла. А это очень и очень важно для Вологодчины. Раньше посеешь — раньше уберешь, до начала затяжных дождей, столь характерных для нашей зоны.

В колхозах, где имеется соответствующая техника, решается и проблема пастбищ. От пастьбы в лесу, на вырубках, на заболоченных лугах колхозы отказываются. Расчищенные в результате культуртехнических работ площади, как и поля, распахиваются, выравниваются и засеваются травами. Затем площадь разбивается на клетки. Здесь, в каждой клетке поочередно, будет пастись скот.

Не сразу, конечно, затраты на оборудование культурных пастбищ (как и окультуренных полей) окупаются, или, как выразился секретарь Кирилловского райкома КПСС А. И. Притыченко, «начнут приносить отдачу». Пройдет три года, рассказывал он, пока разовьется корневая система сеяных трав, и еще года два, пока земля восстановит гумус... Практически только через пять лет пастбище начнет «работать», а планирующие органы, к сожалению, не понимают иногда этого. Дескать, столько средств выделили вам на мелиорацию и культуртехнические работы, а отдачи — никакой... Хочется сказать этим товарищам: мелиорировать землю, облагородить ее — это ведь не репку посадить: весной посеял, а осенью с помощью мышки выдернул. Не торопитесь! Будет отдача! Обязательно будет! Ведь мы, по сути, три года назад только начали это дело. В республиках Прибалтики практически все земли облагорожены, я сам видел это, и давно приносят отдачу. Так будет и у нас!

Проблема культурных пастбищ особенно остро встала сейчас, в связи со строительством крупных животноводческих комплексов. Скот со двора на сто голов можно было пасти и по-старому, в лесах и на лугах, но для комплексов на 800—1200 голов необходимы культурные пастбища! Больше того, культурные пастбища, как показала жизнь, надо было строить даже раньше, чем комплексы, чтобы при переводе в них скота не допустить снижения надоев. К сожалению, в большинстве случаев получилось наоборот: комплекс построен, а культурного пастбища нет.

Возле Белозерока в июне заканчивалось строительство первой очереди (на две тысячи голов) комплекса по откорму крупного рогатого скота. Весь комплекс рассчитан на четыре тысячи голов. Корма местные. Территория вокруг комплекса — торфяники, поросшие старым, но невысоким, как и бывает на переувлажненных площадях, сосняком и чернолесьем. Они-то, эти торфяники, и должны стать главной кормовой базой строящегося комплекса. По проекту нужно осушить, убрать лес и мелиорировать закрытым дренажем три тысячи двести гектаров торфяников.

Вся мелиоративная техника района сейчас сосредоточена здесь, на участке возле комплекса. Я видел, как она работает. Особенно хорош дренажный экскаватор. Двигаясь вдоль натянутой проволоки, он роет на заданную глубину траншею, а рабочий, сидящий в железной коробке-кабине, которая перемещается по готовой уже траншее, укладывает на ее дно керамические трубки, прикрывая стыки, как бумажными салфетками, мягкими квадратиками стекловаты. Он же успевает присыпать их землей.

Красивая, тонкая, я бы даже сказал, ювелирная работа!

От того, как будут уложены трубки и особенно прикрыты стыки их, будет зависеть исправность и, значит, долговечность всей системы.

Прорыты уже на этом участке и магистральные канавы. Что удивительно, под верхним гумусным слоем здесь оказался песок. Откосы этих широченных канав размываются дождями. Чтобы этого не происходило, приходится укреплять их дерном, что и делали в тот день рабочие.

Самый мощный трактор «Кировец» с восьмилемешным плугом распахивал и культивировал мелиорированные участки, бульдозеры выравнивали их. Следующая операция — торф. Его будут возить в первую очередь на те места, где обнажился песок.

К концу нынешнего года возле Белозерского комплекса будет подготовлено к эксплуатации около 800 гектаров из 3200 по плану. А первая очередь комплекса вступала в строй уже в июле—августе, причем значительно позже намеченного срока. Едва ли эти 800 гектаров уже теперь сыграют существенную роль в кормовом балансе комплекса. Ведь их еще надо залужить и т. д.

Короче говоря, налицо реальные трудности, которых могло и не быть.

— Да, нелегок наш хлеб,— подытоживая свой рассказ о делах района, сказал однажды Юрий Александрович Прилежаев. И добавил: — Я иногда думаю: чем же занимаются люди в тех местах, где камней-то нет? А мы и до начала сева с ними обнимаемся и после уборки... А тут еще торф... Попробуй перевези землю с места на место. Не вспаши, а именно перевези! А мы перевозим. Выходит, машин-то нам побольше бы следовало продавать, чем тем, кто об этих работах и понятия не имеет. Побольше бы нам и плужных лемехов. На наших закамененных полях они очень часто ломаются и быстро изнашиваются. Смешно сказать, но иногда трактор стоит из-за того, что нет исправного плуга.

Я не мог не согласиться с секретарем райкома. Нечерноземью, начавшему по воле партии настоящую революцию по преобразованию сельскохозяйственного производства, нужна техника. Мелиоративные отряды (ПМК — передвижные механизированные колонны), которыми сейчас располагают районы, к сожалению, пока немногочисленны и маломощны. Руководители районов, видимо, правильно делают, что не распыляют их, сосредоточивают на землях какого-нибудь одного хозяйства, но зато десяткам других хозяйств остается лишь ждать своей очереди. Ждать же некогда.

А то, что на мелиорированных полях хлеба рас-

тут отменные, это факт. В колхозе «Заря», уже упоминавшемся мною, ячмень на мелиорированных полях дает 40 центнеров с гектара, а средний урожай по колхозу 23 центнера; 45—47 центнеров ячменя с мелиорированного гектара собирает колхоз «Родина». Колхоз «Свобода» Кирилловского района в 1977 году собрал по 30 центнеров с 800 гектаров.

При такой урожайности затраты на мелиорацию окупаются примерно за пять лет. Значит, овчинка, как говорят, стоит выделки! Правда, при одном условии: если мелиоративная система будет содержаться в порядке. На самотек в этом деле, как показал уже печальный опыт некоторых хозяйств, полагаться нельзя. Это хорошо понял директор совхоза имени 50-летия СССР Леонид Николаевич Бурцев. У него в совхозе создано постоянно действующее звено по уходу за мелиоративной системой и ее ремонту. За звеном закреплена вся необходимая техника, которая может быть отвлечена на другие работы только в том случае, если не занята прямым делом — ремонтом системы.

Разумеется, урожаи, о которых раньше в Вологде и не слышали, обусловлены не одной мелиорацией, а еще и химизацией.

Удобрений Нечерноземье получает с каждым годом все больше и больше. И это — результат политики партии, взявшей курс на химизацию сельскохозяйственного производства. Все новые и новые фабрики удобрений вступают в строй. Город Череповец, известный всей стране как город металлургов, за последние годы стал еще и городом химиков. Удобрения, выпускаемые его химзаводами, уже можно встретить во всех уголках Вологодчины.

Однако скажем прямо, результат от их применения не везде одинаков. Наибольший эффект удобрения дают там, где их умеют применять. Мастером химизации слывет в области директор совхоза «Мяксинский» А. Ф. Сазонов. И семинар секретарей райкомов не минул это хозяйство. У Сазонова свои, практикой выработанные правила внесения удобрений. Он точно знает, когда, какое, в каком сочетании и на какую глубину нужно внести удобрение. От этого многое зависит. И не удивительно, что совхоз только за счет грамотного внесения удобрений и высокой

культуры земледелия добился прекрасных результатов.

А вот что рассказал мне по этому поводу Геннадий Леонтьевич Селезнев — молодой директор совхоза «Коминтерн» Кирилловского района:

— На весь весенний сев каждой бригаде я разработал самый конкретный план-задание: на какое поле какое удобрение внести, норма на гектар, в сколько следов и в какое время... И еще — кто будет выполнять эту работу. Задание было доведено до каждого исполнителя, и принят экзамен по технике внесения удобрений... Результат налицо. Можете посмотреть на наши поля, они не соврут.

И у Селезнева, и у Сазонова удобрения не валяются где попало, в неприспособленных помещениях, старых, с протекающими крышами овинах, как это доводилось мне видеть в других колхозах и совхозах, а аккуратно сложены в специально построенных хранилищах.

Между прочим, кто как относится к удобрениям, видно по всходам. Там, где удобрения внесены грамотно и добросовестно, всходы ровные, одинакового цвета на всю ширину поля, и, наоборот, если всходы разномастные, пегие — то темно-зеленая полоса, то бледная, как только что из-под снега,— знай, что тут еще не перевелись халтурщики, для которых минеральные удобрения значат не больше, чем песок или гравий.

Ведь сейчас даже любой бабке понятно, что никакое другое усилие не дает столь весомой прибавки в урожае, как минеральные удобрения. Сохрани их, внеси с умом, аккуратно — и будешь с хлебом. Ан нет, не доходит до некоторых руководителей эта азбучная истина современного земледелия...

ЖИВОТНОВОДСТВО

«План по молоку», «план по мясу», «животноводческий комплекс», «корма», «надои», «привесы» — вот самые популярные сейчас слова у вологжан от рядового работника животноводства до секретарей райкомов и обкома.

Однако надои в целом по области, несмотря на

все старания животноводов, еще и в июне шли с большим минусом по сравнению с тем же периодом прошлого года. Были, конечно, хозяйства, которые «плюсовали», но «минусующих» все же насчитывалось больше.

В чем дело?

В том, что зимовка скота опять была трудной: многие хозяйства снова «просчитались» с кормами, а выгон коров на свежую травку задержался: сначала сушь, а потом холода помешали росту трав.

Корма!.. Вечная проблема для животноводства в нашем крае. Корма — не животноводческие помещения сдерживают рост надоев, хотя за последние два десятка лет он и вырос с 1619 килограммов в 1957 году от коровы до 2585 в 1977-м.

Решить кормовую проблему для Вологодчины — значит сделать новый шаг в производстве молока. Надои, которые стремятся и должны получать сегодня колхозы и совхозы, на одном силосе не получишь. Нужно сено. Нужен сенаж. Витаминно-травяная мука (или гранулы), концентраты. Ну и летом — культурные пастбища.

Силос теперь закладывают все. Реже в облицованные бетонными плитами траншеи, чаще — просто в землю (глубинным районам достать эти плиты невозможно). Вроде бы просто и дешево. Да, но слишком уж велики отходы у этого «земляного» силоса! Тому, кто бывал в сельской местности весной, доводилось видеть эти черные гниющие отвалы по краям силосных траншей. А в самих траншеях — нефтяного цвета жижу, настоявшуюся опять же на отходах силоса. Никто не считает, сколько тонн драгоценного корма погибает в этих отвалах. И плюс — человеческого труда. Считают только вес засилосованной массы, да и то «на глазок».

Удивительно, что отходы никого не возмущают, к ним привыкли, более того, их как бы заранее планируют. Павел Ефимович Блинов, вернувшись как-то с силосования, на мой вопрос, много ли «сделали» сегодня, сказал: «Да понавалили порядочно... Яму вот только не почистили. Откачать бы, да чем? Силосуем-то вон где, за озером... Так в жиделягу эту и валили...»

Сокрушался по этому поводу Павел Ефимович. А что делать? Рыть новую яму? И так уже все взгорки перерыты.

А как с витаминной мукой? С гранулами? Массовая заготовка их только налаживается. А корм прекрасный получается. И, главное, безо всяких отходов. Все сто процентов в дело! Вместе с секретарями райкомов мне довелось увидеть в совхозе «Мяксинский», как работают эти замечательные агрегаты. Свежая, только что скошенная рожь (специально для этой цели посеянная) на наших глазах превращалась в сухую зеленую муку.

Один за другим наполнялись ею бумажные мешки. А на Череповецкой птицефабрике такую же траву хорошо отлаженная техника (АВМ-1,5) превращала в спрессованные, тоже совершенно обезвоженные гранулы.

Вот оно, последнее и очень веское слово науки и техники. Чтобы получить сено, нужно солнце, вёдро, а тут — коси в любую погоду. А главное, и мука, и гранулы сохраняют почти все качества свежей травы.

Думаю, что будущее за этими агрегатами. Все дело в том, как скоро промышленность сможет обеспечить ими, а колхозы, в свою очередь, подготовить специалистов для работы на них.

Теперь о животноводческих помещениях. И в этом деле, если сравнивать с пятидесятыми годами, есть немалый прогресс. Старые женщины, да и не очень еще старые, хорошо помнят, какими были дворы первого послевоенного десятилетия. Никакой механизации. Раздать корм, наносить воды, убрать навоз и, наконец, подоить — все руками. Доярку тех лет можно узнать по рукам — узловатым, тяжелым, больным. Надо бы памятник поставить этим великим труженицам! Награды, грамоты да пенсии — это лишь малая плата за тот героический труд, которому они отдали всю жизнь.

Не стану более подробно описывать те дворы — я их видел в свое время сотни.

Автопоилки и подвесные дорожки для вывозки навоза, когда они появились, все сочли за великое благо. Ну а про электродойку и говорить нечего. Сказка! Близка к решению и проблема уборки навоза: где-то его стали выталкивать по бетонированному

центральному проходу бульдозером, где-то установили скребково-ленточные транспортеры, где-то внедрили гидросмыв.

Труд стал значительно легче. Старые доярки, теперь пенсионерки, глядя на новшества, ахают: «До чего же добро-то! Дивья теперь работать!»

Но... меняется техника — меняются и вкусы. Нынешним дояркам и этого мало! Особенно девчатам! Они телевизор смотрят, знают что почем. Их не устраивает «разорванный» рабочий день: первый раз надо прийти на двор в четыре часа утра, второй — около обеда, и третий... Впрочем, не важно, во сколько часов надо прийти в третий раз, важно, что слишком поздно придется возвращаться — в девять, а то и в десять часов, когда уже кино, например, в клубе или по телевизору кончается. А ведь девчатам, чтобы поспеть хотя бы на гулянье или на танцы, надо еще и помыться, и прическу сделать, и переодеться. Дело-то молодое. И не дай бог, если парень, пусть в шутку, скажет: «Ах, как приятно силосом от тебя попахивает!» Со стыда сгореть можно!..

Но и это еще не все. Не устраивает девчат грязь на дворе, и особенно вокруг двора. Ведь весной и осенью, да и летом после дождя к большинству наших дворов только на тракторе можно подъехать. И они подъезжают, тракторы: корм подвозят, транспортируют молоко, убирают навоз... Большая помощь для ферм — тракторы. Но и беда немалая. Земля вокруг дворов буквально вздыблена.

— Отпугиваем молодежь от ферм,— имея в виду вышеизложенное, рассказывал мне директор совхоза «Николоторжский» Афанасьев Константин Кириллович. И продолжал: — Животноводческие комплексы, на которые была сделана ставка в постановлении по Нечерноземью, дело не одного года, а десятилетий. Однако некоторые горячие головы решили, что со старыми дворами можно уже кончать: разваливаются — и ладно. Но жизнь быстро отрезвила таких «романтиков». У нас в районе на десятую пятилетку было запланировано строительство пяти комплексов. С трудом построили один, а на четырех пока поставили крест... Сил не хватает. И все увидели, что старые дворы рано списывать. Теперь нам настойчиво внушают: надо, мол, модернизировать их. Правиль-

но, надо. Но где взять оборудование? Под старые дворы никакое оборудование не планируется. А нам нужны и автопоилки, и скребковые транспортеры для уборки навоза, и бетонные плиты для устройства подъездных путей к фермам и хотя бы небольших площадок у подъездов. Сделать все это — и тогда девчат не надо будет тянуть за рукав на ферму...

Сказал это Константин Кириллович и тяжело вздохнул:

—Но как сделать? Подъездные пути не включаются в смету даже при строительстве нового комплекса...

Но это речь о старых дворах. А что на комплексах?

Возьму для примера два молочных комплекса — в колхозе «Заря» и совхозе имени 50-летия СССР. В «Заре» заканчивается строительство единственного в своем роде экспериментального поселка. Доярки, обслуживающие комплекс, живут в этом поселке, в благоустроенных, со всеми удобствами квартирах, в двух-, трех- и четырехэтажных домах. Культура быта здесь, вполне понятно, выше, чем в деревнях, в которых ни одного такого дома пока не построено. Но ведь культуре быта в поселке должна соответствовать и культура на комплексе. Думаю, что с этим никто не станет спорить.

Вроде бы все так и есть. Комплекс механизирован, имеет «бытовку», в которой и гардероб для смены одежды, и душ с горячей водой... И все-таки, как рассказал мне председатель колхоза Г. Н. Пономарев, молодежь на комплекс не идет. Может быть, заработки низкие? Нет, заработки вполне приличные...

— А во сколько смен работают ваши доярки? — спросил я.

— В одну,— был ответ.

На следующий день я знакомился с молочным комплексом в совхозе имени 50-летия СССР. Леонид Николаевич Бурцев, директор совхоза, рассказал:

— У нас доярки уже десять лет работают в две смены. И ни за что не согласятся теперь перейти на односменку. Убедились: намного удобнее. Наверное, поэтому и проблемы кадров для комплекса у нас нет. Девчата охотно идут доярками. А бывало, уедешь в город на день-два — болит душа, будут подоены ко-

ровы или нет. Теперь я не беспокоюсь: что бы ни случилось — на дворе будет порядок.

Директор совхоза «Передовой» Василий Михеевич Махалов нашел другое решение. У него доярки работают по звеньевой системе. В звене — четыре женщины, через три дня одна отдыхает. Каждая обслуживает по шестьдесят восемь коров. И эта система В. М. Махалову тоже кажется прогрессивной. Во всяком случае, в «Передовом» особых затруднений с подбором доярок тоже нет.

Такая же картина с кадрами на комплексе по откорму крупного рогатого скота «Кадуйский». Об успехах этого комплекса, созданного на базе межхозяйственной кооперации, я расскажу ниже. А сейчас только о кадрах. Комплекс построен недалеко от районного центра, в котором есть, конечно, и средняя школа. Многие ученики этой школы, побывав на комплексе, ждут не дождутся выпуска из школы, чтобы пойти работать. Любопытен и такой факт: заведующая отделом кадров сельхозуправления временно пошла на комплекс, чтобы научить работать молодых, да и возвращаться на прежнюю работу уже не захотела. Трудится на комплексе мастером-оператором. Заметьте — не телятницей, а мастером-оператором. Руководители района уверяют, что и это немало значит, когда речь идет о профориентации молодежи. «Кем ты работаешь?» — «Мастером-оператором». Звучит!

В хозяйствах, где «разорванный» рабочий день, нет комплексной механизации, низка культура на ферме и вокруг фермы, проблема поиска доярок остается нерешенной. При таком положении трудно планировать не только отпуска дояркам, но даже выходные дни. Неиспользованные отпуска и выходные дни, конечно, оплачиваются, но люди-то не отдыхают как положено. В Сямженском районе подсчитали, сколько дней в году работают доярки, и развели руками: триста пятьдесят! Пятнадцать дней и на выходные, и на праздники, и на отпуск...

Услышав такое, можно подивиться трудолюбию сямженских животноводов, но можно и упрекнуть руководителей хозяйств, которые, видимо, забыли, что «на дворе» не обездоленные послевоенные годы, а стремительные семидесятые, отмеченные неслыханными успехами научно-технической революции. Эта

революция с головой накрыла своим высоким валом таких руководителей, а они, барахтаясь под ним, живут старыми представлениями о человеке, об уровне его культурных и духовных запросов. Их мысли направлены лишь на то, как бы уговорить какую-то женщину или девчонку пойти в доярки, а не на то, как упорядочить рабочий день на ферме, приблизить его к реальным требованиям советского образа жизни.

Некоторые комплексы, которые я видел, особенно молочные, не блещут высокими показателями.

В совхозе «Передовой» построен комплекс на 800 коров. Стоимость одного скотоместа 3300 рублей. В прошлом году на комплексе надоено по 3146 килограммов от каждой коровы. Это не так уж и плохо. Но при таком надое затраты окупятся только через 26 лет.

Ниже ожидавшихся пока надои и на других комплексах.

В чем дело — трудно сказать. Но мне в связи с этим вспоминается беседа с А. К. Кузнецовым, директором совхоза «Заводской» Новосибирской области. Было это в мае 1978 года, в дни работы выездного секретариата Союза писателей РСФСР. Александр Константинович рассказывал приехавшим к нему писателям:

— Перевели коров на комплекс — удои сразу снизились, хотя корма те же. Что повлияло? Новая, непривычная для животных обстановка. И в первую очередь шум моторов, которого не было на старых дворах. У коровы, выходит, тоже есть своя психология. Некоторые директора, чтобы не завалить окончательно план по молоку, перевели коров обратно на дворы.

Вот такой сюрприз преподнесли комплексы в Новосибирской области.

Когда я рассказал об этом в Вологде, товарищи ответили: «Вполне могло быть такое». И все же главное при переводе коров на комплекс — это формирование стада. Коров нужно подобрать примерно равных по продуктивности, потому что на комплексе нагрузка на доярку значительно увеличивается, и у нее нет времени следить за каждой коровой.

Кстати, о нагрузке. В «Заводском», по словам А. К. Кузнецова, количество доярок в связи с увеличением нагрузки сократилось. Но зато прибавилось

обслуживающего персонала. В результате как было на одного работающего двенадцать-тринадцать коров, так осталось и теперь. При таком положении снижение себестоимости молока весьма проблематично. Наверное, все эти минусы комплексов в конце концов будут преодолены, но те, кому еще предстоит осваивать новинку, не должны забывать о них.

Заранее, как говорили мне в Вологде, нужно не только стадо формировать, но и готовить кадры. Механизация на комплексах значительно выше, сложнее, чем на старых дворах, и люди, не подготовленные к эксплуатации техники, могут не справиться.

Расскажу еще об одном опыте сибирского совхоза «Заводской», на сей раз положительном. В разговоре о земле я уже говорил, что для комплексов нужны культурные пастбища. А вот совхоз «Заводской» от пастбищ отказался совсем. Там подсчитали, что может дать земля, используемая под пастбище, если ее засеять, и увидели, что выгоднее все же пустить ее под посевы, а стадо перевести на круглогодичное стойловое содержание.

Так и сделали. Правда, на летние месяцы неподалеку от дворов оборудовали доильные площадки с небольшими загонами для выгула скота. Я видел эти площадки. Здесь все, как и на дворе: электродойка, автопоилки, кормушки... Но вдоль кормушек — бетонные полосы. Деталь, без которой доильные площадки под открытым небом просто немыслимы: коровы «потонут» в грязи.

И вот результат. Совхоз «Заводской», перейдя на круглосуточное стойловое содержание скота, приплюсовал к посевным площадям за счет бывших пастбищ 1600 гектаров. Урожай с этой площади позволил полностью обеспечить скот кормами. Надой увеличился на четыреста сорок девять килограммов от каждой коровы, в то время как соседний совхоз, продолжающий пользоваться пастбищами, за этот же год снизил надои на 107 килограммов от каждой коровы.

Не знаю, возможен ли такой вариант содержания скота на Вологодчине, но задуматься над ним стоит. Скажу только, что в «Заводском» средний урожай зерновых с гектара не выше, чем на Вологодчине.

Несколько слов об откормочных комплексах. Мне

удалось побывать на двух из них — в совхозах «Кадуйском» и «Дружба».

Комплекс в «Кадуйском» создан на основе межхозяйственной кооперации. Этим он и интересен в первую очередь. И надо сказать, убедительно подтвердил реальность и главное — выгодность этого направления в животноводстве.

Совхозы-пайщики сдают телят на комплекс уже в двадцатидневном возрасте, где дальнейший откорм их идет и в самом деле «по всем правилам науки». В результате увеличились ежесуточные привесы, уменьшился падеж, в три раза сократились затраты труда на один центнер привеса (и не удивительно: норма нагрузки на одного основного работника увеличилась с 40 голов до 200), в 2,8 раза уменьшился фонд заработной платы, на 30 процентов сократился расход кормов и, как следствие всего этого, на шестьдесят семь рублей снизилась себестоимость центнера мяса.

Упитанность бычков стала выше. А за мясо высокого качества государство и платит дороже. За каждый реализованный центнер мяса комплекс получил на сто двадцать рублей больше, чем неспециализированные хозяйства.

Экономическое преимущество межхозяйственного комплекса очевидно! А ведь прошло всего два года с момента его организации.

Вся производственно-хозяйственная деятельность комплекса регламентируется «Общим положением о межхозяйственном предприятии», утвержденным Советом Министров СССР в 1977 году.

В совхозе «Дружба» комплекс рассчитан на откорм 10 тысяч голов крупного рогатого скота. У него показатели еще выше, чем в «Кадуйском». Достаточно сказать, что ежесуточный привес здесь составляет 1 килограмм 55 граммов при проектном в 970 граммов.

Стоимость комплекса — 11 миллионов. Окупаемость — три года.

И что самое важное — предприятие в «Дружбе» работает на собственных, совхозных, грубых и сочных кормах, за счет повышения плодородия земель и рационального размещения кормовых культур, то есть полностью оправдывает свое название — комплекс.

ЖИЛЬЕ И ЛЮДИ

Итак, в землю Нечерноземья — в производство зерна, в производство молока и мяса — страна вкладывает сейчас большие средства, значительно превышающие те, что вкладывались до сих пор.

Отмечая это как важный в истории Нечерноземья шаг, нельзя забывать, что все в конце концов решать будут люди. Можно вооружить армию самой грозной техникой, но если солдаты не готовы к обращению с нею, успеха в сражении не будет. И значит, преображая Нечерноземье, надо ничуть не меньше, а может быть, даже больше вложить в человека. Говоря это, я имею в виду не только денежные вложения, но и всю сумму воспитательных мер — политического, социального, культурного, нравственного плана, мер, способных всколыхнуть душу человека, наполнить ее радостью вдохновенного, глубоко осознанного, творческого труда.

Денежные вложения в человека должны, видимо, реализоваться прежде всего в строительстве жилья. Жилье — та самая печка, от которой, как это стало ясно всем, надо танцевать, решая проблему людей в деревнях и селах Нечерноземья. Об этом совершенно ясно сказал на июльском Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев:

«Мы должны сделать более крутой поворот к строительству на селе и улучшению культурно-бытовых условий сельских тружеников».

И далее:

«Сегодня вопрос может стоять только так: об удовлетворении жилищных и бытовых нужд, возросших культурных запросов сельских тружеников руководители хозяйств, партийные комитеты, советские и профсоюзные органы должны проявлять не меньшую заботу, чем о развитии производства».

Не меньшую заботу!.. Ведь всем ясно: будет жилье — будут в колхозах и совхозах люди. А главное — будут люди молодые, которых так недостает сейчас Нечерноземью.

Давайте вдумаемся: что составляет главную заботу любой семьи, а молодой особенно? Зарплата? Нет, заработать сейчас можно где угодно, только не ленись. Квартира? Да! Верхом счастья считает любая

семья получение квартиры! Новоселье празднуется, как самый радостный праздник. И правильно! С милым рай и в шалаше, верно говорит пословица. Но семью построить можно только в хорошей квартире. Наладить быт, соответствующий современному уровню культуры, — тоже. Наконец, прийти на работу с хорошим настроением можно лишь из хорошей квартиры!

Но квартира для сельской семьи — еще не все. Ей нужно, чтобы был еще и детсад, и особенно школа. Сколько снялось с мест сельских семей только из-за того, что детей уже с четвертого класса (а есть случаи — и с первого) надо определять в интернат — таких-то малышей! Как тут можно говорить о правильном воспитании ребенка, если родители видят его только по выходным дням. Мне могут сказать, что к ребятам в интернатах приставлены воспитатели. Приставлены. Но мать и отца не заменят и десять воспитателей.

Итак, старая деревня, разобщенная, неграмотная, с примитивными культурными запросами отжила свой век. Рождается новая деревня. И чем скорей она родится такой, какой мы ее представляем, тем скорей поднимется уровень всего сельскохозяйственного производства.

Нельзя не видеть прямой связи между двумя этими явлениями.

Должна ли новая деревня хоть что-нибудь наследовать от старой? На эту тему в последнее десятилетие у нас много говорилось и писалось. Люди, большинство из которых деревню видят только из окна машины, мчащей их на дачу, уверенно отвечали: нет. Опираясь на тезис о стирании граней между городом и деревней, они утверждали, что вместо старой деревни надо строить поселки городского типа. А городской тип застройки — это многоэтажные и многоквартирные дома. И такие поселки кое-где стали появляться даже на Вологодчине, правда, поблизости от Вологды и Череповца: помогли мощные строительные организации этих городов. В совхозе «Дружба» я видел три только что возведенных семидесятиквартирных дома, четвертый строится. Так же примерно застраивается центр совхоза имени 50-летия СССР. Первым пример такой застройки показал колхоз «Родина». И не диво: центр этого колхоза находится в деревне Огарково, в двенад-

цати километрах по асфальту от Вологды... Удаленные от Вологды и Череповца районы, к счастью, построить пятиэтажные поселки городского типа не успели, вернее, не смогли: не было для этого ни средств, ни строительной базы.

В колхозе «Заря», тоже недалеко от Вологды, последние годы строился и теперь в основном построен экспериментальный поселок (я уже упоминал о нем). Проектировщики этого поселка, видимо, были из тех, кто отстаивал идею многоэтажной деревни. И вот в центре «Зари», на совершенно новом месте, встали двух-, трех- и четырехэтажные многоквартирные дома с плоскими крышами, с лоджиями... Но без хозяйственных помещений! Куда положить картошку, соленья на зиму, где разместить хотя бы кур, не говоря уже о поросенке, овцах, корове...

Жизнь внесла существенную поправку в экспериментальный проект. Сейчас на окраине поселка городского типа строится коммунальный двор для личных коров. Двор кирпичный на двух уровнях: внизу корова, вверху помещение для сена. Бокс-водогрейка, или общая кормокухня. Можно представить, каково будет хозяйкам на этой кухне. Да и ходить к корове за полкилометра, особенно когда вьюжит или дождит, не очень-то приятно...

И все же почти никто не отказывается от строящегося двора: убедились — без личного скота в деревне пока нельзя, хотя и в Вологду, и в районный центр Грязовец можно съездить на автобусе. Съездить-то можно, да купить-то что нужно нельзя...

Любопытная деталь. В совхозе «Дружба», в том самом, где уже три семидесятиквартирных дома, запланировано строительство коттеджей на двух уровнях. «Для специалистов», — сказал мне директор совхоза Ф. Ф. Шамигулов. Что ж, ничего предосудительного в этом нет. Специалистов надо уважать. И это уважение будет выражено предоставлением им более удобных квартир — отдельных коттеджей: можно будет и садик вокруг дома разбить, и грядки вскопать, и для овощей, заготовленных впрок, место определить.

Удобно!

Но почему эти удобства только для специалистов? Разве рабочие совхоза — в основном местные жители —

менее крестьяне, чем приехавшие в совхоз специалисты? Почему же они должны жить на пятом этаже, «придавленные» низким, по-городскому, потолком, взбираться на свой этаж по грязной лестнице (в деревне ведь асфальта пока нет) и видеть не цветы под окном, а стену соседнего блочного дома? И это ведь не на время, а на всю жизнь. И не только им, но и их детям, и внукам (надеюсь, новую деревню мы строим надолго, с заглядом вперед).

Но — и это я с удовольствием отмечаю еще раз — многоэтажная застройка в вологодских деревнях все же не стала массовой. В районах, отдаленных от Вологды, колхозы и совхозы строят в основном двухквартирные из деревянного бруса дома. И хотя архитектурно эти дома выглядят, прямо скажем, не очень привлекательно (продолговатое под двухскатной крышей строение с верандами-крылечками на торцах), люди идут в них с радостью: есть возможность устроить свою жизнь на деревенский лад — желание отнюдь не предосудительное и не зазорное для деревенского жителя.

Вот это и должна, мне кажется, унаследовать новая деревня от старой.

Хочу поделиться еще одной мыслью в связи с жилищным строительством на селе. Возникла она во время беседы с директором совхоза «Николоторжский» К. К. Афанасьевым.

Я спросил Константина Кирилловича, есть ли желающие построить себе собственный дом по проекту, который отвечал бы вкусам современного сельского жителя?

— Желающие, — ответил он, — наверняка есть. Но большинство из них, наверное, желание это считают неосуществимым. Во-первых, в генеральном проекте даже места нет для индивидуальной застройки. («Странно»,— подумал я). Во-вторых, без найма плотников (их почему-то называют «шабашниками») дом не поставить. А плотничьи артели в наших краях перевелись — людей в деревнях стало не лишку. В-третьих, достать строительные материалы (брус, рамы, шифер, цемент) индивидуальному застройщику еще труднее, чем совхозу, — ведь жилье совхоз строит так называемым «хозспособом», т. е. не имея лимитов на материалы от государства. Все надо самим добывать. Притом

вовремя, потому что по договору с нанятыми рабочими за день простоя мы обязаны каждому заплатить по двадцать пять рублей. У нас в совхозе работают закарпатцы, в «Передовом» — кавказцы... Работают — не ленятся. Но ведь эти приезжие с индивидуальным заказчиком едва ли будут связываться...

— А если бы люди имели возможность купить дом? Готовый? Из деревянного бруса?

— Где?

— Ну, допустим, что в Вологде или Череповце существует такая фирма, такой домостроительный комбинат. Человек посылает заявку, переводит деньги, а комбинат доставляет дом на место, собирает его и сдает заказчику под ключ. Нашлись бы желающие купить такой дом?

— Бесспорно, нашлись бы... — не колеблясь, ответил К. К. Афанасьев.

Я тоже не сомневаюсь в том, что многие захотели бы купить такой дом. Выгода была бы огромная и государству, и совхозам. Государству потому, что на жилищное строительство были бы привлечены дополнительные средства — личные сбережения самих селян; для совхоза потому, что село стало бы застраиваться значительно быстрей, чем сейчас, когда все ждут только государственной квартиры, а имеющиеся деньги тратят на машины...

Давайте спросим семью, купившую «Жигули», но не имеющую удобной квартиры, стала бы она тратиться на машину, если бы существовала возможность купить дом? Уверен, что ответ был бы один: нет, не стала бы. Даже у птиц — сначала гнездо, а уж потом все радости жизни.

В августе, когда писался этот очерк, в «Литературной газете» был опубликован очень интересный материал-беседа З. Ибрагимовой, собственного корреспондента «ЛГ» по Сибири, с генеральным директором производственного объединения «Юганскнефтегаз» лауреатом Государственной премии Романом Ивановичем Кузоваткиным.

Корреспондент напомнила генеральному директору, что десять лет назад на стройку приезжала бригада «ЛГ», и в одном из очерков, опубликованных тогда в газете, она «первой и главной бедой» назвала «острую нехватку жилья».

И вот что сказал по этому поводу Р. И. Кузоваткин:

«Мне кажется, что самый серьезный наш промах связан с капитальным строительством, особенно с жильем. Что, собственно, произошло? Взяли изначально твердый курс на каменное строительство индустриальными методами: и быстрее, и дешевле. Дело в принципе хорошее, но мощной строительной базы не создали, материалы везли издалека и в результате строили гораздо меньше, чем планировали, чем требовалось. При этом наотрез отказались от деревянного строительства. Вокруг лес, а мы тащим камень через болота за сотни и тысячи километров, мучаемся, терпим трудности и лишения, но из дерева не строим. Крайность? Безусловно. Деревянный дом с хорошей отделкой и всеми удобствами ничуть не уступает каменному, в том числе и в долговечности, а по мнению многих, даже более предпочтителен. За счет деревянного строительства мы могли бы безболезненно решить и многие соцкультбытовские проблемы. Могли бы... Но потеряли десять-одиннадцать лет, и только в этом году ввели деревянное строительство в права гражданства.

...Придется строить новые поселки, отдаленные от базовых городов, и это должны быть хорошие, добротные, традиционно деревянные и в то же время современные сибирские поселки. Если бы в свое время отдали дереву должное, не столкнулись бы сейчас так остро с нехваткой жилья.

Второе заблуждение — индивидуальное строительство считали неперспективным... Лишь недавно произошел переворот и в отношении к индивидуальному строительству: для него выделены специальные территории, разработано несколько типовых проектов, и люди очень охотно и активно берутся строить дома для себя. Если бы мы приняли такое решение десять — двенадцать лет назад!..»

Собеседник корреспондента не только признает промах, но и сожалеет о потерянном времени. И я подумал: «Не пришлось бы пережить горечь подобных сожалений и архитектурным стратегам Нечерноземья, которым грезятся среди его лесов, болот и полей т о л ь к о поселки городского типа. Уж если деревянное строительство получило права гражданства в промышленных поселках, то в колхозных селах ему тем более честь и место!»

И все, кто уже давно бьется над этой проблемой, с огромным удовлетворением встретили специальное постановление правительства, вышедшее после июльского Пленума ЦК КПСС, о строительстве индивидуальных жилых домов на селе. Установлен порядок застройки, предусмотрены льготы для индивидуальных застройщиков. И, надо полагать, люди воспользуются ими.

Индивидуальный дом для крестьянина с садом-огородом вокруг него выгоден не только с точки зрения быта и экономики, но и с нравственной. Жизнь на пятом этаже, как рассказывали мне об этом, приучает крестьянина к праздности. Он не знает, чем себя занять в свободное после работы время, и тянется... к бутылке. Об этой беде хочется сказать особо.

* * *

Действительно, житель села в наше время имеет значительно больше свободного времени, чем, скажем, дореволюционный крестьянин. Мощная техника, которой рабочий класс вооружил колхозы, освободила земледельцев от тяжелого труда. А если учесть, что в некоторых хозяйствах они оказались «освобожденными» и от извечных крестьянских забот о земле и хлебе, то упомянутая тяга к бутылке станет понятной.

К сожалению, торговля спиртным во многих сельских магазинах не только не противостоит столь вредной и опасной тенденции, но даже поощряет ее.

Иной продавец сельского магазина эту самую бутылку готов подать «потребителю» чуть ли не с поклоном. И чем тот больше берет, тем веселей становится продавец: он ведь премию получает за перевыполнение плана товарооборота. А за счет чего перевыполнять-то? Зубные щетки продавать? Иголки? Нитки ходовых номеров? Резиновые сапоги нужных размеров? Кровати-раскладушки?.. Спрашивал эти товары в нескольких магазинах — нет.

Зато водкой продавцы этих магазинов торгуют так, что почти половина помещения бывает заставлена ящиками с этим товаром. Снаружи — той же архитектуры сооружение, но уже с пустыми бутылками. А и домов-то в деревне осталось наперечет. Правда, магазин

стоит на «большой дороге» — редко какой шофер или тракторист не остановится.

Даже в сенокосную пору выручка от спиртного не упала. Квас да лимонад пить бы на лугах-то, но они на сельских прилавках такая редкость! Пьют «красноту», «бормотуху» — так называют в деревне красные, приготовленные из отходов фруктов вина местного производства, и еще алжирские, привезенные из Африки в наливных судах.

Ох, уж эти вина... Шестнадцать, а то и восемнадцать градусов. Цена — рубль две копейки. Дешевка! А захмелеть можно. Как тут не соблазниться!.. «Опять пьешь?» — упрекнет кто-нибудь слабовольного. А он в ответ: «Да я красненького...» «Красненькое» вроде как и не алкоголь — лимонад этакий, цвет у него только другой. «Заборы можно красить», — угрюмо шутят сами же «забалдевшие». Но что-то не слышно насчет заборов-то...

А вот насчет потребления внутрь уже не в шутку, а всерьез врач областной больницы сказал: «Почти все психозы на почве алкоголизма случаются у тех, кто постоянно пьет «красненькое», то есть «бормотуху».

Очень меткое словцо подыскал народ для этого невинного зелья. Напьешься — будешь что-то бормотать, но на нормальную человеческую речь это будет мало похоже. Ну а если такое бормотание растянется на месяц, на год, на три?.. Финал ясен — белая горячка.

Некрепкое, в смысле денег — неразорительное (четыре бутылки вместо одной за 4 рубля 42 копейки), одним словом, невинное это вино на деле является самым коварным, самым губительным для здоровья человека. И самым виновным в распространении пьянства.

Пьют его и подростки. Кто-то из строгих родителей ругнет их. А в ответ та же песенка: «Да мы красненького...»

С него же, с «красненького», начинают загул взрослые: «Подумаешь, красненького взяли!..» А после «красненькой» затравки идет уже все подряд, без разбора, не смущают никого ни цена, ни градусы...

Поэтому местное «красненькое» надо бы или прекратить выпускать, или, улучшив его качество, повы-

сить на него цену. Хитрую и самую коварную голову многоглавого «зеленого змия» надо отсечь самым решительным взмахом меча, стоящего на защите здоровья народа!

Люди, живущие в городе, может быть, посчитают мои наблюдения нетипичными для современной колхозной деревни и потому пустячными, мелочными... Если бы так...

Зло, имя которому пьянство — и я говорю это с полной ответственностью, — дорого обходится некоторым хозяйствам. Падает производительность труда, снижается качество работы, преждевременно выводится из строя дорогостоящая техника... Наконец, здоровье людей, воспитание детей, культура быта тоже страдают от пьянства. И об этом надо говорить прямо, без ложной стыдливости. Если работники прилавков в погоне за планом, а в конце концов за личной выгодой, не стыдятся выставлять стеклянное войско на самых видных местах в магазинах, то мы, работники культуры, не должны стесняться в выборе средств для борьбы с такой, по сути, антигуманной практикой.

Впрочем, необходимость решительной борьбы с пьянством осознали теперь и многие хозяйственные руководители. И это очень хорошо.

Но встал вопрос, как с этим злом бороться? Одними выговорами тут ничего не добьешься. Лекциями, телевизионными передачами на эту тему — тоже: пьяницы на лекции не ходят и телевизионные передачи не смотрят. Им «некогда».

И вот родилась так называемая «балльная система» оценки деловых и моральных качеств каждого работника.

Впервые я услышал о ней в новосибирском совхозе «Заводской» от директора А. К. Кузнецова. Суть ее в следующем. Если человек в течение месяца не допустил никаких нарушений трудовой дисциплины, был безупречен с точки зрения моральных и нравственных норм и дома, и в общественных местах, он получает пять баллов. Таким образом, за год такой рабочий может набрать шестьдесят баллов и получить все начисляемые в конце года премии и надбавки. Тот же, кто придет к концу года с сорока и менее баллами, премий этих и надбавок лишается. Полностью.

«Минусует» баллы специальная комиссия, в составе

которой секретарь парткома, председатель месткома, заведующие производствами, передовые рабочие и, конечно, директор. Особенно строго комиссия наказывает за выпивку в рабочее время. Такой факт квалифицируется как невыход на работу, и виновный лишается пяти баллов.

На Вологодчине балльная система тоже хорошо себя зарекомендовала (совхозы имени 50-летия СССР и «Передовой»). Но применяется пока лишь в отдельных хозяйствах. Почему? Оказывается, эффективна эта система лишь там, где работают прибыльно. Однако значительная часть хозяйств заканчивает год с убытками, следовательно, и никаких премий и надбавок в конце года нет, и, значит, нет возможности поощрить лучших и наказать пьяниц.

Решая такую грандиозную задачу, как преобразование Нечерноземья (сделать-то сколько предстоит!), мне думается, надо продолжать и продолжать поиск новых форм и методов воспитания человека, решительно отбрасывая трафарет, переливание из пустого в порожнее, формализм, все то, что мы делаем, не веря порой и сами в эффективность и полезность делаемого, и, не стесняясь, говорим после друг другу: для «галочки».

Надо с той же энергией и изобретательностью, с какими наши ученые и конструкторы строят новые машины, строить, конструировать душу человека; надо всколыхнуть в человеке самое человечное — чувство чести, достоинства, честности, трудолюбия...

Все бóльшее признание завоевывают безнарядные звенья по выращиванию картофеля. Прекрасно! Звеньевая система дисциплинирует людей, рождает в них чувство ответственности и взаимовыручки. А главное, пробуждает творческий подход к делу, то самое чувство, без которого нельзя представить крестьянина: ведь вся его работа — творческая, а не механическая, ибо она зависит от множества привходящих факторов.

О безнарядных механизированных звеньях все говорят теперь с удовлетворением. Долгий поиск в этом деле принес свои результаты. Огромный эффект дал также ипатовский метод, применяемый механизаторами на уборке зерновых и заготовке кормов.

Думается, что найти столь же действенные формы можно и в воспитательной работе, а в борьбе с пьянством — обязательно нужно! И начинать тут, как подсказывает сама жизнь, надо с воспитания нетерпимости к этому пороку. Развитое социалистическое общество и пьянство — несовместимы. Как человек отряхивает пыль с одежды, так оно должно стряхнуть с себя это недоброе наследие прошедших времен. Необходимость такого жеста хорошо понимали уже деды и отцы, утверждавшие Советскую власть в нашей, революционной стране.

Учитель-пенсионер из Сокольского района рассказывал мне:

— Помню двадцатые годы... Вот уж когда боролись с пьянством у нас в Соколе, так боролись! Чтобы активисту показаться пьяным на народе?! Что вы! А сесть за стол в религиозный праздник — тем более!.. Признаюсь, согрешил однажды. Пригласили родственники жены из соседней деревни — не смог отказаться. Ладно, сказал, приду... Приду-то приду, а как? Надо, чтобы никто не видел. Так я ведь от леса и до самых огородов через поле ржи по-пластунски пробирался. А в избе в ожидании меня и окна занавесили. Во как! И правильно, я считаю. Иначе чуть что — тебе прямо в глаза-то и вмажут: «А сам-то ты... Знаем!»

Теперь, к сожалению, тот боевой настрой в борьбе за трезвость многими из нас утрачен. Поездил я по деревням и убедился, что к нетрезвому человеку у нас утвердилось с коих-то времен примерно такое же отношение, как к человеку с насморком. Чихает, дескать, так что ж такого? Прочихается. Пьяного тракториста упрекнет разве старушка, сокрушаясь над поваленными столбами в изгороди. А чтобы все — нет... Привыкли!

О чем это говорит? О том, что воспитательная работа зачастую проходит мимо души человека, как стрела мимо цели. А стрела летит мимо тогда, когда она выпущена неумелой рукой. Такие мимо цели летящие «стрелы» можно увидеть «в небе» любого хозяйства. Висит в коридоре правления стенгазета — ни одного конкретного факта, выдержки из передовиц, перепечатанные на машинке или переписанные от руки. На дворе июль, а в стенгазете — «Поздравляем с женским днем 8 Марта!» А взгляните на лозунги. Масляной

краской на капитально укрепленном щите цитата из какого-нибудь программного документа: не придерешься — годна на все времена года. А в поле весенний сев. Так хотя бы одно живое слово, пословица, относящаяся к этой страдной поре, вроде виденной мною в одном колхозе: «Помни: весенний день год кормит!»

Но ведь для этого надо работать, и не просто работать — искать, творить, пробовать. Гореть! Многое в этом направлении мог бы и должен сделать сельсовет, не говоря уже о партийных организациях.

В связи с этим остановлюсь на одном любопытном, на мой взгляд, моменте из работы семинара секретарей райкомов.

В совхозе «Мяксинский» секретари знакомились с планом организаторской и массово-политической работы парткома на период заготовки кормов и уборки урожая 1978 года. Все было в этом плане: и сколько надо произвести и продать государству молока и мяса, и сколько заготовить силоса и сенажа, и сколько собрать зерна с гектара, и картофеля, и корнеплодов...

В разделе «Организационные мероприятия» пунктом 2 значилось: «Подготовить и утвердить рабочий план заготовки кормов и уборки урожая», пунктом 3 — «В первой декаде июня провести совещание с механизаторами об итогах весеннего сева и задачах на период заготовки кормов»...

В разделе «Массово-политическая работа» предусматривалась работа с агитаторами («закрепить агитаторов за звеньями и агрегатами»); оформление наглядной агитации («плакаты, лозунги, стенды, призывающие...»); чтение лекций членами общества «Знание» («на весь период заготовки кормов и уборки урожая»).

Далее в плане шли разделы: «Организация социалистического соревнования» и «Культурно-бытовое обслуживание». В последнем значилось: «Подготовить специальную концертную программу агитбригады», «Организовать своевременный привоз людей, занятых на заготовке кормов и уборке урожая», «Практиковать выездную торговлю предметами первой необходимости...»

На первый взгляд план как план. Действительно, все, что в нем намечено, делать надо. И не только во время «заготовки» и «уборки». Но чего-то в этом плане лично мне не хватало. Перечитал я его на досуге еще раз и

понял: не хватало «мероприятий», воспитывающих человека. Агитирующих, призывающих, организующих, требующих было много, а вот воспитывающих... Пожалуй, только одно: «В честь победителей поднимать флаг трудовой славы, вручать передовикам красные флажки, ценные подарки, денежные премии».

Но ведь это касалось только победителей и передовиков. А остальные? Вопрос отнюдь не праздный. Ведь «остальных»-то значительно больше. И среди них есть наверняка и бракоделы, и лодыри, и пьяницы... Почему бы на время этих двух решающих кампаний «заготовки» и «уборки» не запланировать усиление борьбы со всеми проявлениями недисциплинированности: опозданиями на работу, прогулами, плохим использованием техники, низкого качества работой и т. д. Например, записать бы: «Каждый случай появления на работе в нетрезвом состоянии обсуждать на бригадном собрании или на парттруппе». Да и торговлю спиртными напитками на это время тоже можно бы регламентировать... Об этом в плане — ни слова. Как будто проблемы пьянства и не существует, как будто и не было постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом (1972 г.).

Совхоз «Мяксинский» находится в Череповецком районе. Секретарь райкома А. И. Шляпкин, докладывая коллегам о своем районе, честно признал, что с трудовой дисциплиной в колхозах и совхозах пока далеко не идеально. Тысячи человеко-дней теряются ежегодно из-за прогулов. Трактор в течение суток простаивает в среднем двенадцать часов, а когда-то не работал только два часа. Коэффициент использования техники, как видно, резко снизился. И над этим фактом составителям плана, по-моему, тоже следовало бы задуматься.

А. И. Шляпкин, человек самокритичный, в своем рассказе о партийной работе в районе отметил и еще один недостаток: секретари парткомов часто занимаются не свойственными им делами, подменяют хозяйственных руководителей. Хозяйственную работу, сказал он, секретари знают, ведут, а работу с народом — не успевают. А лично я бы уточнил: работать с народом не умеют, не научены, наверное. А ведь это наука, да еще и какая, — работа с людьми-то! И ею надо овладевать так же, как и любой другой наукой.

* * *

...Но вернемся снова к проблеме жилья. Как они выглядят, деревенские дома, хотя бы с внешней стороны? И, значит, как смотрятся деревня или село в целом? Кому как не сельсовету и не парткому задуматься над этим? Деревни на Вологодчине (да и не только здесь), как я уже говорил, пока в основном избяные. А изба — это такое строение, которое может выглядеть и как воронье гнездо, и как сказочный теремок. Так вот, до теремка многим вологодским избам пока очень далеко, хотя в каждой деревне есть свой теремок, а то и не один. Не надо и гадать, «кто в тереме живет», — живут в нем культурные, аккуратные в быту, умеющие ценить красоту и уют люди. Они же, как правило, и примерные труженики.

Существует, по моим наблюдениям, такая закономерность: человек, у которого в порядке собственное жилье, не терпит беспорядка и на рабочем месте. И, наоборот, живущий в неуюте и грязи дома не замечает этой грязи на производстве и, как правило, работает тоже «грязно», кое-как, с меньшей производительностью, чем другие.

Можно даже сказать: деревенская изба — лицо ее хозяина. И в палисаде у хорошего хозяина, и в огороде — тоже идеальный порядок. Не только картошка, капуста да лук растут, а и яблоньки (причем не дички, как у многих, а культурные, завезенные из плодопитомника), и смородина, и малина, и крыжовник (все эти ягодники на Вологодчине прекрасно плодоносят), и даже пчелки гудят. А почему бы им и не гудеть?..

Лет этак двенадцать назад в колхозе «Заря» Шекснинского района председательствовал Д. М. Кузовлев (потом он был избран первым секретарем райкома в этом же районе). Человек молодой, образованный, энергичный, он уже тогда хорошо понимал проблему, о которой я веду сейчас речь. Иду я, помню, по селу, присматриваюсь к аккуратненьким избам и вдруг на одной из них вижу: «Дом образцового содержания». А через две избы — опять та же табличка. Стал расспрашивать Дмитрия Михайловича, что это значит, и вот что услышал в ответ:

— Не только таблички вывешиваем, а еще и премии выдаем. Есть на сей счет решение правления.

Неряхи и разгильдяи, конечно, ворчат: за что, дескать? У них и так дома в порядке, а им еще и деньги... Давать надо тому, у кого дом плохой...

— А что вы сделали, чтобы ваши дома стали хорошими? — спрашиваю ворчунов. Ничего. Привыкли к своим хороминам и не замечают, что они запущены. Вот мы и решили раскрыть таким людям глаза.

Подобную работу, я думаю, сейчас мог бы провести каждый сельсовет. Окинуть пристрастным глазом дома не только снаружи, а и во двор заглянуть, и в сени, и в жилые комнаты. Да и колодцы не забыть, и места для хозяйственных отходов. Это ведь тоже быт.

Жил я этим летом в деревне Карл Либкнехт (раньше она называлась Кобылино). Хорошо, красиво стоит деревня: в окна льется синий свет с озера. Есть на этом озере два островка. И облюбовало их для своих нужд одно предприятие. Плохой стала вода в озере. Все видят это, все говорят, что надо рыть колодцы... Но дальше разговоров дело не идет. Вот тут бы и взять на себя инициативу депутатам сельского Совета. Нет, инерция сильнее.

Не знаю, согласятся или нет со мною товарищи, работающие в деревне, но мне кажется, что строительство души человека надо начинать с жилья. Это людям ближе всего и понятней, каждого затрагивает. Причем для начала этой работы никаких дополнительных ассигнований не потребуется. На кубометр — другой теса, штакетника, на краски — деньги найдутся у каждого. Деревня сейчас не так бедна, как в послевоенное время.

А у колхозов найдутся средства, чтобы подправить улицы и дороги, в том числе внутрихозяйственные, чтобы к любому полю, складу, двору можно было подъехать не только на тракторе, но и на автомашине, и на комбайне. Такие дороги за последние годы построил колхоз имени Ленина Белозерского района, где председательствует после окончания ветеринарного техникума выросший в замечательного хозяйственника и руководителя Л. М. Богданов. Кстати, и центр колхоза имени Ленина застраивается красиво, хотя и нет в нем пока ни одного кирпичного здания — только двухквартирные, из деревянного бруса дома, но они со вкусом, в разный колер покрашены, обнесены штакетником. Растет у Леонида Михайловича сын, скоро закан-

чивает десятилетку. И вот что любопытно: не хочет расставаться с родным селом. Твердо решил поступать в молочный институт под Вологдой, чтобы потом вернуться на родину.

Еще более красивое село — центр колхоза «Сигнал» Тотемского района — отстроил В. А. Жданов. Это один из самых старых председателей — двадцать девять лет возглавляет хозяйство. Помню, разговорились мы с ним о застройке села, я приезжал в «Сигнал» лет пятнадцать назад. «Мудро и просто сделана крестьянская изба,— говорил В. А. Жданов,— но ведь, наверное, в чем-то можно ее и усовершенствовать, чтобы и смотрелась более современно, и внутренней планировкой отличалась. А проектов таких нет...»

О строительстве новой, социалистической деревни В. А. Жданов не забывал никогда. Даже в самые трудные годы строили не кое-как — со вкусом. И был такой случай.

То ли в отпуск, то ли по делам — отлучиться пришлось В. А. Жданову как-то из колхоза. Вернулся — на краю посада стоит новый дом: перевезли из другой деревни. Перевезли — ладно. Но почему поставили не фасадом на улицу, а боком? Никакого вида! Поогорчался и решил: надо дело поправить. Подогнал трактора и с помощью тросов развернул избу «глазами на улицу». Посмотрел — совсем другая картина!

Хорошо застраивается и центр колхоза «Коминтерн» Кирилловского района. Здесь наряду с двухквартирными деревянными домами (уже заселено шестьдесят шесть квартир) поставлено несколько кирпичных, четырехквартирных. И те и другие, по словам председателя, вполне удовлетворяют людей.

Вообще, центр колхоза «Коминтерн» сегодня — сплошная строительная площадка. Строится средняя школа на четыреста шестьдесят учащихся со спортивным залом, детский сад на девяносто мест, два четырехквартирных дома в кирпичном исполнении, семь двухквартирных домов из бруса. Кроме того, строятся мастерские на пятьдесят условных ремонтов, молочный комплекс на тысячу двести коров, четыре доильные площадки (с навесами), проводятся канализация, водопровод, теплотрасса.

Кто работает? Трест «Вологдасельстрой» и Межколхозстрой. Чуть ли не все наличные силы этих район-

ных организаций сосредоточены здесь. И все-таки этих сил не хватает.

Почти половину объектов колхоз возводит хозспособом. Восемь бригад закарпатцев работают сейчас в «Коминтерне». Казалось бы, хорошо. Люди приехали добровольно. У них цель — побольше заработать, причем в возможно короткий срок, у колхоза — построиться, и тоже как можно быстрее, освоив таким образом отпущенные на строительство средства. Интересы, как нетрудно заметить, совпадают. Причем колхозу, а значит и государству, такое строительство обходится значительно дешевле. Есть основания, а точнее, есть прямая выгода *такие* объекты не только финансировать, но и обеспечивать материалами. Ан нет. Ничего не планируется. Начал строиться хозспособом — *доставай* стройматериалы где хочешь. И как хочешь!

Директора совхозов этот способ застройки с горечью называют не хозспособ, а хапспособ. Сумеешь «*хапнуть*» то, что тебе нужно сегодня, — нанятые работники будут при деле, не сумеешь — будут отдыхать, а денежки им за каждый день простоя платить все равно придется. Л. Н. Бурцев — директор совхоза имени 50-летия СССР сказал: «Вот и мечешься по городским и заводским конторам... И заключаешь всякие сделки. В том числе и с совестью. А сколько времени уходит на это *доставание* (странное и непонятное для нашего планового хозяйства словцо!). Порой о делах совхоза, о хлебе да молоке и подумать некогда.

Геннадий Леонтьевич Селезнев, председатель «Коминтерна», выразился еще образнее: «Сквозь игольное ушко надо пройти, чтобы *достать* что-то... В том числе и запчасти для машин. И ведь *достаем* в конце концов. Выходит, что они есть! Так почему же нельзя их получить законным путем? И как вообще все это понять?»

В голосе Геннадия Леонтьевича вполне понятное возмущение. Думается, что кто-то должен все же рано или поздно дать ответы на его вопросы.

Сама жизнь требует этих ответов!

* * *

В связи с проблемой людей в деревне поговорим теперь о специалистах: агрономах, зоотехниках, инже-

нерах, ветеринарных врачах, медиках, учителях... Не так уж и мало сейчас их на селе. В совхозе «Дружба», например, шестьдесят специалистов, в том числе на откормочном комплексе — двадцать один из ста десяти работающих. Довольно солидная прослойка!

А ведь специалист в деревне — это интеллигент, образованный и культурный человек. И кроме того, как правило, новый человек в деревне — свежая кровь. Ему, приехавшему со стороны, как говорится, все виднее: и хорошее, и плохое. И очень важно, как поведет он себя, приехав в совхоз или колхоз: или опустится до уровня не столь еще высокой подчас деревенской культуры, или попытается подтянуть ее хотя бы в чем-то до своего уровня.

Но среди специалистов, особенно молодых, только что окончивших вузы и получивших направление в хозяйства Нечерноземной зоны, распространены, к сожалению, настроения иного рода.

О них с большой озабоченностью говорил мне первый секретарь Кирилловского райкома КПСС А. И. Притыченко.

— Не закрепляются молодые специалисты в наших хозяйствах. Да и в райцентре — тоже. Упрекнешь — отвечают: «Мы приехали к вам не работать, а отрабатывать». Имеют в виду обязательные три года работы по направлению после института. Ну и «отрабатывают». Полтора года присматриваются к делу, а следующие полтора — подыскивают себе местечко поближе к городу, а то и в городе. Есть у них и еще один аргумент: не обеспечили квартирой. А с квартирами до сих пор у нас было очень трудно, строить начали только теперь. Ну а молодые специалисты с нашими затруднениями не хотят считаться. «Нам в институте объяснили,— рассказывают,— если не обеспечат квартирой, уезжайте!» Как видите, заранее выработанная линия поведения. И есть в этом поведении этакое высокомерие перед нами, аборигенами... Дескать, я вам сделал одолжение — приехал. И будьте добры любить и жаловать. И не понимает того, что одолжение-то прежде сделал ему народ, потому что учился-то он на народные денежки...

— Я считаю, что три года работы по направлению после института — мало. Надо пять, а то и семь лет! За пять-семь лет молодой специалист хотя бы понял

производство, полезное что-то для хозяйства успел сделать. А так мы всегда будем испытывать дефицит в специалистах.— И тут же добавил: — Надо бы своих ребят учить. Но... наши ребята отсеиваются на конкурсных экзаменах. И не удивительно: сельские школы пока что не дают столь прочных знаний, как городские... База не та. И все-таки надо бы наших, сельских ребят принимать в институты. Может быть, отдельный конкурс для них устраивать или учитывать рекомендации колхозов и совхозов. Ведь они для своего хозяйства человека выучить хотят. Тем более на колхозную стипендию.

А. И. Шляпкин, секретарь Череповецкого райкома КПСС, на проблему специалистов взглянул и еще с одной стороны. Выступая на семинаре перед коллегами, он сказал: «Надо, и как можно скорее, ставить на руководящие должности специалистов. Практик — хорошо. Но образованный человек на месте бригадира или заведующего фермой — еще лучше. Ведь в ближайшее время мы должны будем собирать по тридцать пять центнеров зерна с гектара и надаивать по пять тысяч килограммов молока от коровы. Без точных научных расчетов этих вершин не взять».

Но выясняется, что специалисты на руководящие должности не идут. У молодых, о которых рассказывал А. И. Притыченко, опыт невелик. А немолодые, вполне зрелые люди, те почему? Трудностей боятся? В заработке теряют?

Думаю, что в этих вопросах стоит разобраться. Надо сделать так, чтобы специалист (любой!) считал за честь приглашение на руководящую должность. Вот это будет нормально!

Особенно — на должность руководителя среднего звена, где, по сути, решается судьба производства. Да и самому специалисту полезно пройти школу бригадира. Александр Иванович Шляпкин сказал на семинаре по этому поводу: « За специалиста, который хотя бы годик поработал бригадиром, я двух отдам».

Видимо, есть основания для такого вывода у старейшего партийного работника.

Пока положение с руководящими кадрами среднего звена в области таково. Из 1776 комплексных бригад, имеющихся в колхозах и совхозах, только 745 возглавляют специалисты. А между тем в хозяйствах области

специалистов насчитывается более семи тысяч. Значит, у руководства производственными подразделениями находится всего лишь один из десяти. Маловато.

Доводилось слышать мнение, что при сложившемся положении надо учить бригадиров-практиков. Надо... Но учатся заочно в техникумах только полтора процента из них. В зрелые годы, ясно, учиться нелегко. А главное, времени для книг, конспектов, контрольных работ у бригадиров порой просто нет.

В современном сельскохозяйственном производстве есть еще одна специальность — самая распространенная и, пожалуй, самая главная, решающая — это специальность механизатора. Реализовать рекомендации специалиста и указания бригадира дано ему, и никому более. Вспахать, посеять, внести удобрения можно так, а можно и иначе... Все в руках человека, сидящего в кабине трактора или комбайна.

В одном ученом докладе была такая вот мысль: лет этак через десять-двенадцать на одного работающего в сельском хозяйстве нашей страны будет приходиться различной техники на сумму до сорока тысяч рублей.

Прочитал я это и подумал: «Каким же надежным, каким образованным должен стать этот человек, чтобы можно было доверить ему столь мощный производственный потенциал!» Определенная часть нынешних механизаторов, думаю, не подкачает и в то, уже не столь далекое время. Часть, но не все. У одних «грамотешки» не хватит, у других ответственности, дисциплины труда. Да и возраст немалый. Сменить их должны те, кто сейчас сидит за партой, может быть, в школе, а может, уже и в СПТУ.

Что касается школ, то обучение ребят сельским профессиям поставлено в них по-разному. Там, где руководители хозяйств по-настоящему поняли, что одними уговорами проблему закрепления молодежи на селе не решить, что ребят надо учить профессии механизатора, там эта проблема не является столь острой и неразрешимой, как в других хозяйствах.

Учить, конечно, должна школа, а обеспечить школу всем комплексом сельскохозяйственных машин обязан колхоз (совхоз). И не старенькими, до предела изношенными машинами, а новыми. Старый, постоянно останавливающийся трактор (или комбайн) может

лишь оттолкнуть подростка от техники, воспитать неприязнь к ней. И наоборот, новый, послушный даже слабой руке подростка трактор может зажечь в нем неугасимое влечение, а мечта водить машины по полям родного колхоза станет его заветной мечтой.

Пример такого отношения к школе показывает совхоз «Николоторжский» Кирилловского района. Там для школы выделена не только техника, но и земля. Поначалу ребята обрабатывали шестнадцать гектаров совхозного поля, а в нынешнюю весну уже целых сто!

— Все на этом поле ученики делали сами,— рассказывал К. К. Афанасьев — директор совхоза.— Пахали, культивировали, вносили минеральные удобрения. Только посеять мы им не разрешили. Сеял опытный механизатор. Зато убирать будут опять они. Комбайн школе мы дали...

На районных соревнованиях юных пахарей наши ученики девятого класса Надя Петрова и Коля Малафеев заняли первые места. Думаю, что не случайно. В армию наших ребят мы провожаем торжественно, всем совхозом. И они помнят, что их здесь ждут, и с радостью возвращаются... В результате все механизаторы у нас — свои, приезжих нет.

И добавил:

— Большая заслуга во всем этом заместителя директора школы по производственному обучению Евгения Петровича Любопытова.

Несколькими днями позже я побывал в Белозерском СПТУ, готовящем механизаторов. За девятнадцать лет своего существования училище подготовило около пяти тысяч трактористов-машинистов широкого профиля. Таким образом, можно сказать, что Белозерское СПТУ — довольно мощная кузница механизаторских кадров.

Однако условия, в которых работает училище, дают основание предполагать, что качество подготовки этих кадров невысокое. Начнем с того, что училище не имеет своего учебного хозяйства, учащиеся пашут и сеют в колхозе «Строитель коммунизма», но ухода за посевами не ведут, (осенью, правда, они участвуют в уборке). Нет у них ощущения, что это их урожай, их труды.

Нет у Белозерского СПТУ и учебного полигона, а между тем по уставу на каждого ученика полагается иметь два гектара земли.

Должно училище располагать и хорошо оборудованными классами, и мастерскими, и гаражами. В селе Кубенском, под Вологдой, в городе Кадникове такие же училища все это имеют. Там выстроены целые учебно-производственные комплексы. А в Белозерске ребята учатся в старинном двухэтажном купеческом домике с толстыми кирпичными стенами и маленькими подслеповатыми окнами. Классы в нем — «клетушки», как выразился директор училища Анатолий Иванович Чмутов. И лучшего сравнения, пожалуй, не подберешь.

Сетовал Анатолий Иванович и еще на одно обстоятельство. Учителя школ, по его мнению, не заинтересованы в том, чтобы хорошие ученики после восьмого класса поступали в СПТУ. Любыми способами они стремятся оставить их у себя. А вот тех, которые и учились плохо, и по поведению двойку не раз получали, готовы за ручку привести.

— Конечно, есть у нас и хорошие ребята,— сказал Анатолий Иванович,— с детства влюбленные в технику. Но «трудных», как их называют, больше. Да и не удивительно: есть еще школы, где ребят все восемь лет не то что не учат профессиям, но даже отучают от мысли работать в сельском хозяйстве. На моря-океаны нацеливают, на космос.

В летнее время наши учащиеся разъезжаются по своим колхозам, и каждый увозит с собой план производственной практики... Трактор, комбайн, льнокомбайн — все должен испробовать ученик! Ну а в некоторых хозяйствах суют им вилы в руки — вот и вся техника. Не доверяют! Но зачем, спрашивается, учить тех, на кого нет надежды? Было бы правильно, если бы хозяйства посылали к нам таких ребят, которых хотят видеть потом за рулем трактора, комбайна, автомашины. Короче говоря, руководители хозяйств должны с большей заинтересованностью и ответственностью рекомендовать подростков в СПТУ.

* * *

Уезжал я из деревни Карл Либкнехт восемнадцатого августа. Утром на околице мне повстречалась «легковушка» — странная для этих мест машина — «Москвич» с герметически закрывающейся камерой-ящиком позади кабины. В городах ею пользуются столовые и рестораны для перевозки продуктов. Деревенский люд метко окрестил необычную машину «каблуком», и ездит на этом «каблуке» молодой директор совхоза «Белозерский» Алексей Александрович Шутов.

Наслышанный о моем отъезде, он прижал машину к обочине и остановился попрощаться. Оставил руль, вышел из кабины в простеньком, на вид мальчишеском, костюме и резиновых сапогах-броднях с загнутыми дважды верхами широких голенищ.

Хотя он и улыбнулся, протягивая мне руку, но видно было, что на душе у него скверно: думал о чем-то неприятном и тяжелом и даже улыбкой не согнал с лица той самой думы.

— Ну как, переправили комбайн-то? — спросил я.

— Переправили... Да что толку? — и махнул рукой.

У совхоза в этом году за Андозером, на землях деревни Веромень, давно всеми оставленной, а два года назад подчистую сгоревшей, шестьдесят гектаров ржи. А дороги туда — никакой. В нынешнее, на редкость дождливое лето (весь июль и половину августа один за другим обрушивались небывалой силы и продолжительности ливни!) — тем более. Думали, думали и решили забросить комбайн в Веромень через озеро. Купили два железных понтона, соорудили паром, загодя построили на том и другом берегу причалы — комбайн ведь не корова, по трапу не заведешь. Спешили, отрывали на эти работы людей с силосования: только бы успеть, не опоздать к уборке. Затратили на это дело почти тридцать тысяч рублей... Тридцать тысяч только на то, чтобы подогнать комбайн к полю! Зато успели. Комбайн теперь на том берегу. А рожь все еще стояла неспелая, зерно в колосьях было совсем мягким... Почти на двадцать дней запаздывала жатва.

Неужели и опять обманет небесная канцелярия? И все-таки теплилась в душе надежда: должен быть конец этой напасти!

Хлеб не поспевает — ладно. Но ведь и сена пока нет. Все, что скошено, пошло на силос. Выдался как-то денек — навалились всем скопом на самолучшие травы (нарочно оставляли на сено), да не тут-то было. Ночью опять ударил дождь на четверо суток. Потом сметали траву в зароды, по старому крестьянскому способу делая прокладки из жердей, чтобы продувало... Что это за сено? Если не сгорит окончательно в зародах, сгодится, конечно, и такое. Не солому же завозить опять с юга. Но планируемых привесов на таком сене, ясно, не получить (совхоз специализируется на откорме бычков на мясо), а если и зерна не собрать...

Да, было над чем задуматься молодому директору совхоза. Всего год, как принял он это хозяйство. Зоотехник по образованию, Алексей Александрович увлеченно, с молодым задором работал по специальности в колхозе имени Ленина под началом опытного и авторитетного ныне председателя Л. М. Богданова и, ясно же, не собирался оставлять свое место. Но в райкоме сказали: «Надо». Честно признаться, не хотелось, да и страшновато было: такое огромное хозяйство! А кроме того, бездорожье, разбросанность деревень и животноводческих построек, нехватка специалистов...

Заверили: «Поможем!» И в райкоме, и в сельхозуправлении, и в тресте. Совхоз специализированный, подчинение двойное: и тресту, и району. Теперь-то он знает, что оно означает на деле, такое подчинение... Просишь какой-нибудь помощи у района, говорят: «Обращайся в Вологду, в трест, к Кужману». В трест обра́тишься — отвечают: «Решай этот вопрос в районе». Потому, наверное, он и ездит до сих пор на «каблуке»... По таким-то дорогам!

Зачастую бывает так: надо прихватить с собой специалиста. Не посадишь же его в этот ящик — задохнется. Приходится высаживать шофера, самому браться за руль, чтобы освободить место в кабине для пассажира.

— Помогли бы вы нам с машиной-то... О других уж нуждах молчу!..— говорит мне на прощание А. А. Шутов.

— А как? К кому обратиться?

— Может, Кужману позвонить...— раздумчиво говорит он.— Нет, Кужману не надо... Знает... А впрочем, может, и не знает. Привез меня сюда — и больше

не бывал. Наверняка, встретимся — не узнает... Вы в Москве земляку нашему позвоните. Очень, говорят, отзывчивый человек...

— Но он же совсем другими делами ведает...— сомневаюсь я.

— Все равно, позвоните... А то ведь я... Вы знаете, я ведь заявление об освобождении подавал.

— Да ну, Алексей Александрович...— Я начал что-то бормотать — нужных слов не находилось. Лишь потом, когда он уехал, пришла утешительная мысль: «Не может быть, Алексей Александрович, что трест ваш настолько немощен и хил, что не сможет выделить вам машины. Особенно сейчас, когда партия и правительство подъем Нечерноземья считают одной из главных и неотложных задач, стоящих перед народом, перед страной».

Июнь — август 1978 г.

Вологодская область

ПРОФЕССИЯ — БРИГАДИР

Помню, сразу после организации колхоза в нашей деревушке батьку моего избрали бригадиром. Был он не ахти каким грамотеем, а с должностью все же справлялся, и, кажется, неплохо. Главная его забота состояла в том, чтобы утром не проспать, вовремя разбудить мужиков да баб и дать наиболее подходящий в соответствии с погодой наряд на работу, а вечером обмерить саженью выкошенные луга или сжатые полосы и проставить в трудовых книжках «палочки». И организация труда и учет — все было в ту пору в колхозе элементарным. Одним словом, бригадиру не так важно было иметь знания, как подлинней да порезвей ноги, чтобы везде поспеть самому, а еще позычней голос, чтобы от одних «отбрехаться», а других, как говорится, «взять на бога», пристрожить. Эти качества и ставились превыше всего, когда решался вопрос, кому быть бригадиром.

Теперь иное дело. Теперь для бригадира этих качеств совершенно недостаточно хотя бы уже потому, что нынешнюю бригаду, имей хоть того длинней ноги, за день не обежишь, а руганью трактор или комбайн все равно с места не сдвинешь. Да и дел у нынешних бригадиров неизмеримо больше. А заботы у них порой такие, какие первым бригадирам даже и не снились! Те и слышать не слышали, например, о самоходном комбайне, о молокопроводе, о минеральных удобрениях, о гербицидах, о хозрасчете.

Наши колхозные вожаки давно уже не наивные подростки, какими были в тридцатых годах, — у них сейчас минимум среднее, а у многих и высшее образование. Значительно меньше стало людей в колхозах, и это в общем-то закономерно, но зато какая техника

пришла на помощь! Роль каждого человека в связи с этим неизмеримо выросла. Раньше, бывало, загуляет пахарь Иванов — простаивает всего лишь одна «лошадиная сила», а теперь, если на работу не выйдет тракторист,— простаивает уже полсотни, а то и больше «лошадиных сил». Выходит, у тракториста Петрова сознание должно быть в пятьдесят раз выше, чем у того Иванова, что пахал на лошадке. А кто должен воспитывать в Петрове это сознание, эту ответственность? В числе других и бригадир. А может быть, даже в первую очередь бригадир, потому что он с этим Петровым с глазу на глаз каждый день!

Механизаторы — главная сила в бригаде, сердце бригады, ее мотор. И заводят этот «мотор», как правило, сами бригадиры, поручив остальные дела помощникам (в некоторых колхозах их называют учетчиками). Да и невозможно одному человеку доглядеть за всем, что делается в бригаде, когда в ней десяток, а то и полтора десятка деревень и до 1.500 гектаров пашни (для наших, северных, колхозов это очень много!). Такие именно бригады, например, у Г. А. Кадыкова (колхоз «Шексна»), первым среди вологодских бригадиров удостоившегося звания Героя Социалистического Труда, и у В. И. Смирнова (колхоз им. Кирова). До 1950 года на земле, занимаемой сейчас бригадой Смирнова, было шесть колхозов!

Могут сказать: ну и что с того, что во главе иных бригад стоят пока что люди не очень грамотные? Зато как они знают землю! Зато какие они практики!

Все это верно. Но я должен сказать, что есть практики и практики! Иной «практик» в своем огороде ничего, кроме лопухов, не может вырастить, а ему тысяча гектаров колхозной земли доверена. Он у себя в избе не может распорядиться, а ему надо наводить порядок в целой бригаде.

Довелось мне однажды вместе с кассиром колхоза «Родина» Белозерского района приехать в одну из бригад для выдачи месячной зарплаты колхозникам. Простое, казалось бы, дело: подходи по одному, расписывайся, получай. И все-таки, совершенно неожиданно для меня, простое дело это закончилось криками, бранью, слезами. Колхозницы, не пропустившие ни одного рабочего дня, вдруг увидели, что заработали меньше, чем какая-то гостеприимная для бригадира

кумушка, явно отлынивавшая от работы. Как тут было не возмутиться!

Председатель потом объяснял мне, вздыхая:

— Все дело в бригадире. Плохо ведет учет. Запишет цифры на какой-нибудь бумажке, а она ребятишкам под руку попадется, они на ней картинку нарисуют, а может, и разорвут. Бригадир хвать-похвать в конце месяца, а ее и след простыл! Что ему делать? Приходится списывать с потолка...

Читатель удивится: «Но почему не заменить такого бригадира?» В том-то и дело, что заменить его зачастую некем. Может быть, это явление чисто местное, вологодское, но председатель колхоза «Заря» Шекснинского района Д. М. Кузовлев рассказал мне, что он одного бригадира снимал с должности пять раз и пять раз кланялся ему в ноги, потому что те, кого ставил вместо него, были вообще не способны к руководству. Все, кто хоть мало-мальски казался подходящим, были испробованы на этой должности и сняты. А впрочем, все ли?

Мне рассказывали недавно, что в совхозе «Биряковский» Сокольского района директор совхоза решительно отказался от «услуг» бригадиров, подобных тем, о которых речь шла выше, и смело выдвинул вместо них женщин. И что бы вы думали? Эксперимент удался на славу! Дела в совхозе пошли заметно лучше уже только из-за того, что был положен конец пьянству, припискам, разболтанности. Думаю, что над этим фактом стоит задуматься и другим руководителям хозяйств.

Настало время бригадиров не просто подбирать, но специально готовить по всем предметам, как профессионалов.

Конечно, было бы куда как хорошо видеть на бригадирских должностях расторопных специалистов — агрономов, зоотехников, экономистов, механизаторов со средним образованием. Но, во-первых, в колхозах пока их мало, а во-вторых, не всякий специалист, как и не всякий практик, может быть бригадиром. Тут, кроме знаний, нужны еще и незаурядные организаторские способности.

Бригадиров-специалистов в колхозах и совхозах Вологодской области пока лишь 75 из 2485. А между тем, кроме молочного института, готовящего агроно-

мов и зоотехников высшей квалификации, в области имеется четыре техникума, выпускающих ежегодно около 600 специалистов. Спрашивается, где же они, выпускники этих техникумов?

Многие из них не прижились в деревне из-за низкой заработной платы (она действительно была низка) и плохих культурно-бытовых условий. Сыграли тут свою роль и другие обстоятельства. Хозяйства мало еще посылают людей в техникумы, институты вот так целенаправленно: иди учись на бригадира. А у людей, планирующих учебный процесс, крепко засело в голове старое представление о бригадирах, которых-де нет необходимости воспитывать специально, поскольку они, как грибы, родятся сами. Готовят только технологов, мало дают учащимся знаний по экономике и организации производства, без чего бригадиру не обойтись.

Молодых бригадиров у нас вообще мало. В Вологодском районе, примыкающем непосредственно к областному центру, только пятеро бригадиров из 186 моложе 25 лет. Ребята, закончившие школу и оставшиеся в родных колхозах, как мне рассказали в райкоме, работать на этой должности не хотят. Да и не удивительно: примеров, достойных подражания, они зачастую не видят, а подлинную суть бригадирской работы, нелегкой, но зато разнообразной, увлекательной, почетной, никто перед ними не раскрывает. Многое в этом направлении могла бы сделать школа. Но и она ничего пока не делает. Стоило бы, право же, выделить какое-то время в учебных программах для ознакомления ребят с обязанностями бригадира и его ролью в крупном коллективном хозяйстве.

Колхозам в ближайшие годы придется работать с имеющимися кадрами. Не собираюсь утверждать, что среди них нет хороших организаторов, но в массе своей этих людей для пользы дела все же неплохо бы подучить, да по-настоящему. Интересен, по-моему, опыт Шекснинского района. Здесь решили предоставить в распоряжение бригадиров на время учебы межколхозный дом отдыха, расположенный в райцентре. В прошлом году за два потока прошли курсы почти все руководители крупных комплексных бригад, в эту зиму тут будут учиться и отдыхать еще более шестидесяти бригадиров и учетчиков.

Бригадиры — то звено в руководстве колхозами, которому при всех обстоятельствах следует действовать, организовывать действия людей. От того, насколько умело это делается, зависит почти целиком выполнение коллективных замыслов и решений. Поэтому, думается, стоит заняться проблемой «среднего звена» и в местном, и в государственном масштабе.

1970 г.

ГЛАВНОЕ — ЗАСЛУЖИТЬ ДОВЕРИЕ

ОЧЕРК

Знал я разбитного деревенского мальчишку Колю К. В ту весну, когда я жил у него в доме, он закончил шесть классов и, надо сказать, не блестяще — с троечками в основном, кроме математики да физкультуры, по которым он получил четыре и пять. Помню, как отец Коли, уже немолодой инвалид войны, огорченный слабыми оценками сына, сказал:

— Ой, Колька, Колька! Спохватишься ужо, да поздно будет. Все ребята в город уедут, а ты, дурачок. так и останешься в деревне.

— И пусть! — дерзко ответил Коля. И не было в его ответе ни страха за себя, ни раскаяния, ни зависти к тем ребятам, которые поедут в город. Ему, как мне показалось, было даже радостно от того, что он и после седьмого класса останется дома и будет так же лихо гонять мерина Люшку. На Люшке Коля готов был делать любую работу: возить навоз со двора, боронить, трамбовать силосную массу в яме, сгребать сено, усевшись на высоком, пружинящем сиденьи конных грабель.

Нравились ему и тракторы. И он не раз уже сиживал рядом с трактористом и прекрасно знал, как переключать скорости.

Да мало ли интересных дел в деревне! Одна рыбалка на Светлом чего стоит! А сколько радости, когда грибы пойдут! Особенно белые! Или рыжики... Ничего он, батька, не понимает. И учительница — тоже. Чуть что: «Не выйдет из тебя, Николай, путного человека. Прямая тебе дорога в колхоз!»

Коля без особенной горечи рассказывал об упреках учительницы: пугает, мол, а ему ни капельки не

страшно. Да и чего ему было бояться! Он, в отличие от учительницы и отца, совершенно не знал тех трудных лет, которые хорошо помнили они, и память эта не давала им, видимо, от души порадоваться происшедшим переменам, поверить в будущее. Отсюда и такие советы Коле: хочешь себе добра — учись хорошенько и уматывай куда-нибудь подальше...

Коля, как я уже сказал, всерьез этих советов не принимал, кое-кто из его дружков — тоже, но многие другие ребята и в самом деле после таких разговоров побаивались родной деревни и думали только о том, как бы уехать из нее. Куда — все равно, лишь бы уехать.

И захотелось мне для всех этих ребят, а заодно и для их родителей, рассказать об одной вологодской деревне, в облике которой, мне кажется, уже теперь проглядывает будущее наших деревень.

* * *

Называется эта деревня Огарково. Старое-престарое название. И до тех пор, пока деревня и сама оставалась старой, с редкими, подгнившими и покосившимися избами, название это не вызывало никаких возражений. Огарково и есть. Теперь же... Впрочем, судите сами.

Вы приехали сюда на автобусе. Кондуктор сказал: «Огарково», и вы спрыгнули на асфальт шоссе. Автобус отошел, и перед вами слева открылось огромное белое здание, а за ним — крыши многоквартирных жилых домов. Белое здание — это клуб. А на втором этаже разместилось правление колхоза «Родина» с малым залом для заседаний, с кабинетами-лабораториями для специалистов, с комнатами для бухгалтерии и прочих служб. Здесь же библиотека с читальным залом, комната бытового обслуживания и парикмахерская.

Не будем ходить по всему зданию. Заглянем только в нижний этаж, в клуб. В зале — аккуратные ряды откидных кресел, красивый занавес, а в вестибюле, просторном и светлом, вдоль всей внутренней стены — яркое красочное панно, искусно выполненное по народным мотивам профессиональными художниками.

Михаил Григорьевич Лобытов — председатель кол-

хоза «Родина» денег на роспись не пожалел, хотя в общем-то и слывет человеком прижимистым. Он, видимо, понимал, что красота, уют, а значит, и хорошее настроение — дороже.

Новая деревня Огарково начинается в трехстах метрах от шоссе, куда тоже проложен асфальт. Начинается она четырьмя многоквартирными домами. В них пятьдесят шесть семей. В прежнее время тут двумя посадами вытянулась бы немаленькая улица в пятьдесят шесть бревенчатых изб, подобных тем, что стоят чуть подальше. Кстати, с них и началось лет десять тому назад новое Огарково.

Тогда колхоз «Родина» был, как и многие другие, еще не богат, и у его председателя М. Г. Лобытова — вчерашнего председателя Вологодского райисполкома в достатке было только энтузиазма да еще мечты, фантазии. Мечты он решил приберечь для лучших времен, а энтузиазм направил на строительство вот этих изб в надежде, что пустовать они не будут. Так оно и вышло.

Сейчас два конца одной и той же улицы — избяной, одноэтажный и кирпичный, двухэтажный — являют собой как бы наглядную диаграмму роста экономики колхоза. Но самое отрадное в том, что кирпичный конец улицы еще далеко не завершен: к четырем его домам скоро пристроятся еще четыре таких же, а чуть в сторонке — встанут школа-десятилетка, детсад и больница на 25 коек!

Ближе к клубу стоит еще один кирпичный двухэтажный дом, вернее, коттедж на две квартиры. Построен он был как пробный раньше, чем эти многоквартирные дома. Одну из квартир занимает семья лучшего в колхозе комбайнера Владимира Петрова. Квартира неплохая: внизу кухня, столовая, вверху — три комнаты, и Петрову она нравится. Но М. Г. Лобытов считает, что выгодней все же строить дома в два этажа. Двухэтажные дома (не выше!) наиболее подходящи для нового поселка: в этом случае вполне достаточно подвального помещения, чтобы каждой семье выделить не очень тесную кладовую. Со второго этажа не так уж трудно спуститься вниз с пойлом для коровы. Кстати, для скота и для хранения сена на приличном расстоянии от домов построено особое помещение — все шестнадцать коров под одной крышей.

Огород тоже рядом, и тоже коллективный, за одним забором. Чтобы он не был слишком большим, для картошки выделены участки в поле. В огородах — только овощи и ягодные кусты.

Давайте заглянем хотя бы в одну квартиру, вот в эту, например, на втором этаже.

Дверь открывает хозяйка Надежда Витальевна Корягина. Сама она работает в животноводстве, а ее муж Валентин Павлович — шофер. Мы еще не знаем, сколько они зарабатывают, но, окинув взглядом одну из двух комнат, догадываемся: зарабатывают неплохо. В комнате вполне современная мебель: буфет, шифоньер, кровать-диван, стулья... В переднем углу — телевизор «Рубин», на стене большой ковер. Как это не похоже на обстановку прежних крестьянских изб!

М. Г. Лобытов по этому поводу рассказал мне:

— Если раньше, когда я сюда пришел, люди свою бедность напоказ выставляли — вот-де, мол, до чего дожили! — то теперь наоборот, бедности стыдятся. И в самом деле, теперь только у самого беспутного нет в доме приличной обстановки. Почти каждый, переезжая в новую квартиру, выбрасывает весь старый хлам и покупает новую мебель, минимум на семьсот и даже на тысячу рублей. Сбережения на этот случай есть у всех. Да и не только на этот случай. Володя Петров вон даже «Волгу» купил!

Да, Владимир Петров стал первым в «Родине» владельцем личной машины. Машины — не какого-нибудь тарантаса, на котором ездил в этих местах до революции барин!

Володя еще молод, ему около тридцати, у него веселый характер. На мой вопрос, для чего он купил «Волгу», ответил:

— Для того, чтобы и все остальные думали о машине.

Это была, конечно, шутка, однако шутка не без смысла. Дело в том, что кое-кто буквально ахнул от удивления, узнав о покупке, а кое-кто, наверно, и позавидовал... А Владимир своей шуткой хотел сказать, что ни для удивления, ни для зависти причин нет. Разве он плохо работал? Много гулял?

Ни единой поломки за весь сезон, ни одного часа простоя из-за неисправности комбайна — вот как он работал! Владимир Петров может сидеть за рулем трактора, но больше всего любит комбайн. Не потому, что на нем легче работать — скорей наоборот,— а потому, что очень уж веселую и очень уж весомую работу он выполняет: убирает хлеб! А к хлебу у В. Петрова — особое уважение: хлеб — это жизнь! Вот и выходит, что убирать хлеб — это творить жизнь! Сколько уж лет подряд занят он этой работой, а она все равно не буднем к нему, а праздником!

— Привык уж, казалось бы,— рассказывал сам Владимир.— Чего волноваться? А все равно — как тронусь в поле,— волнуюсь. Как-то пойдет дело? Не подведет ли машина? И чем гуще хлеба — тем больше азарта. И никакой усталости не чувствую тогда! Жаль, что площадей в бригаде маловато: шестьсот гектаров на три комбайна. Успел только двести пятьдесят смахнуть — и убирать больше нечего.

«Только двести пятьдесят...» — сказал Владимир. А я представил себе это полюшко-поле и женщин с серпами на нем... Ах, сколько пришлось бы им понагибаться, чтобы сжать, связать хлеб в снопы, уложить в суслоны! Нет, не маленькую работу сделал ты, Владимир, катайся на «Волге» — ты это заслужил, как заслужил и вполне комфортабельную квартиру, которую тебе построил колхоз.

Первое мое знакомство с М. Г. Лобытовым состоялось ранней весной 1964 года. Клуб тогда еще строился, и правление колхоза размещалось в обычной избе в деревне Погорелово. До начала партийного собрания, на которое мы приехали тогда с секретарем Вологодского райкома партии В. А. Грибановым, оставалось еще более часа, и между нами сама собой завязалась беседа.

Михаил Григорьевич, посетовав на то, что строительство клуба затянулось, тем не менее с уверенностью сказал:

— Здесь, между Огарковым и Погореловым, мы построим новое село — хозяйственный центр колхоза, сселим сюда более двадцати деревень. Жить так, как

мы жили до сих пор,— мелкими деревушками и хуторами — значит, никогда не выбраться из нищеты и темноты. А о стирании граней между городом и деревней в этом случае и говорить нечего. В новом поселке, или, точнее, в агрогороде, люди будут чувствовать себя именно как в городе: в квартирах— все удобства, рядом — прекрасный клуб, столовая, баня. Мы землю обрабатываем сообща, а значит, и жить должны вместе. Это выгодно со всех точек зрения, в том числе и с точки зрения организации производства. Вот пример. Есть у нас сенокос на Присухонской низине. Наступает время косить, жили бы все в одном месте — раз! Машины подал — и двинул туда полсотни человек.

Я перебил:

— Говорят, что у вас нет недостатка в рабочей силе?

— Да, людей у нас хватает,— ответил Михаил Григорьевич.— В три, четыре раза больше, чем их было в 1954 году...

— Интересно, откуда пришли к вам люди?

— Отовсюду. В том числе и из города. Недавно приняли, например, шофера с автобазы... А почему бы и не прийти людям из города? Ведь иной приткнулся там, а у него, бедного, ни квартиры, ни заработка. И хоть числится он городским, а душа-то его в деревне. Ему и сны деревенские снятся: то сенокос, то жатва. Да и труд деревенский более здоровый, более интересный и, я бы сказал, более творческий, поскольку он разнообразный.

— Ну... — возразил я.— Скажите-ка это рабочему — он будет спорить. Творить можно и на заводе.

— Да, это так. Но рабочий у станка, а крестьянин — в поле. Станок — он всегда станок, серый, гудящий. А поле каждый день выглядит по-новому. Особенно весной. Вчера оно пластами дымилось, а сегодня зеленеет проклюнувшимися всходами. Вчера луг только-только зеленеть начинал, а сегодня весь в цветах. Все это радует человека, наполняет душу здоровым ощущением жизни: он ведь и сам частица природы... И вот когда ему, ушедшему из деревни во времена, всем нам памятные, и не очень-то устроившему свою жизнь в городе, вдруг становится известно, что в «Родине» можно неплохо заработать да

еще и квартиру получить, он, не задумываясь, приходит к нам. А мы уже и не берем... Правда, прораба-строителя взяли бы... Уверены, что и такой человек к нам придет.

Я сказал, что это происходит, видимо, потому, что колхоз расположен недалеко от города, да притом еще и шоссейной дорогой связан с ним.

— Нет, не только поэтому,— ответил Михаил Григорьевич.— Ведь и раньше город стоял на том же месте, и дорога была, местные люди почти все уехали. Когда я пришел сюда, тут было всего сорок мужчин... — И с уверенностью заключил: — Главное — в условиях жизни! Ну и конечно, ближе к городу — не хуже.

Прошло три года после этого разговора. Многое из того, о чем М. Г. Лобытов только мечтал, стало явью. Рядом с пятью двухэтажными домами поднялись кирпичные здания столовой, бани, котельной. У клуба разбит парк, высажены деревья. Началось строительство многоквартирных домов и на втором участке, в Харычево.

Построен механизированный скотный двор, в котором в четыре ряда разместились двести коров, и все работы: доение, раздача кормов, уборка навоза — механизированы. Доярки переходят на двухсменную работу.

К новому двору, как, впрочем, и ко всем другим хозяйственным постройкам, проложены бетонированные подъездные пути.

В «Родину» часто приезжают делегации из соседних районов поучиться опыту жилищно-бытового и хозяйственного строительства. Едут и по предварительной договоренности, и стихийно. Побывали здесь и бригадиры, обучающиеся на трехмесячных и шестимесячных курсах в учхозе «Молочное». Вслед за ними нагрянули председатели колхозов — участники областного семинара, а потом и секретари райкомов с начальниками производственных управлений. И всем Михаил Григорьевич говорит одно:

— Смелее начинайте сселение мелких деревень в хозяйственные центры. Смелее беритесь за строительство. Не беспокойтесь: хорошие квартиры пустовать не будут. Я, по крайней мере, такого случая не знаю.

И это вполне понятно. Даже скворцы в первую очередь думают о скворешнях, а потом уж о песнях.

И вслед за этим он предупреждает, что с бухты-барахты начинать строительство и сселение нельзя. Нужно все обдумать, взвесить, а потом уж решить, куда сселяться, какие дома строить. Тут все будет зависеть от местных условий и возможностей. Надо не забывать, что в крупных хозяйственных центрах сосредоточатся не только люди, но и скот. Значит, необходимо подсчитать, хватит ли пастбищ. Если нет, то надо заложить культурные пастбища. Так именно поступили они. В Огарково, например, сформировались три крупных стада, одних коров четыреста. Много травы надо, чтобы их прокормить. Естественных пастбищ, конечно, не хватит. И колхоз в прошлое лето заложил три культурных пастбища общей площадью около 400 гектаров, включив в них 60 гектаров пашни. Пастбища подкормили минеральными удобрениями, подсеяли травы, в том числе овсяницу луговую, семена которой завезли из Рязани.

— Надо учесть и расположение полей вокруг хозяйственного центра,— советует далее Михаил Григорьевич.— Возить навоз за десять километров, конечно, будет невыгодно. Мы эту проблему решаем так. Дальние поля клеверим, подкармливаем их минеральными удобрениями. Зато ближние поля хорошо заправляем навозом, торфонавозными компостами с таким расчетом, чтобы с этих полей получать не по 6—7 центнеров с гектара — это средний урожай по области, а по двадцать и более центнеров. Недавно я читал, что Польша планирует уже в среднем по стране собрать урожай двадцать центнеров с гектара. А что, разве наши земли хуже?..

Должен сообщить читателям, что в колхозе «Родина» я, что называется, свой человек, потому что вот уже три года состою здесь на партийном учете. Приезжаю я сюда и на собрания, и просто так, чтобы подышать деревенским воздухом, захватив на всякий случай с собой записную книжку. Конечно же, не мог не приехать сюда и на празднование Дня работников сельского хозяйства. Скажу сразу: по душе пришелся он колхозникам. Праздник этот они восприняли как дань уважения хлеборобам от всего народа, от всей страны. И приняли ее с достоинством,

как должное: давно, мол, следовало! Чать, не веревки вьем, хлеб растим! А хлеб — всему голова!

В клуб являлись в самых лучших одеждах, приветливо пожимали друг другу руки: «С праздником!» — «И вас тоже!»

Четыреста мест в зале — и ни одного свободного, хотя подростков всех отправили на улицу. Уселись — плечом к плечу. Руки на коленях, цветастые платки на плечи откинуты. Залюбуешься! Сила-то какая! Вот бы во все колхозы такую... А в президиуме лучшие из лучших. На отворотах пиджаков, на кофточках — ордена да медали сверкают. У доярки Фелицаты Александровны Румянцевой даже орден Ленина. У самого председателя — Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Вот он вышел на трибуну. Праздник — праздником, а о делах потолковать надо: поблагодарить людей за сделанное,— а сделано много, очень много! — рассказать, что предстоит сделать впереди. А уж тут не упомянуть доярок да льноводов никак нельзя.

— Хороший мы ленок вырастили в этом году! Давайте же и продадим его хорошо. А для этого надо любовно его отсортировать, не так, как это сделала новая наша колхозница Дьякова. Кое-как навязала снопиков, напутала: «У меня все готово!» А на завод свезли — номер-то вышел один двадцать пять... Тогда как все остальные ленок с этого поля сдают вторым номером. Вот тебе и «все готово!» И сама себя обидела, и колхозу недодала. Прошу вас запомнить, товарищи, что если мы ленок наш сдадим не вторым номером, а только полуторным, уже недополучим восемьдесят четыре тысячи рублей!

Цифр он называет много, и все они у него в памяти. Без цифр председателю нельзя никак: не видно, как оно, дело-то, движется — вверх, вниз или по прямой.

Напоследок приберег самое приятное.

— Товарищи! Правление колхоза и партком в связи с таким большим праздником решили отметить лучших людей нашего коллектива — присвоить им звание «Почетный колхозник». Кому именно? Рядовым колхозникам И. Д. Ворукину, А. И. Маничеву, А. Ф. Капралову, бригадиру Н. И. Никитину, доярке Ф. А. Румянцевой, трактористам Л. А. Кустову и

А. И. Дугинову, льноводке А. А. Варталовой и старейшему колхознику А. Д. Седунову.

Рассказывать об этих людях нет надобности: вы хорошо их знаете.— И зал подтвердил это согласным рукоплесканием.

А потом они один за другим поднимались на сцену и под щедрые хлопки всего зала принимали из рук председателя грамоты, свидетельствующие о столь радостном событии в их жизни.

Эти самоотверженные труженики и сотни других, сидящих в зале, сделали свой колхоз таким, каков он есть сегодня. Но скажи им об этом, они тут же добавят: «И наш председатель!»

На состоявшемся недавно отчетном собрании колхозной парторганизации пожилая колхозница Павла Аполлоновна Смирнова сказала:

— Знаю, что Михаил Григорьевич не любит, когда его хвалят: «Что, мол, вы меня одного... Все вместе работали». Верно, все вместе. И все-таки спасибо ему! Много руководителей мы перевидели.

Лобытов пришел в колхоз в 1953 году, после сентябрьского Пленума ЦК КПСС, после памятного всем сентябрьского Пленума, когда многие ошибки в руководстве колхозами были вскрыты и устранены. Многие... Но это не значит, что пришедшим тогда председателям все давалось легко. Инерция старого стиля руководства все еще давала себя знать.

Запомнилось Михаилу Григорьевичу, как уполномоченный с мандатом «выколачивал» из колхоза картошку.

Нет, не легко еще было работать председателям колхозов, очень бедны были хозяйства, а люди — точнее, наиболее трудоспособная часть деревенского населения — ушли, а у оставшихся вера в успех была основательно поколеблена. Этим председателям, думается мне, было отнюдь не легче, чем тем, самым первым, избранным при организации колхозов. Немногие выстояли, но тем бóльшая хвала им!

Я далек от мысли приписывать успехи колхоза «Родина» только одному М. Г. Лобытову, и все-таки в этих успехах огромная роль принадлежит ему. В колхозе, как и в семье, всему делу голова хозяин. Без хозяина — дом сирота,— это народом подмечено давно.

Как-то по этому поводу довелось мне разговаривать с В. А. Грибановым. Он, немало лет проработавший в сельских райкомах и поэтому хорошо знающий суть председательской работы, сказал:

— Более трудной должности, чем должность председателя, я не знаю.

Между прочим, понимают это и сами колхозники и потому, наверно, все строже, все придирчивее относятся к каждой новой кандидатуре на этот пост. На одном колхозном собрании, которое решало быть или не быть председателем некоему Николаю Алексеевичу, из зала вдруг донеслось:

— Николай Алексеевич!— говорила пожилая колхозница.— А не велик хомут-то надеваешь? Ведь если велик окажется, живо шею натрешь...

Колхозница очень образно и точно определила значение председательской должности. И в самом деле, коли хомут натрет шею, воз далеко не увезешь, тем более что дорога еще не такая уж ровная, а воз, как правило, большой и не очень хорошо уложенный.

М. Г. Лобытов свой воз везет уже тринадцать лет. И можно сказать, что ухабистую дорогу он миновал, под колесами его воза если не асфальт, то хорошая грейдерная дорога.

Желая понять «секрет» успехов Михаила Григорьевича, я как-то спросил его, что все-таки главное в работе председателя.

— Главное,— не задумываясь ответил он,— заслужить у народа доверие. Что пообещал — сделай. Стоит раз обмануть — и все твои призывы, все обещания потеряют силу...— Помолчал и в раздумье добавил:

— И еще надо иметь трезвую голову. У многих дело не пошло только из-за пьянства. А там, где пьянство, там и кумовство. Я за все эти годы ни в одном доме рюмки не выпил. Это знают все.

Для меня, признаюсь, все это не было открытием: мне и раньше доводилось убеждаться, что нового председателя народ принимает отнюдь не сразу, во всяком случае, не тотчас после голосования и его заверений «отдать все силы» на благо колхоза, чтобы оправдать оказанное ему доверие.

Да, подняв руки за нового председателя, люди доверие ему оказали. Но это еще не то доверие, с которым можно «брать города». То, настоящее доверие,

просто так, «за красивые глазки», не выдается, оно оплачивается, что называется, потом и кровью, трудом, бескорыстием.

В. А. Грибанов по этому поводу сказал так:

— Если люди убедятся, что избранный ими председатель принялся за дело всерьез, что у него нет никаких других интересов, кроме интересов колхоза, что он не пропьет колхозных денег и не растранжирит — они сделают все!

В Лобытове колхозники видят именно такого председателя.

Есть у М. Г. Лобытова и еще ряд заповедей, обязательных, по его мнению, для руководителя хозяйства. Одна из них: руководитель современного крупного колхоза не должен все брать на себя, потому что один человек всего сделать не в состоянии — слишком велико хозяйство. Председатель должен доверять каждому на своем участке работы, никого не подменять, ничью инициативу не сковывать, особенно бригадиров и специалистов.

— Агрономы и зоотехники,— говорит Михаил Григорьевич,— это наши инженеры. Их расчеты и рекомендации, основанные на последних достижениях науки и практики,— закон для всех, в том числе и для председателя. Руководитель колхоза должен прислушиваться к советам специалистов и создавать все необходимые условия для претворения их рекомендаций в жизнь.

Сам М. Г. Лобытов так и поступает — в этом я не раз убеждался на деле. И, может быть, «секрет» успехов колхоза «Родина» как раз в том и состоит.

Наблюдал я и еще одну особенность в стиле работы Михаила Григорьевича. В решении производственных проблем он из многих возможностей всегда стремится выбрать наиболее выгодную, хотя она, может быть, и противоречит установившейся традиции, ломает ее. Впрочем, выбор этот делает даже не М. Г. Лобытов, его делают люди — непосредственные участники производства, а он только узаконивает этот выбор.

На одном бригадном собрании женщины, работавшие в льноводческих звеньях, сильно расшумелись по поводу того, что они по сравнению со звеньевыми за свой труд получили значительно меньше.

— Подумаешь, звеньевые! Что они, больше нашего

спины гнули? Поту больше пролили? — кричали они, перебивая друг друга.

— Но ведь и без звеньевых нельзя,— пытался возразить Михаил Григорьевич.— Они все же отвечают...

— А мы разве не отвечаем? Лен-то в наших руках!

Трудно унять женщин, когда их что-нибудь волнует. И Михаил Григорьевич, уловив, к чему дело клонится, сказал:

— Ну, что же... Давайте тогда посоветуемся, как быть. Без звеньевых будем работать, что ли?

— Зачем без звеньевых...— ответила самая бойкая.— Пусть каждая себе звеньевой будет. Что сделала — то и получи.

— Правильно! — согласились женщины. И он понял, что это у них было решено уже давно.

После, послушав мнение льноводок других бригад, затем специалистов, Михаил Григорьевич пришел к выводу, что надо попробовать.

С тех пор лен в колхозе сеют механизаторы. Они же вместе с агрономами отвечают за качество сева. Одним словом, их забота — вырастить хороший лен. Когда же он поспевает, в свои права вступают льноводки. Каждой из них отмеривается на поле гектар или там полтора — ровно столько, сколько попросила она еще зимой, во время составления плана сева. С начала теребления льна и до того, как отсортированные снопики будут отвезены на завод и проданы (теперь все говорят проданы, а не сданы), заботятся обо льне целиком сами льноводки — каждая о «своем», со «своего» гектара. Бригадирам остается одно: приехать на поле и выдать зарплату. Никого подгонять не нужно: работают все на совесть. Каждая знает: чем выше будет номер ее ленка, тем больше она получит.

Шоферы тоже заинтересованы в высоких номерах доставляемой ими на льнозавод тресты, потому что они получают не с тонно-километра, а с тонно-номера. При такой оплате они, естественно, стараются увезти в первую очередь ленок, который получше.

И вот результат: каждый гектар льна (а колхоз сеял его тогда 315 гектаров) дал 1300 рублей дохода. Чтобы читателю стало понятно, много это или мало, скажу, что иные колхозы не получают и половины этой суммы.

Л. М. Белов — главный агроном колхоза, вернувшись только что с льнозавода, рассказывал:

— Лучше нашего ленка нет ни у кого — без хвастовства! Вчера у Гали Смирновой, а сегодня у Шуры Лукичевой треста двойкой пошла! Галя целый день бегала за мной: «Покажите квитанцию!» Самой не верится... А поглядели бы вы, что из «Рассвета» привезли! Ноль пять им дали... Позор! Я бы с такой трестой и не поехал, и на люди не показался.

— Да, если сдавать лен таким номером, то и сеять его не стоит,— сказал Михаил Григорьевич.

Районные работники по поводу «лобытовского метода» выращивания льна особенно не шумят: дескать, старый, бабушкин метод дергать лен руками. Ведь есть же льнотеребилки! Да и обрабатывать его не сообща, а индивидуально — тоже не в духе времени: противоречит принципу коллективизма.

Однако у М. Г. Лобытова на все эти скептические доводы есть свои, вполне обоснованные, на мой взгляд, возражения. Он считает, что для теребления льна совершенной машины еще не создано. Далее, лен, по мнению Михаила Григорьевича, культура особенная, она и при самой совершенной технике будет требовать человеческих рук, человеческого глаза. На стлище, например, перележит лен один день или день не доле-жит, и он уже многое потеряет в качестве. Поэтому человек ко льну должен спешить не по наряду бригадира, а по велению озабоченного и заинтересованного сердца. И если колхоз добился этого — можно не беспокоиться: лен будет и разостлан вовремя и вовремя поднят со стлищ. А насколько это важно, говорит пословица: «На стлище лен родится второй раз».

Важно еще и то, что при индивидуальной обработке льна в бригадах совершенно неожиданно прибавляется рабочей силы, потому что на свой гектар женщины-льноводки тянут всех, кого можно: и школьников, и отпускников, и даже знакомых, не говоря уже о том, что сами они со временем не считаются. Это и есть то самое чувство единения с землей и ответственности за нее, без которого нет истинного крестьянина.

— Еду однажды мимо «Родины»,— рассказывал мне секретарь райкома.— Темень. Дождь моросит. И вдруг вижу: в стороне от дороги с фонарем кто-то

блуждает. Что за диво?! Подошел — и вдруг ахнул: мужчина в плаще лен расстилает!

— Что так поздно?

— Да вот... баба заставила,— смущаясь, ответил колхозник. А я подумал: «Был бы обезличен лен — его и сам председатель в такую погоду не вытолкал бы...» А мы говорим: рук не хватает! Надо заинтересовать людей — руки найдутся.

* * *

В колхозе «Родина» пошли против традиции и в другом, весьма важном, а в недавнее время очень больном для крестьян вопросе — в заготовке сена для личного скота. Читатели знают, чего только не изобреталось колхозами в этом деле, а запасти сена для своих коров законным путем люди не могли. Колхозный сенокос они справляли, как правило, за десять, а кое-где за пятнадцать процентов от заготовленного для колхоза сена. Но этих «процентов» хватало далеко не всем, особенно одиноким женщинам, инвалидам и престарелым. Косить же «по себе» разрешалось обычно уже тогда, когда трава становилась жухлой, высохшей, пригодной разве только что на подстилку. И все равно косили. А сколько ее, травы-то, невыкошенной осталось! А отсюда суды-пересуды, нескрываемое недовольство. Иные, чтобы не оставаться без корма, а значит, и без коровы, косили воровским путем, но правленцы, отыскав эти спрятанные в глухих уголках стожки (их в шутку называли «спутниками»), обобществляли их.

На мартовском Пленуме ЦК КПСС (1965 г.) этому произволу был положен конец. В решении Пленума черным по белому было записано, что личный скот колхозников должен обеспечиваться кормами. Основываясь на указаниях Пленума, правление колхоза «Родина» вместе с парткомом решили выделить каждому хозяйству, в котором есть корова, по гектару сенокоса, а тем, у кого есть и овцы, добавить еще 0,25 гектара. Для этой цели использовать в первую очередь площади, на которые с косилками ни на тракторе, ни на лошади заехать нельзя: ложбины, балки, луга, заросшие кустарниками. Косить на личных участках разрешить в любое время, только не в рабочее, чтобы

это не было в ущерб общественному сенокосу. За участие в общественном сенокосе платить деньгами, натурой же считать сено, заготовленное на личном участке. Тех, кто будет уклоняться от работы на колхозном лугу, личного участка лишать.

Обосновывая целесообразность такого шага, председатель говорил:

— Как мы ни запрещали косить для своих коров, люди все равно косили, кто где мог и когда мог. Они будут поступать так же и впредь, если мы оставим все по-старому. И мы не сможем остановить всю эту стихию, особенно теперь, когда закон на ее стороне. Своими запрещениями мы только вызываем недовольство у людей, волей-неволей ставим их в унизительное положение, заставляем ловчить, изворачиваться. При выдаче сена «на проценты» многие стремятся прихватить лишнего, и прихватывают, потому что сено выдается «на глазок», никем не взвешивается. Много его разбрасывается под видом овершья.

— И все-таки...— чесали затылки маловеры.— Как бы нам не оставить колхоз без сена! За проценты-то вон как люди бились. Посмотришь — все на лугу: и стар и мал.

— Не бойтесь,— спокойно отвечал председатель.— Люди поймут нас правильно. Да и вообще, если рассуждать так, то надо бояться и за хлеб: его, мол, тоже не уберут вовремя, поскольку «процентов» за уборку урожая не выдается. Однако хлеб, как известно, мы и выращиваем хорошо, и убираем вовремя.

Сейчас сенокос уже позади и можно с удовлетворением сказать, что опасения некоторых товарищей оказались напрасными. Колхоз не только не проиграл от новой системы заготовки кормов, а кое в чем даже выиграл. Во-первых, оказались выкошенными те участки, которые не выкашивались уже много лет, и значит, общий баланс кормов увеличился, во-вторых, заросшие участки в значительной степени оказались расчищенными от кустарников, в-третьих, за счет личных сенокосов расширились площади для расстила льна — а тот, кто занимается льном, знает, насколько это важно.

Ну, а если учесть еще и моральный выигрыш, то станет совершенно ясно, что решение правления колхоза «Родина» было правильным и на этот раз.

* * *

Я рассказал о колхозе «Родина» и его председателе М. Г. Лобытове только наиболее важное, представляющее, на мой взгляд, интерес для других хозяйств с точки зрения опыта. Очень хочется, чтобы рассказ этот прочитали и старый мой знакомый Коля. К., и его отец, и учительница, пугавшая Колю перспективой остаться в колхозе. Их колхоз может стать вровень с «Родиной», и обязательно станет — для этого теперь созданы все условия; надо лишь, чтобы они сами сильно захотели этого и не бежали куда-то в поисках «рая земного», а строили его у себя дома. Впрочем, и в «Родину», пожалуй, съездить можно, чтобы поучиться, а заодно убедиться, что я ничего к тому, что есть, не присочинил.

1966 г.

КТО БЫЛ НА ФРОНТЕ

Во время войны о мужчинах не говорили: «Он на войне». Говорили: «Он на фронте». Это было точнее. Потому что война была везде: в городе и в деревне, на заводе и в поле, в каждом доме и в каждом сердце... Фронт же — только на фронте, где броня на броню, огонь на огонь, грудь на грудь. И похож был фронт на извивающееся чудовище, одним концом упиравшееся в горы южные, другим — в горы северные. На всем его протяжении каждый километр загорожен стволами орудийными, пулеметными, ружейными.

А ведь каждый ствол — это солдат. Мужчина. Чей-то сын. Муж. Отец. Брат.

Не всякий час и не на всяком километре фронта шли бои. Бывало, обессилев вконец, фронт замирал. Оставшиеся в живых рыли поглубже окопы, сооружали блиндажи и землянки...

И завладевала всем этим притихшим, лишь время от времени погромыхивавшим пространством тоска по дому, по земле... Ничего удивительного в этом не было: у миллионов солдат под серой шинелью билось крестьянское сердце.

А что такое солдатская, или, как ее еще называли, окопная тоска?

Это — память... Вспоминалась солдату тропинка во ржи. И видел он на этой тропинке себя — не в шинели, а в белой с расстегнутым воротом рубахе. Летний ветерок играет с рожью, раскачивает ее, не дает застаиваться: рожь цветет... Тонюсенькие-тонюсенькие сережки на колосках ее, кажется, позванивают...

А то вдруг вспомнится солдату весенняя пахота. Податливая, как масло, земля под лемехами, и грачи, с граем перелетающие вслед за ними, и солнце, и прос-

торное небо, и распустившаяся вербушка над зеркалом лужи-снеговицы...

Потом вспомнится (а может, приснится) солдату день и даже час, когда он услышал чей-то вскрик: «Война!» Что он тогда делал? Ах, да, готовил косилку к назначенному дню. Возле кузницы это было, за которой сразу же начиналось клеверное поле. Клевер — ну прямо дурел от распиравшей его силы, распускались фиолетово-розовые маковки, и с каждым дуновением ветерка до кузницы доносился запах меда: недаром вились над клевером пчелы...

Интересно, кто скосил его потом? И вовремя ли? Наверное нет: кузнеца Ивана тоже ведь взяли в армию. И Федора-соседа, и Митьку-сродственника... Эти умели управляться с косилкой, не говоря уж про него. И любо же было выехать в луга росным утром! Стрекочет косилка, мотают головами еще не уставшие кони, звездочками в траве посверкивают капли росы...

Ох, вернуться теперь бы домой — неделю не слез бы с машины!.. И в жару бы косил, и в ночь-полночь... И не устал бы!

А над окопом, в котором, обняв винтовку, солдат предавался воспоминаниям, моросил дождь, пробегали по его спине мурашки. Но на душе было тепло. Тепло от этой сладкой тоски по земле, по работе.

Эта тоска выводила его к горестной мысли о том, что нет для человека ничего несправедливей, противоестественней и трагичней минуты, когда он, оставив плуг в борозде или косу в траве, вынужден бежать к деревне, где уже до неба стоит бабий плач, бабий вопль: «Война!»

...Летят годы. Стареют солдаты Великой Отечественной... Уже самым молодым из них пятьдесят, а иным давно на шестой десяток, а то и поболее. Хватившие военного лиха полной мерой, со шрамами на теле, они, как никто другой, знают цену жизни, умеют радоваться и солнцу, и дождю, и первым ласточкам, и первому снегу, а уж земле, а уж работе на ней — и говорить нечего. Не случайно, наверное, почти у всех у них теперь рядом с боевыми наградами на груди звенят награды за труд.

В праздники ли, будни ли проходят они мимо памятников односельчанам, не пришедшим с войны, останавливаются и невольно вспоминают... Отдают дань

уважения побратимам, павшим за освобождение... Сколько пришлось им освобождать городов!

И не только своих...

Оставшимся в живых досталось взвалить на свои плечи тяжеленную ношу, и они сдюжили под нею!.. Снова отстроены наши города, заводы и фабрики, мосты и электростанции, шумят колосьями хлеба, плодоносят сады...

Не только трудолюбие характерно для ветеранов Великой Отечественной войны. Их отличают еще принципиальность и, если хотите, смелость, когда дело идет о справедливости и чести. Они непримиримы ко всякому злу и, чтобы торжествовало добро, готовы и теперь, что называется, броситься на амбразуру! Настоящих фронтовиков я знаю именно такими! Об одном из них как-то написалось у меня: «Не добром богат он — честью! И какой бы ни был сход, если он, Иван, на месте — веселей глядит народ».

Веселей, потому что знает: этот не промолчит, не спрячется за чью-то спину, если надо будет кого следует вывести на чистую воду.

Ветеранов можно узнать по тому, как сторожко замирают они, когда разговор заходит о войне — где бы она ни была, как бы далеко ни мелькнула тень ее воронова крыла... Они, в отличие от молодых, не из книг и не из кинофильмов знают, что такое война, потому что видели ее в лицо...

Лицо войны страшное. Страшнее самых страшных слов, если даже произнести их все разом.

Поэтому ветераны, как и весь народ, полностью одобряют мирные усилия нашей партии и правительства, лично Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, так много сделавшего для установления доверия между народами и правительствами. И значит, для дела мира во всем мире!

Кому, как не им, ветеранам, знать: дорого обошлись нам и нашей многострадальной земле те четыре черных года... Казалось, разверзлась великая прорва — и день за днем четыре года подряд сыпались в нее с грохотом и ревом, с огнем и дымом, с плачем и стонами и человеческие жизни — миллионами! — и города со всеми улицами и площадями, и села, и деревни, и другие творения рук человеческих в виде автоматов и пушек, танков и самолетов...

И все это было нашей платой за свободу, за право остаться людьми.

Высокой ценой платили мы за нашу Победу. Но тем более дорога она нам теперь! И мы хотим одного — чтобы свет ее вечно сиял над нами!

Мы умеем строить города и плотины, заводы и космические корабли... Но у нас много дел и на пашне. Сейчас сосредоточиваем свои силы на зоне Нечерноземья. Партия и правительство разработали грандиозную, глубоко выверенную программу преобразования, облагораживания земель этой зоны. И не только земель — сел тоже. Всего уклада жизни. И программа эта будет выполнена! Потому что она опирается на нашу окрепшую силу.

Война у нас украла значительно больше, чем 4 раза по 365 дней... Она вырвала из наших рядов миллионы братьев и сестер. Стерла с лица земли сотни городов, тысячи сел...

Не так-то просто заделать подобную брешь даже такому большому кораблю, как наша страна — Союз Советских Социалистических Республик. Для этого нужно время и нужен мир! Пусть война останется для нас, ветеранов, навсегда воспоминанием, а для наших детей и внуков — историей.

С первых послевоенных лет в каждом сельском Совете ведется горестная статистика понесенных утрат, вечной скорби об убиенных — дедах и отцах нынешних пахарей и животноводов, мужьях и сыновьях состарившихся вдов и матерей...

Но, вместе с тем, это и статистика мужества, статистика героизма односельчан, их бесстрашия в боях: Победа добывалась самой дорогой ценой — ценой жизни.

Цифры потерь жителям сел говорят очень и очень много, потому что они для них не безлики: память сохранила не только имена и фамилии убитых, родных и близких, но и облик их, говор, и походку... То и дело можно услышать: «Весь в отца». Это про сына. Или: «Вылитый дед!» Это про внука. Не удивительно, что и внуки знают дедов в лицо: в избах по установившейся издавна традиции висят на стенах поблекшие фотокарточки погибших солдат в одной рамке и под одним стеклом с фотографиями живых. На фотокарточках печать времени — тревожного и грозного — и ощутим

дух сплоченности и патриотизма, готовности к самопожертвованию. Ведь вопрос стоял так: быть или не быть молодому Советскому государству?

В последних числах марта я снова побывал у себя на родине, в лесном и озерном Белозерском краю Вологодской области.

Деревушка, в которой я родился, хотя и стоит, как у нас издавна говорят, на «большой» дороге и до войны была центром сельского Совета, теперь сильно ужалась, как и многие другие деревни, и по той причине утратила свое былое значение, стала окраиной другого, Артюшинского сельского Совета.

Село Артюшино — центр совхоза, названного по имени района — «Белозерский». Лет 15 назад, когда создавался этот специализированный совхоз по откорму крупного рогатого скота, в нем насчитывалось 33 деревни. Сейчас осталось 17, а трудоспособных 236 человек (вместе с управленческим аппаратом). Запомним эту цифру.

В Артюшино — не новый, но достаточно вместительный бревенчатый клуб, а перед фасадом, в заснеженном скверике, памятник воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Мы подошли к памятнику с секретарем парткома совхоза Анатолием Иосифовичем Карпиковым. Я глянул и невольно снял шапку.

— Сколько же их? — спросил почти без голоса.

— Пятьсот... — коротко ответил Карпиков.

500... А сейчас на весь совхоз 236 человек трудоспособных — мужчин и женщин. Мало. Даже если учесть, что заметно поприбавилось техники. Механизаторов-то как раз и не хватает. Да и не диво. 500 убитых молодых солдат — это, считай, 250—300 несостоявшихся семей и, бог знает, сколько неродившихся детей, которым сегодня было бы 30—35 лет. Самый цветущий возраст! Тридцать четыре года прошло, как кончилась война, а народ, а страна до сих пор ощущают последствия ее тяжелых ударов, ее кровавую жатву, после которой пусто и безголосо стало во многих деревнях.

Тем более дорога память о тех, кто защитил эти деревни, леса и поля вокруг них.

Возле крылечка конторы совхоза, еще в упаковке, стоит недавно привезенная из Череповца скульптурная фигура солдата — главная часть памятника землякам,

не пришедшим с войны. Высота фигуры — почти два человеческих роста.

Этот солдат, что летом должен встать перед совхозным клубом, — совсем необычный памятник.

В сорок первом ушел на войну Ваня Малоземов из тихой деревушки Пестово, которая расположена в нескольких километрах от Артюшино. В танковых войсках оказался, машину в бою водил расчетливо и смекалисто, в самых сложных обстоятельствах действовал смело, метко разил цели и был удостоен самой высокой воинской награды — Золотой Звезды Героя. Но выпал последний бой и для Вани Малоземова, и выпал за много дней до окончания войны.

В битве за Сталинград — это была именно битва, а не бой и даже не сражение,— битве, какой не знала от рождения своего старая наша планета,— в этой битве на Волге, у подножия легендарного Мамаева кургана, Иван Малоземов, расстреляв все снаряды, сокрушив броню нескольких немецких машин, бросил потом свой танк на таран и опрокинул, смял еще одну «пантеру», но при этом погиб и сам...

На Мамаевом кургане, слева от той тропы, которая ведет к величественному монументу Матери-Родины, взметнувшей в синее небо свой карающий меч, в ряду других гранитных плит, уложенных над могилами Героев, есть плита, на которой высечено: «Герой Советского Союза лейтенант Иван Малоземов».

Теперь, через 32 года после Победы, люди решили увековечить имя и подвиг своего земляка и на родине. Собрали деньги, заказали скульптурный портрет Героя череповецкому скульптору Шепелкину, оформили заказ на литье из чугуна в одном из цехов Череповецкого металлургического завода. Но металлурги, узнав, что памятник не безликий, что им выпала честь увековечить героя-танкиста, сказали:

— Из стали отольем! Из нержавеющей!

И вот стальной танкист, в котором старые люди легко угадывают знакомые черты земляка, доставлен в село. Скоро он встанет на пьедестале перед совхозным клубом, и люди будут приносить к его ногам полевые цветы с тех лугов, по которым он в детстве бегал босиком.

Парторг Карпиков радовался предстоящему торжеству больше всех. «Вы бы посмотрели, — рассказывал

он мне, — с каким благоговением приходят сюда люди, особенно в День Победы. Наши комсомольцы с утра до вечера несут почетный караул. Какая выправка у ребят, какие одухотворенные лица. Уверен, что торжественные минуты оставляют в их душах неизгладимый след. Ведь мы должны растить не только молодых мастеров своего дела, но и патриотов, верных сынов Родины... Подвиг отцов и дедов в годы Великой Отечественной войны — прекрасный материал для воспитания патриотических и гражданских чувств у молодежи!»

Мне очень понравились эти слова Карпикова.

Без патриотизма, уходящего своими корнями в самые глубинные слои народной истории, выиграть войну было нельзя. Дух великих предков Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова — всех героев и полководцев витал над нашими красными знаменами, когда мы шли в бой. Это я утверждаю как участник обороны Москвы и Сталинграда. Не одни бомбы и снаряды крушили вражеские укрепления, но и наш патриотизм, наша любовь к Отечеству, наше свободолюбие, переданные в наследство предшествующими поколениями.

Парторг совхоза «Белозерский» А. И. Карпиков хорошо понимает свою задачу воспитателя и слова подкрепляет делами.

Долго и терпеливо составлял он вместе с работниками сельского Совета список земляков, погибших на войне. И все-таки список оказался неполным. Да и не диво: жителей в деревнях за послевоенные годы заметно поубавилось, где только сейчас нет выходцев из Артюшинского сельсовета. Приедут иные навестить родину, подойдут к памятнику и... среди 500 имен не найдут своего отца, или брата, или дядьки...

С обидой — вполне справедливой — идут в партком... «Спасибо, что сказали, — благодарит Карпиков. — Обязательно дополним список...»

Долго была не известна судьба одного из участников войны Никандрова Александра Михайловича из деревни Устье. И вдруг — весть: Никандров живет в Омске, работает на заводе... А воевал он в морской пехоте, участвовал в самых рискованных десантных операциях, и... удостоен звания Героя Советского Союза!

Еще один герой-земляк!

О его подвигах, ставших легендой, оказывается, уже рассказано в книге. И автор книги его фронтовой друг и побратим мичман Бабиков...

Потом герой приехал в Артюшино, побывал в своей деревне Устье, встретился со школьниками, односельчанами. А. И. Карпиков в эти дни не скрывал ликования. Он снова и снова подчеркивал в своих выступлениях, что их сельсовет вырастил двух Героев Советского Союза и что этим земляки могут и должны гордиться. Из этих вот рубленых в лапу изб, с этих вот полей и проселков вышли герои-богатыри Малоземов и Никандров. Правильной, значит, жизнью жили артюшинские люди, хорошо трудились и крепко любили свою молодую Советскую Республику, потому такими выросли у них сыновья. Сыновья, как известно, в главном всегда похожи на отцов.

Земля, щедро наливая колосья, жила верой в погожие трудовые дни и долгие мирные годы.

И вместе с тем каждой пядью своей, каждой избой в деревне и каждым проселком в поле она помнила свою и человечью беду, гулявшую здесь четыре длинных военных года...

Память эта звучит над нею именами павших и живых, воевавших в поле за каждый колос, за каждое зерно.

Память эта высится на пьедесталах в образе пахарей, облаченных в воинские доспехи, трепещет живым пламенем вечного огня...

Память священна. Утратив ее, мы не станем сильнее — ни каждый в отдельности, ни все вместе. Долг живущих передать эту память своим детям и детям детей, а через них — далеким и благодарным потомкам...

ПОКЛОНИСЬ ЗЕМЛЕ

В полях снова осень... Сегодня она в той лучшей своей поре, когда ее называют «золотая». Одевшиеся в багрянец лиственные леса стали необыкновенно яркими и будто бы придвинулись к околицам сел и деревень, словно желая показаться людям в новых своих нарядах; а иные деревья даже забрели на улицы и, как дородные девки в праздничных сарафанах, стоят у калиток, шушукаются о чем-то, швыряют под ноги прохожим пригоршнями медные, еще не успевшие потускнеть пятаки. А рябины — те и вовсе модницы: платья на них самые яркие, да еще и серьги в ушах... Залюбуешься! А ведь летом и не видно было скромниц этих в зеленой толпе берез да черемух, осин да елок.

В прозрачном воздухе живут запахи опустевших огородов и бань: вчера бани дымили вовсю, полыхали жаром раскаленных камней, а в том жару, на полка́х, буйствовали березовые веники, крякали мужики, взвизгивали девки и бабы. Нет ничего сладостнее этого мытья-самоистязания для русского деревенского человека. Одна мысль о бане с веничком утешает его, какую бы тяжелую работу он ни ломил. А в осеннее ненастье, да еще накануне праздника — тем более.

И праздник этот настал. Официальное его название День работников сельского хозяйства. Честно скажем, немного в нем поэзии, но не в названии, в конце концов, дело. Дело в сути. Если иметь в виду ее, то можно бы назвать этот праздник, например, Днем благодарения. И это как нельзя лучше отвечало бы смыслу взаимоотношений человека с землей: худо ли, хорошо ли, а осенью земля чем-нибудь да одаривает селянина, оплачивает его труды.

И потому мы, люди, особенно благодарны ей, земле, когда она за нашу любовь и ласку платит сторицей. А впрочем, мы не сердимся на нее и тогда, когда она бывает чересчур строга к нам. «Земля-матушка», «земля-кормилица» повторяем мы, и даже, может быть, чаще и уважительнее, чем в урожайный год. Ну, а на «матушку», на «кормилицу» разве можно сердиться? Нельзя. Можно лишь желать всем сердцем быть достойным ее, накрепко усвоив ее нрав, ее уроки.

Вот и выходит, что в любом случае осенний праздник на селе — праздник благодарения земле. И, если хотите, — поклонения ей!

Он еще очень молод, этот праздник, только-только утверждается, постепенно обретая свое лицо, отсеивая все лишнее, бездушное, казенное и запоминая, возводя в традицию, в обычай все, что радует, возвышает душу человека, только что завершившего очередной круг многотрудных дел и забот.

Я знаю, что во многих хозяйствах праздник этот выливается в красочное народное гуляние, в котором все подчинено главному — чествованию землепашца, человека самой древней на земле профессии и в наше время не менее почетной, чем другие профессии, пусть даже архисовременные. Ну и особая честь воздается, конечно, тому, чья доля в общем ворохе урожая наиболее весома. И это правильно. Потому что доброе слово при всем честно́м народе стократ дороже самой звонкой монеты!

Думаю, что со временем этот праздник выплеснется на широкие площади городов, как это уже бытует в прибалтийских республиках, в Польше, Болгарии и других социалистических странах. И мы, горожане, будем рады разделить с селянами столь понятные и нам чувства, связанные с завершением уборки урожая: в душе-то ведь все мы немножко крестьяне... Да и кроме того, слово «урожай» — отнюдь не менее популярно в городе, чем в селе. Город никогда не был счастлив и благополучен отдельно от деревни, особенно в нашем, социалистическом государстве, исповедующем нерушимый союз серпа и молота.

Само собой понятно, что празднику, который мы сегодня отмечаем, под стать именно осень, и только осень, — для кого-то, может быть, и не лучшая пора года, но только не для крестьянина (не хочется гово-

рить «работника сельского хозяйства» или «труженика села»: ведь не говорим же мы «работник городского хозяйства» или «труженик города», «завода»). Разумеется, крестьянин умеет радоваться и весне с ее первой зеленью на лугах и полях, и лету с его запахами скошенных трав и перезвонами наливающихся колосьев... Но осень ему особенно по душе. Ликом осени он любуется с таким же чувством, с каким художник — только что завершенной картиной, или строитель панорамой грандиозной плотины ГЭС, или авиаконструктор только что взлетевшим (в первый раз!) самолетом...

Не всегда это чувство радостно: осень, несмотря на все усилия человека, может повернуться к нему и не лучшей своей стороной, как, например, в минувшем году. Не оправдались надежды землеробов ряда областей. Хлеба из-за недостатка влаги едва-едва поднялись над потрескавшейся землей, тоскливо и жалобно позванивая на жарком ветру тонкими колосками.

Трудно, горько глядеть в такую осень на поля, глядеть, припоминая, сколько было вложено в них труда и забот... Колотится в ребра сердце, припомнив ту, последнюю, надежду, с которой смотрели на редкие облака, все еще ожидая чуда, когда уже ожидать, собственно, было и нечего и незачем... Трескалась от жары земля, и каждая трещина проходила через сердце хлебороба.

Ныне уже перепаханы и вновь засеяны неразродившиеся хлебами поля. Впрочем, как и поля, пролившиеся золотым дождем тяжелых и спелых зерен. И зеленеют сейчас на тех и других всходы, как обещание, что в следующем году все будет лучше. Они настолько дружны и густо-зелены, эти всходы, что горькая память о неудаче с каждым днем отступает, точно снега с полей под лучами весеннего солнца.

Осень — пора умиротворенности. И не только в природе, но и в душе человека. Пора, когда уже ничего нельзя изменить: все позади. Можно лишь еще и еще раз перебирать в памяти свои дела и гадать, вовремя ли они были сделаны и так ли хорошо, как следовало.

И в этом смысле, осень — еще и пора зарубок на память. Она учит хлебороба. Наглядно. Предметно. И притом почти каждый раз по-новому: природа вообще не любит повторений. И крестьянину бывает необыкновенно радостно, если он усвоил ее урок, иными

словами — понял свои промахи. Ведь, в конце концов, он должен уметь противостоять, хотя бы отчасти, и засухе, и черной буре, и затянувшемуся ненастью.

Верно, нелегко это, но можно! Саму засуху, или, наоборот, дожди, мы ни отменить, ни приостановить не можем. Но научиться помогать полям и в той, и в другой беде должны.

В этом году области Нечерноземья от засухи не пострадали. И вообще, засуха в центре России, как известно, не такой уж частый гость, зато на многих здешних полях постоянная беда — излишек влаги, особенно для новых полей, разработанных на низких, заболоченных площадках. Новые поля, в отличие от старых, расположенных на буграх, уже дали прекрасные устойчивые урожаи, в отдельных хозяйствах (колхоз «Родина» Вологодской области) до 40 с лишним центнеров с гектара. И что помогло? Мелиорация! Те самые красные дренажные трубочки, с умом и аккуратно уложенные в землю на определенную глубину и в определенных направлениях.

К сожалению, не все, кто их укладывает и кто смотрит за ними, понимают, что не на год и даже не на два делается эта довольно сложная и дорогостоящая система, что закрытый дренаж — это, по сути, кровеносная система полей, и если она придет в негодность, считай, что поля нет.

«Ну вот,— скажет кто-то, прочитав эти слова,— праздник, а он о каких-то трубочках...» А почему бы и нет? — отвечу я. Таков уж он, этот праздник. Не одним застольем дорог и знаменит — без разговоров, а может быть, даже споров, расчетов, прикидок, выводов, надежд, упований, клятв, отречений — тут не обойтись. Земля ведь не бездушный станок — ушел, закончив смену, и душа не болит: завтра нажмешь кнопку — снова завертится. Земля — она живая. Она и говорить может — умей только слушать. Есть у нее и характер — умей только его понять. А поняв, полюбить ее, полюбить такой, какая она есть. И можешь не сомневаться: она в конце концов вознаградит тебя за любовь, в долгу не останется. Так как же забыть о ней на таком празднике.

А говорить о земле — значит, говорить о нашем приложении сил к ней, и даже не столько сил, сколько души. Бездушная работа не обернется сладкими пло-

дами. Бездушная работа — это работа «от» и «до». Земля не любит таких работничков и жестоко мстит им. Она требует постоянного к себе внимания, и еще — понимания. Понимания того состояния, в котором она находится в каждый данный момент.

Как же серьезно надо думать о системе взаимоотношений человека с землей, чтобы удовлетворить эти требования! Осенняя пора — самое лучшее время для раздумий. Земля отошла ко сну. Земля отдыхает. Но грош цена тому хлеборобу, который и сам будет дремать всю зиму. Настоящий хлебороб готовится к пробуждению земли заранее, стремясь предстать перед нею в тот светлый час во всеоружии, с горячим сердцем и ясной головой.

Много, наверное, будет разговоров у сельчан в этот праздничный день об ушедшем лете, об организации труда на полях: кто-то станет отстаивать безнарядную звеньевую систему, все шире распространяющуюся в колхозах и совхозах страны, кто-то попытается защитить старую, привычную, — я в этот спор встревать сегодня не буду. Скажу лишь одно: та система, наверное, будет правильной, которая обеспечит естественную, свободную, без напоминаний и понуканий, связь человека с землей.

Если в каком-то хозяйстве стоит и осыпается переспевшая рожь и никому до этой печальной картины нет дела, ни у кого, как говорят, и «голова не болит», кроме председателя колхоза и бригадира, то значит «что-то неладно в датском королевстве». Значит, земля здесь еще не невеста и не жена, а всего лишь девка на выданье: вроде бы и не дурна, и все ее замечают, а никому дела до нее пока нет.

Кто-то, припомнив этот или подобный ему факт, попытается оправдаться: дескать, все дело в том, что комбайнов недоставало, а еще точнее — запасных частей... В результате — простои.

Да, простои были — что верно, то верно. Но только ли из-за недостатка запчастей? А не из-за того ли, что кой-кому слишком вольготно и весело возле земли живется? Не на земле, а именно возле земли? А весело потому, что беззаботно. Такой человек и спать ложится с пустой головой, и встает — не знает, чем заняться. Живет по принципу «куда пошлют». А не пошлют — еще лучше. В хлебе, который надо

убрать, он не видит своего завтрашнего благополучия, его голова, которая всегда «навеселе», не способна на такое умозаключение. Свое благополучие он связывает не с полем, а с магазином и с наличием продавца в нем. Вот если продавец отсутствует, магазин закрыт, это действительно плохо: не только «злодейку с наклейкой», но и хлеба не купишь.

Не в каждом, наверное, хозяйстве есть такие люди, но они есть. И не так уж трудно их различить — особенно, за праздничным столом. Тут они самые «передовые» и по части выпить, и по части поговорить, и даже похвалиться, ударить себя в грудь — дескать, и мы пахали.

Конечно, хорошо, что современный крестьянин не знает никакой заботы о хлебе насущном. Хорошо, что деревенские женщины избавлены от хлопот, связанных с квашней, хотя испеченный в русской печке хлеб, пусть даже из муки того же помола, все-таки вкуснее, чем магазинный, паровой. Да и есть в этом своя маленькая радость, своя поэзия сельской жизни — подовый, пышущий жаром, каравай. А уж о пироге — рыбнике или ягоднике — и говорить нечего...

Но ладно, забудем о пирогах, не станем принимать в расчет эту житейскую мелочь. Однако можно ли не принимать в расчет тот факт, что освобожденный от заботы о хлебе насущном сельский житель кой-где, как я уже сказал, освободился и от заботы о хлебной ниве, об урожае? Не стоит ли в этот осенний день колхозным активистам подумать, все ли они учли, строя новые, социалистические отношения между человеком и землей на современном этапе.

Мы много говорим о том, как строить новые села, новые животноводческие комплексы, не преминем, наверное, порассуждать на эту тему и сегодня, но редко задумываемся, а то и совсем не задумываемся над тем, как строить душу современного землероба, как разжечь в нем творческую искорку, которая одна только и может сделать жизнь его наполненной, осмысленной, одухотворенной и, значит, более ценной и полезной для всего коллектива.

Не в этой ли бездуховности, отстраненности от забот, связанных с землей, надо искать главную причину вполне определившегося в некоторых хозяйствах и тревожащего всех нас общественного зла — пьянства?

Мы клеймим его позором, высмеиваем в газетных фельетонах, выставляем на суд общественности... Но достаточно ли этих мер?

...Не совсем праздничный разговор у меня получился. Да ведь не для словословий этот праздник и задуман, как я понимаю, а для того, чтобы, оглянувшись на пройденную дорогу, кое-что намотать на ус, дабы не наделать «криулей» и не набить себе новых шишек в пути, в который мы отправимся завтра.

ЖИВЕТ НА СЕЛЕ ТАКОЙ «ЧУДАК»...

ОЧЕРК

1

Иван Алексеевич просыпается сразу — без потягиваний, обычных для людей несобранных, еще и не знающих при пробуждении, что приготовил им день грядущий.

Опустив одну ногу на пол, он тянется к стоящему рядом сундучку, достает длинный, до самого паха, заводской протез, морщась от боли — лишка-таки походил вчера, — приспосабливает его к культе, закидывает на жилистое, суховатое плечо широкий поддерживающий ремень и встает, пробуя, ладно ли, терпимо ли будет...

В сенях, у двери чуланчика, в котором он спит и летом и зимой — любит свежий воздух,— услышав, что хозяин встал, нетерпеливо перебирает лапами огромный густошерстый пес Гай, звучно зевает Абу — полуторагодовалый отпрыск Гая, вполне сошедший бы за овчарку, если б не висящие, как и у родителя, уши.

Две собаки да еще кот Мурик — единственные живые души в доме Ивана Алексеевича, разумеется, кроме него самого. Он так и не обзавелся семьей, прожив уже 59 лет. Не то чтобы не хотел, а так уж получилось. До войны учительствовал — своего угла не было, по квартирам скитался, а после войны... Поздновато казалось, да к тому же и инвалидность сильно смущала: кому он без ноги-то нужен, работничек...

В общем, зря ли, нет ли, а не женился, остался бобылем. Скучно? Да, наверное, было бы скучно, если б... Если б не эта увлеченность любимым делом, страсть, которую он пронес через всю жизнь. Название

ей — цветы. А если шире — любовь к природе, облагораживание ее — для людей, на радость людям.

Работа цветовода очень схожа с творчеством, а творчество и скука — понятия несовместимые.

Ну и, конечно, для него много значат Гай и Абу — четвероногие друзья, преданные и бескорыстные, его «мальчики» (так он их зовет).

— Ма-альчики, ма-альчики! — подает голос Иван Алексеевич, берясь за скобу двери.— Гулять мальчикам надо...— и открывает дверь, тяжело перекидывает деревянную ногу через порог. Абу подпрыгивает, белые клыки наружу — улыбается, норовя положить лапы ему на плечи.

— Ну! Давно не виделись...— отворачивает Иван Алексеевич лицо от «невежи» и, придерживаясь за стенку, идет к выходным воротам, снимает запор.

— Ступайте!

Теперь бы в избу, умыться, согреть самовар, да нет, сердце постукивает: в сад, в сад... Там георгины.

Он выходит на крыльцо, берет в руку костыль. Утро солнечное, но ветреное. И ветер холодный — с востока.

Ветер ерошит волосы, отливающие серебром, Иван Алексеевич поправляет их, а глазами — туда, на грядки, где подвязанные к палочкам, стоят ровными рядами его любимцы. Мало еще красоты: холодное нынче лето. И тем больше будет радости, если за ночь расцвел хотя бы один куст.

Ах, какое это волнующее мгновение — первая встреча с незнакомцем, взлелеянным, выпестованным тобой! Каков он, цветок твоего творения? По цвету, по форме? Как держит голову? Какое имя ему будет кстати?

Не зря сердце колотилось: георгины не подвели — и этот расцвел, и тот... А флоксы-то, флоксы!.. И дельфиниумы... Ну, молодцы! А вот гладиолусы по-прежнему спят, хотя уж им-то, кажется, одно из лучших мест отведено: и тень от яблонь не достает, и воды всегда вдоволь — прямо из шланга рассеивающей струей поливает он гладиолусы...

Большое облегчение садоводу — поливка из шланга. Много лет доставал он воду ведром из колодца. Вода глубоко — вспотеешь, пока намотаешь веревку на вал ворота. А ведь еще и до грядок с лейкой дотащиться надо. Это на одной ноге...

Когда же пришло в село электричество, он, прежде чем купить телевизор, с помощью племянника Коли Ожерелкова — мастера на все руки — установил в колодце электронасос. До ближайших бочек рабочие проложили металлические трубы, а конец трубы нарастили длинным синтетическим шлангом, и теперь бочки ни дня не бывают пустыми. Без лейки, разумеется, не обойтись, но ведь не от колодца тащиться с нею, а от ближайшей бочки — большая разница.

Он обошел все грядки, мельком глянул на картошку, сиротливо зеленевшую вдоль живой стены тополей да берез — лучшего места для картошки не нашлось,— приподнял костылем притулившийся к яблоневому стволу помидорный стебель, костылем же поразбирал землянику: «Эх, полоть бы надо, да когда?..», и снова окинул взглядом сад.

Цветы, цветы — всюду цветы. Даже ульи они потеснили под яблони, под тополя, поближе к кустам смородины, густо усеянным коричневыми ягодами (а все жалуются: неурожайный год!), к малиннику, светлым островком возвышающемуся в дальнем углу сада.

Старый Гай то и дело подбегает к хозяину, перехватив его взгляд, тоже смотрит на цветок, словно понимает что-то.

— Гляди-ка, красавец-то какой! — то ли собаке, то ли сам себе говорит Иван Алексеевич.— Махровость-то великолепная! — и, весь светясь радостью, бредет к крылечку.

И вдруг:

— Ай-ай-ай! Бедненькая! — восклицает Иван Алексеевич и наклоняется над цинковой ванной, почти до краев наполненной водой, и поддевает на ладонь плавающую там пчелку: — Труженица ты моя! — Он прячет пчелу в сложенные лодочкой ладони и дышит в них, помогая обсушиться. Через минуту насекомое расправляет крылышки и взлетает.— Вот и хорошо, вот и ладно! — провожает пчелу счастливой улыбкой Иван Алексеевич.

Собаки заглядывают ему в глаза, и он понимает:

— Есть мои мальчики хотят... Ну, пошли, пошли.

Абу первым взлетает на крыльцо.

2

В войну в окопах, залитых до колен водой, или среди бескрайних степей, где ни единого деревца — только остовы сгоревших танков, лейтенанта Ожерелкова одолели сладостные и далекие воспоминания о мирных днях на родине, в старинном, с двумя церквами селе Заднем, расположенном километрах в двадцати от синего Кубенского озера.

Вспоминались праздничные дни: улочки и заулки подметены, еловые палисадники стоят ровно, а за ними — аккуратные грядки картофеля, капусты, моркови, лука, свеклы... И нигде ни единого цветочка! Лишь перед домом торговца Савичева — это были года нэпа — маленькая клумбочка с несколькими сиреневыми бутонами. Позже он узнал, что это были полевые скабиозы — скромные, неброские цветы северного края.

Но и они необыкновенно радовали глаз мальчишки. Проходя мимо, он всякий раз «прилипал» к изгороди и подолгу разглядывал клумбу.

Вспоминались еще ярмарки в селе — многолюдные, шумные и очень пестрые. Вот уж где было цветов-то! Фантастически ярких, невиданных... Но цветы эти были на платках, сарафанах да кофточках девок и баб, надевавших на ярмарку самые веселые береженые наряды.

А он, мальчишка, думал: «Неужто в самом деле бывают такие цветы? Вот бы посмотреть!» И появлялось неодолимое желание вырастить перед окнами своей избы если не такие цветы, то хотя бы яблоньку или, на худой конец, черемушку, рябинку, елочку. Он взрыхлял маленькими ладонями землю, сажал в нее семечки.

Батька, ничего не знавший о стараниях сына, когда приходила пора сенокоса, смахивал косой вместе с травою его питомцев, даже и не подозревая, какое горе причинял.

Потом были трудные годы... Заднесельцы почти сплошь потомственные сапожники-отходники. Не минул этого ремесла и Ваня Ожерелков: уже с двенадцати лет пошел подмастерьем по деревням округи. Каким-то чудом вырвался он на учебу, завершившуюся полугодичными учительскими курсами.

Он оказался на Псковщине и принял совсем беспризорную, без единого учителя школу.

С новой силой разгорелась мечта о цветах. Сумел увлечь ею и ребятишек. И, несмотря на то, что земля возле школы была песчаная, добился своего: по всему участку запестрели цветы, зашумели молодой листвой березки и тополя... Как радовались ребятишки красоте, как ревниво охраняли ее!

«Каков-то он сейчас, тот пришкольный садик?» — не раз думалось на фронте Ивану Алексеевичу. Там, на поле, усеянном сотнями, а порой и тысячами трупов, вдруг брало сомнение: «А не сон ли это? Был ли он на самом деле?»

В 1944 году, когда дымный вал войны катился уже по Германии, лейтенанта Ожерелкова снова ранило — на этот раз тяжело. Сознание возвращалось медленно, рывками. Сразу понял: « Не на земле лежу... на кровати... Подобрали, значит...» Но вместе с этой мыслью пришло ощущение страшной, нестерпимой боли. Он тогда еще не знал, что ему предстояла ампутация ноги... Попробовал пошевелиться — и снова провалился в бездну небытия. А когда опять выкарабкался, думалось лишь об одном: скорее бы умереть, избавиться от этой пытки.

И вдруг перед глазами возникли цветы, совсем незнакомые, ярко красные. Он подумал: «Снится». Но нет, большой букет стоял на столе, покрытом белой простыней. Такие же цветы благоухали на тумбочке, на подоконнике. Какая красота! Откуда это чудо?!

— Сестра, дайте мне веточку...— И вдруг хлынули слезы...— Сестра, я буду жить?

— Будешь, лейтенант.

3

Ивану Ожерелкову послевоенное счастье виделось таким: дом, крылечко, увитое плющом, яблони и цветы... Но, когда он вернулся в село, цветов не было. Морозы выжгли подчистую даже яблони-дички.

Хмурый, с трудом вытаскивая из грязи костыли, Иван Алексеевич брел по утрам в школу, находившуюся почти в километре от околицы, останавливался, чтобы перевести дух, окидывал взглядом луга и косогоры, озера, холодно поблескивавшие за недалеким

лесом — багряный лес на фоне озер был особенно красив,— потом оборачивался назад, лицом к селу, и сокрушенно вздыхал. Фронтовые мечты пока оставались мечтами: над черными крышами изб лишь кое-где неярко желтели уже почти облетевшие тополя да березки. Война научила думать о хлебе насущном, научила дорожить землей: каждый клочок, даже заулки перекапывались под картошку — она считалась вторым хлебом...

А Ожерелков продолжал мечтать о своем. Вот этот косогор, что между околицей села и школой, — чем не место для сада? Фасадом — весь на юг, а для здешних краев это немало.

Пришел он как-то в контору колхоза, начал уговаривать председателя: «Такую войну закончили, столько крови пролили — пора душу отогреть. Давайте сад заложим. Ведь как они цветут, яблони-то, залюбуешься. Берусь сад вырастить, купите только саженцы. С яблоками будем. А там, глядишь, и пчел заведем».

И председатель вроде бы согласился, хотя и не преминул пожаловаться: не до яблок.

Оставалось подождать до весны... Но не тут-то было: к весне председателя того сняли... Пока приглядывался к другому да пока агитировал его — прошло еще два года. А вскорости и второй покинул свою должность, и договоренность о саде опять потеряла силу.

С колхозным садом на косогоре так и не получилось. Вернее, не получилось отчасти: нижняя часть косогора, примыкающая к школе, веснами все-таки полыхала яблоневым цветом! Молочно-розовое облако пенилось тут и в этом июне, и не вина Ивана Алексеевича, что оно растаяло, не обернувшись плодами: заморозки побили цвет.

Сейчас Иван Алексеевич уже не работает в школе. Однако там помнят его добрые дела: на стенде, оформленном старшеклассниками и озаглавленном «История Заднесельской школы», есть уголок, посвященный Ивану Алексеевичу Ожерелкову. «Сад, который сейчас окружает школу, — написано ученическим почерком на стенде, — заложен бывшим учителем русского языка и литературы И. А. Ожерелковым». Тут же помещен и фотоснимок: Иван Алексеевич с учениками на весенних работах в саду.

Но и это не все. Школьного сада ему показалось мало. То есть не то чтобы мало, нет... Ему хотелось, чтобы красота перекинулась и в село, заняла подобающее ей место на центральной площади, на которой в давние годы шумели пестрые ярмарки, бухали колокола, ржали кони, звонко кричали галки... Ярмарок давно уже не было, и площадь пустовала, вдоль и поперек изрезанная гусеницами тракторов и колесами автомашин.

Сейчас в центре села Заднего — красивейший парк; впрочем, его можно назвать и садом, потому что там не только березы, но и яблони, и густые заросли черной смородины. Кто-то из местных руководителей, с неудовольствием глядя, как сельские ребятишки «пасутся» в парке, нередко даже с корзиночками, сказал:

— Надо выбросить смородину из парка!

Иван Алексеевич запротестовал:

— Зачем лишать детишек радости? Щиплют ягоды — и пусть. Для того и посажены.

Нет, он не позволит обидеть ребятишек — они первые его помощники. Разве успел бы он приглядеть и за этим парком, и за школьным, не будь у него маленьких друзей? Может быть, именно они вдохновили его и на новые дела — я называю это подвигом! — заложить в селе и второй общественный сад — на сей раз возле мастерской «Сельхозтехники», занимающей с пятидесятых годов здание одной из двух бывших церквей. Церковь была нестарая, и здание выглядело совсем неплохо, но то, что творилось возле нее, трудно даже описать. А впрочем, кто видел сельские машинно-тракторные мастерские, тот сможет представить; перепаханная, вздыбленная гусеницами тракторов земля с непременными ухабами и лужами, ржавеющие тут и там остовы изношенных машин и комбайнов, торчащие из земли тросы, порванные гусеницы... И ни единой травинки — «земля вся пропиталась автолом и керосином... Садик Ивана Алексеевича, одной стороной примыкавший к двору мастерской, казался сущим раем.

И вот что примечательно. Никого в селе столь очевидное бескультурье не возмущало: дескать, мастерская так мастерская и есть. У тракторов да не замазаться!.. Равнодушно смотрели на эту грязь и хаос и работники сельсовета, привыкли, пригляделись, двор-

то мастерской находится как раз перед окнами сельсовета.

Когда Иван Алексеевич в первый раз высказал мысль о том, что надо бы возле мастерской заложить общественный садик, никто и к разговору не пристал: нашел, дескать, место.

И в самом деле, трудно было, даже обладая изрядной фантазией, представить на этом месте цветочные клумбы и грядки.

Но Ожерелков представлял, а главное, твердо верил, что цветы он сумеет вырастить, требовалось лишь перенести двор мастерской на противоположную сторону — там и просторнее, и удобнее будет: рядом поле. Надо убрать хлам (заодно выполнить план по сдаче металлолома), участок выровнять бульдозером, привезти несколько машин торфа... А уж остальное он берет на себя: увлечет новым делом ребятишек — он это умеет! — а там, глядишь, и старичков пенсионеров расшевелит: полезно, дескать, на свежем воздухе...

Он настоял на своем: на очередном исполкоме сельсовета решение о закладке второго общественного сада было принято.

К лету старый двор мастерской «Сельхозтехники» был весь в цвету. Вдоль забора густо запестрели легкомысленные космеи, по обеим сторонам центральной аллейки выстроились высокие мальвы, выставив во все стороны разнообразнейших оттенков цветы, удивительно похожие на граммофонные трубы: на отдельном участке, где земля была получше, красным, оранжевым, розовым, белым пламенем заполыхали георгины. Чуть позже зацвели гладиолусы. Декоративные маки в самом центре своими соцветиями образовали пятиконечную звезду, а рядом другие цветы — дорогое для всех имя: «Ленин». За каждой буквой-грядкой ухаживали двое-трое школьников: сажали, поливали, пропалывали... Конечно, не без направляющей руки Ивана Алексеевича.

4

В последние годы уже не только в общественных садах села Заднего цветут невиданные и не знакомые ранее здесь цветы — георгины, гладиолусы, флоксы, дельфиниумы. Их можно увидеть и на личных участках, под окнами изб, обнесенных штакетником или

традиционной для здешних мест изгородью из еловых да березовых колышков. Правда, предпочтение пока отдают все-таки не цветам: почти во всех огородах буйствуют смородина и малина — сортовые, крупноплодные. Их завез в село опять-таки Ожерелков! Он снабжает черенками всех, кто пожелает, но при этом обязательно напомнит о цветах и — хочешь не хочешь — наделит семенами или клубеньками. Берите, сейте, высаживайте... Не надо ни денег, ни благодарностей — он будет рад, если еще перед одним домом исчезнут лопухи и крапива, а улица улыбнется прохожему еще одним цветком и, кто знает, может быть, смягчит чью-ту душу, подымет настроение...

В садах Ивана Алексеевича много разных цветов. Но непроходящая страсть его — георгины. Это из-за них он поехал через пять лет после войны в далекий Мичуринск, желая наконец увидеть собственными глазами и во что бы то ни стало обзавестись посадочным материалом. Сотни цветущих георгинов в саду тамошнего селекционера-цветовода Федорова буквально ошеломили его. «Такой красоты я никогда еще не видел!» — рассказывал он землякам, вернувшись домой.

С тех пор в руках Ивана Алексеевича перебывало более 800 сортов, выведенных советскими и зарубежными селекционерами, более 600 сортов он вывел сам. С ним делились опытом многие цветоводы страны, но особенно много дала ему сначала заочная, а потом и личная дружба со знаменитой георгинисткой из Подмосковья Марией Федоровной Шароновой. Это ее статьи, опубликованные в журнале «Цветоводство», ее добрые советы и щедрые посылки помогли ему добиться замечательных успехов в селекции георгинов... А главное — в распространении созданной им красоты по белу свету.

Да, именно в распространении! В этом жизненная цель Ивана Алексеевича Ожерелкова. Не страсть к цветам сама по себе и уж, конечно, не корысть — он не выручил на цветах ни одной копейки! — движет им в этом красивом, но требующем огромных физических усилий деле. Ну-ка посадите весной 800—900 георгинов (только георгинов!) и добейтесь, чтобы к концу недолгого северного лета все они зацвели! При этом не забудьте, что в жаркие летние дни каждый куст требует... почти ведро воды!

Иван Алексеевич высаживает — и все 900 к концу августа у него цветут!

Ни в одном саду в Вологодской области не увидишь столько цветов, сколько их в маленьком садике Ожерелкова.

А самое главное — в области нет и другого такого села. В этом смысле Заднее совсем не «заднее». Уже четыре года подряд здесь проводятся свои, сельские, выставки цветов. В прошлом году, например, в ней приняли участие 70 хозяйств и организаций. Это не мало, если учесть, что на районной выставке в с. Усть-Кубенском показали свою продукцию лишь 12 участников. Иван Алексеевич представил 42 букета и несколько композиций. И, конечно, занял первое место.

Тот год был особым. Благоустройство, озеленение сел и деревень проходило под знаком подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Областным исполнительным комитетом были разработаны условия соревнования на лучшее по благоустройству село, поселок, город, созданы предъюбилейные комиссии. Многого ждал для себя Иван Алексеевич. Думал, что теперь-то ему будет полегче воевать за порядок, за красоту в родном селе, побольше будет помощников, а значит, поубавится неухоженных, неприбранных палисадников, а они ведь — лицо улицы. Надеялся, что будет наведен порядок возле общественных зданий: сельсовета, конторы совхоза, клуба, почты, больницы, кружевной артели, детского садика, магазина.

Нельзя сказать, что ожидания его совсем не оправдались. Однако сделано было значительно меньше, чем ему хотелось: общественные сады, верно, благоухали, и в палисадниках возле домов цветов поприбавилось, но около общественных зданий мало что изменилось. Не произошло коренного перелома в сознании людей, в понимании важности дела, которому он посвятил всю жизнь: по-прежнему его помощниками были те же девочки младшего школьного возраста, а здоровые и молодые люди считали зазорным возиться с «цветочками» и снисходительно поглядывали на «чудака» инвалида, от зари до зари копошащегося то в своем, то в общественном садах.

Но вот в середине сентября в Заднее приехала комиссия из райцентра, обошла в сопровождении мест-

ных руководителей село — Иван Алексеевич хотя и через силу, но тоже ковылял вместе со всеми, — а на другой день из края в край разнеслась весть: сельсовету присуждены первое место по благоустройству и премия 500 рублей. Сад И. А. Ожерелкова, сказал председатель комиссии, решением облисполкома объявлен памятником природы и взят под охрану и на особый учет.

Передавали вместе с тем, разводя руками, что Ожерелков («вот чудак») выступил на сессии против присуждения сельсовету премии: не премировать, дескать, нас надо, а крепко поругать. Сколько праздного люда в селе! А попробуй позвать на субботник по благоустройству... Слишком много, мол, говорим о материальной заинтересованности и совсем не говорим о коммунистической сознательности, о совести, в конце концов. Школу тоже надо покритиковать: не прививает она детям любви к природе, не учит создавать и беречь красоту. Классные руководители не удосужились даже привести ребят на выставку цветов, хотя он приходил в школу, просил их об этом. В результате больше половины школьников выставку не видели. А ведь нынешние школьники — будущие папы и мамы. Чему они научат своих детей?

«Да, чудной человек!» — качали головами сельчане. Но было в этих словах уже не столько снисхождения, хотя и доброжелательного как всегда, сколько восхищения «чудаком», уважения к нему.

5

Я познакомился с Иваном Алексеевичем летом — целый месяц жил в селе Заднем. Все, о чем было рассказано выше, видел своими глазами или слышал из его уст.

Мы крепко подружились и теперь часто пишем друг другу: я о своих делах и заботах, он — о своих. А забот у него, раздумий о жизни — полна голова. Думаю, что он не посетует на меня, если кое-что из его писем я сейчас обнародую.

Постоянная забота Ивана Алексеевича — дети.

«Очень хочется, — читаю в одном из писем, — чтобы выведению новых сортов цветов и плодово-ягодных культур ребят обучали учителя-биологи. Эти занятия

принесли бы большую пользу будущим строителям коммунизма. Коммунизм — немыслим без цветов, без садов...

Привитие любви к родной природе, а следовательно и к Родине, должно значиться одним из первых пунктов в кодексе поведения работников народного просвещения и родителей».

Далее он развивает эту мысль так:

«Проблему эстетического воспитания, нравственного совершенствования человека трудно решить без привлечения такого союзника, как природа».

А вот что он рассказывает о своих повседневных делах:

«Георгины с 7 на 8 октября подмерзли. Выкапываю клубни. Дня на три дел осталось. А потом примусь за гладиолусы. Дней десять копать буду. Ведь и в новом саду опять все одному приходится убирать. В пионерский день приходила учительница со школьниками. Собирали семена, копали целину, две грядки сделали. Молодцы ребятишки!

В своем саду я тоже всю целину перекопал. Если здоровье не подведет, то цветов на будущее лето будет больше. Семян нынче много собрал. Дал статейку в районную газету, и сейчас каждый день — письма. Уже 63 просителям отправил по 4—6 пакетиков с семенами... Жаль, что пока мало желающих».

Позже он писал, что желающих оказалось не так уж и мало, особенно после того, как я по всесоюзному радио рассказал однажды о нем и его увлечении. За две недели он получил более 300 писем. Запас семян иссяк за несколько дней, а клубеньки георгинов, к сожалению, он выслать не может, ни осенью, ни весной почта посылок не принимает... Бездорожье.

Весной, летом, осенью Иван Алексеевич работает по 13—15 часов в сутки. Устает, конечно. И частенько недомогает. Но, ложась в постель, глотать лекарства не спешит. Он твердо уверовал, что труд, особенно если он по душе, лучшее лекарство против всяких болезней.

И совершенно не понимает и даже обижается на тех людей, которые жалеют его.

Вот характерный в этом смысле штришок из его письма:

«Сердце стало пошаливать в последние дни, устаю быстро... А время не ждет, дел так много! И так интересно, мило работать. Если бы довоенное здоровье!.. Соседка сегодня говорит мне: «Опять мучишься?» Вот чудачка! Считает, что для меня труд — мучение. Как она ошибается! Ведь делать то, что по душе — большое счастье. И дай бог, чтобы у каждого человека лежала душа хотя б к одному какому-нибудь полезному себе и людям делу!»

Летом он снова приезжал в Москву к М. Ф. Шароновой. Не легкое для него путешествие. Но уж очень хотелось посмотреть, что нового в саду у Марии Федоровны, наговориться с нею досыта, радостями и горестями поделиться, доброго опыта занять.

Уезжал он восхищенный, набив рюкзак до отказа черенками да саженцами.

Теперь пишет мне:

«От М. Ф. Шароновой получил большое письмо. Все в своем саду переделала. Даже сирень и пионы на новое место пересадила. Удивительной энергии человек! Ведь такое и сильный мужчина не каждый сумеет! А ей-то за 80!.. Расцвели у нее под осень два клематиса. Это победа! Получить хорошие клематисы в Подмосковье из семян — большая победа! Ай да Мария Федоровна!»

О планах на будущее:

«У меня были гости из Вологды. Снова агитировали (особенно главный агроном плодоводческого совхоза А. И. Киселев) переехать в совхоз в Барское. У них там будут строить большущие теплицы. А цветоводов в Вологде нет... Второй раз меня туда сватают. Соблазняют квартирой со всеми удобствами... Но разве я расстанусь с Задним! С Гаем и Абу! Мне и здесь хватит дел. Надо еще сельский сад вдвое расширить, питомник сделать, вырастить в нем что-то и все выращенное к месту пристроить. Много впереди дел. Только бы силенок достало».

6

«Только бы силенок достало...» Задумываюсь над этой строкой, и в памяти всплывает картина: Иван Алексеевич копается в своем садике, на участке, где

уже отцвели ранние цветы — тюльпаны и еще какие-то, не припомню... В наклон ему работать нельзя, сильно ломит глаза, да и неудобно — одна нога у него все-таки не своя. Поэтому работает он и передвигается по участку, сидя на фанерном листе. Сейчас это не так уж плохо: день солнечный, земля сухая. Но ведь и ранней весной, когда надо и землю приготовить, и посадить в нее семена, и поздней осенью, когда приходит пора уборки клубеньков георгинов и гладиолусов, он все делает таким же способом! Я удивляюсь и говорю ему об этом. «А что же делать-то? — улыбчиво отвечает Иван Алексеевич. — В окошко выглядывать? Нет, это не интересно. Это не жизнь!»

Бездельничавший тут же Абу вдруг вскакивает и с лаем несется к калитке.

— Абу, не ругайся. Ах какой безобразник! — не глядя в сторону собаки, спокойно, как человеку, говорит Иван Алексеевич и для меня добавляет: — Помощницы мои пришли, наверное.

И действительно, от калитки донеслось:

— Иван Алексеевич... — Голосок тоненький, как звоночек.

Абу, узнав своих, возвращается, разочарованно ложится рядом с хозяином, позевывает как ни в чем не бывало.

— Краса-авицы мои хорошие пришли, — таким же тоном отвечает Иван Алексеевич, весь светясь от радости. — Ай, какие они у меня умницы... Что делать-то? — повторяет он вопрос девочек. — А давайте-ка прополкой сегодня займемся в новом садике... Только внимательней, девочки, цветочки не выдерните... Ладно? А потом приходите сюда — смородину кушать будем.

Девочки, понимающе переглянувшись, разбегаются по садику. А мы продолжаем разговор все о том же: о благоустройстве сел и деревень. Верно, говорю я, пришла пора со всем размахом взяться за это дело. И избы новые строить надо — хватит, пожили в дедовских, и клубы, и магазины, и, что особенно важно, дороги. Но для этого нужны средства, и немалые...

— Согласен с вами, — твердо произносит Иван Алексеевич. — Нужны средства, а их пока на все не хватает... Добавлю еще — не хватает и рабочих рук. Но ведь для того, чтобы посадить деревья и цветы,

скосить крапиву и репейник возле стен и заборов, перестать выбрасывать на дорогу мусор — для всего этого ведь никаких средств не надо. — Иван Алексеевич победно глядит на меня, и я не могу его доводов оспорить.

Продолжая рыхлить маленькой лопаточкой землю, отбрасывая в сторону разные корешки, он говорит:

— Не скажу, что о культуре деревни в наше время не проявляется заботы. И в газетах, и по радио то и дело слышно: все колхозы радиофицированы, столько-то в деревне радиоприемников, столько-то телевизоров (вот и в нашем небольшом селе их уже больше 40), через день, а то и каждый день — кино, лампочки электрические даже в сенях и во дворах светятся... Это хорошо, конечно, и кино, и радио, и телевидение. Но ведь они совсем вытеснили песни, хороводы, игры, пляски, без которых деревню просто и представить невозможно... У нас в селе, например, перед войной был чудесный хор, оркестр струнный, хороший драмколлектив... А гармонисты какие были — и не хочешь, да плясать пойдешь. А как плясали — ух! Русского-то... Знаете?

— Ну, еще бы... — коротко отвечаю я, боюсь перебить Ивана Алексеевича.

— А теперь — все готовое. Теперь и у деревенских жителей отношение к культуре иждивенческое, потребительское. Бывало, девчата только на улицу выйдут — и тут же песня полетела в другой край села... А теперь песню готовую в руках несут. Транзисторов понакупили. Гундит чего-то, и все не по-нашему. А и по-нашему, так все равно ни уму ни сердцу... По инерции, я думаю, и на благоустройство люди стали смотреть, вот так же потребительски: кто-то деревья посадит, цветы разведет, лужу на дороге гравием засыплет... Эх, если б победить извечную лень нашу, насколько красивей была бы жизнь! Вы поглядите... — Иван Алексеевич обвел взглядом свой сад, — поглядите, как щедра и добра земля, если к ней с любовью относиться.

Он на минуту замолкает, берется одной рукой за краешек фанерки, другой упирается в землю и рывком передвигается на новое место.

— Осенью съезд колхозников будет, — продолжает он выговаривать наболевшее. — Неужели о благо-

устройстве да озеленении сел в устав ничего не запишут? Как вы думаете?

Я говорю, что, наверное, запишут, но Иван Алексеевич чувствует мою неуверенность и — в который раз! — просит меня:

— Эх, написали бы вы статейку об этом!.. Чтоб поняли люди, что цветочки не забава, не прихоть чудаков. Цветы, деревья — это чистый воздух, это, наконец, хорошее настроение... А с хорошим настроением и сделаешь больше. Разве это так уж мало?! Раздумывают, послушаешь, почему молодежь из деревень уходит. Много причин называют. А я считаю: были бы наши деревни благоустроенными, чистыми, утопающими в зелени садов, не всякий бы так это, с легким сердцем, вспорхнул да и полетел от родного гнезда. Жалковато было бы...

От калитки снова донеслось:

— Иван Алексе-евич... Мы пропололи.

— Вот и хорошо, девочки, вот и молодцы!

Он поднялся и пошел навстречу улыбающимся в предвкушении удовольствия девочкам.

СОДЕРЖАНИЕ

Викулов Сергей Васильевич

ЗЕМЛЯ ГОВОРИТ — МОГУ!

Редактор Л. В. Урушева
Оформление Р. С. Климова
Художественный редактор В. С. Вежливцев
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректоры Н. С. Дурасова, А. А. Фонтейнес

Сдано в набор 15.VI.1979 г. Подписано в печать 16.VIII.1979 г
Форм. бум. 84×108/32 (бум. тип. № 1). Физ. печ. л. 4,25
Усл. печ. л. 7,14. Уч.-изд. л. 6,776. Тираж 5000. ГЕ04584
Заказ 4451. Цена 40 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Вологодское отделение, Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

40 коп.